ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

31

Е. Д. Поливанов

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДЛЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ВУЗОВ

ЛЕНИНГРАД 1928
Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе

Пров 38
[illegible] 1966
[illegible]
[illegible]
Библиотека [illegible]
154
43

Ленинградский Областлит № 8632 — 14¼ печ. л. — Тираж 1000

Государственная Академическая Типография.
В. О., 9 линия 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Условия, в которых находится автор, составляющий обще-лингвистический курс *для восточников,* существенно отличаются от положения авторов обычных «Введений в языкознание», которые почти исключительно имеют дело с индо-европейскими языками, расчитывая на читателя, изучающего, в качестве специальности, или русский, или один из трех главных европейских языков. Составителю же обще-лингвистического труда, основанного на материалах восточных языков, приходится в данной области быть пионером: ибо, кроме пережившей свою эпоху книги Gabelentz'a «Sprachwissenschaft», я, по крайней мере, не знаю какого-либо другого подобного обще-лингвистического труда. Затем — в пособиях данного рода должно найти место и все то, что предлагается в общих курсах «западникам», так как вряд-ли мыслимо лингвистическое образование без элементарного ознакомления с индо-европейской сравнительной грамматикой, без дифференциального описания трех западно-европейских систем (немецкой, французской, английской), и без обучения методам лингвистического анализа на родном, — т. е. в данном случае русском — языке. Материал восточных (главным образом неиндоевропейских) языков, в доминирующем большинстве случаев, еще не проработан монографически и, следовательно, вводить его в обще-лингвистический курс — это значит превращать, в то же время, данный курс в совокупность исследовательского характера экскурсов по различным языкам. К тому же, данная книга выходит в момент наиболее резко выраженного перелома направлений в работе русских лингвистов, в период искания

новых путей нашей наукой под знаком «социологического языкознания», а потому я, хотя и не имея надобности останавливаться на критическом разборе еще не выкристализовавшихся учений и тем более на теориях, чуждых диалектическому развитию истории лингвистики (уже потому просто, что они лишены в ней отправного пункта социальной значимости), должен все же изложить методологию социологической лингвистики, как дисциплины ближайшего будущего — в советской и международной науке. Задача эта, несмотря на свою кажущуюся утопичность, для представителя русской науки оказывается более выполнимой, нежели для лингвиста Запада—ибо именно у русских лингвистов предшествующего периода — у бодуэновской школы прежде всего — проработка теоретических и методологических вопросов лингвистики ушла настолько вперед, что на Западе только за последнее десятилетие намечаются и ставятся на разрешение вопросы, уже давно получившие здесь почти исчерпывающий ответ. Таким образом, включение темы «социологическая лингвистика», оказывается возможным, — а следовательно, и обязательным для настоящего курса «Лекций», поскольку он имеет ввиду удовлетворить запросы современности, выявляющиеся в нашей науке именно в форме интереса к социологическим факторам языковых явлений.

Вышеуказанным уже предопределен смешанный, неоднородный характер книги: наряду с элементарным пособием по общему языкознанию в нее должен будет войти ряд сведений по отдельным описательным и компаративно-историческим проблемам разных языковых групп Ближнего и Дальнего Востока — и, наконец, ряд положений из теории эволюции языка и прочих главнейших проблем «социологической лингвистики» (напр. учет причинных связей между языком и фактами экономического быта, методология описания языка в социально-групповом разрезе, социологическая диалектология и т. д.). Нельзя, разумеется, оставлять в стороне и вопросов «прикладной лингвистики».

Соответственно этому, рукопись моих «Лекций» распадается на следующие части:

Лингвистическая пропедевтика (вводные понятия).

Общая фонетика (с иллюстративным материалом преимущественно из восточных языков).

Иллюстративный материал по фонетике в виде описаний звукового состава русского и трех западно-европейских языков.

Иллюстративный материал по фонетике из восточных языков — в виде характеристики звуковых систем отдельных языков и диалектов: японского, китайского, турецких (азербайджанского, узбекского, казакского, татарского), калмыцкого, чеченского, абхазского, грузинского, армянского и т. д.

Элементарные понятия общей морфологии.

Теория эволюции языка.

Методы сравнительно-исторического языкознания.

Иллюстративный материал из сравнительной грамматики индо-европейских языков и сравнительно-исторических грамматик некоторых групп не-индо-европейских языков.

Понятие морфологической классификации языков.

Социологическая лингвистика.

Прикладная лингвистика.

Языкознание и поэтика (фонетическая теория мерной речи).

Генеалогическая (т. е. реальная) классификация языков.

Удастся или нет довести до конца опубликование всех этих частей курса — будет зависеть от причин, находящихся вне усмотрения автора; во всяком случае весь материал потребует еще несколько томов «Лекций». Настоящий же, первый том, занят только двумя из вышеуказанных тем: 1) Лингвистической пропедевтикой, 2) Общей фонетикой. Относительно первого тома приходится констатировать (а относительно второго предвидеть) факт несколько иной группировки материала, нежели в вышеизложенном плане (перечне частей): например, самое основное из «Элементов общей морфологии» излагается до иллюстративного материала по фонетике (а отчасти и в «Лингвистической

пропедевтике»). Подобные перегруппировки отдельных глав возможны и в будущем, что естественно объясняется желанием дать возможно больше элементарно-необходимых сведений в каждом из первых томов, чтобы вышедший в свет том мог, хотя бы в некоторой степени, служить как-бы законченным пособием до выхода остальных. Автор не сомневается в том, что книга будет содержать промахи и недостатки, обусловленные новизной предмета и подхода и что отдельные места явно открыты обстрелу критики. Но кое-где они допущены сознательно: например в изложении общей фонетики читатель встретит излишнюю схематизацию и «упрощенство». В частности, в изложении деления звуков типа «к г х» употреблены термины «неглубокозаднеязычный» и «глубокозаднеязычный» и не без умысла умалчивается про принципиальное противоположение «велярных» (напр. q = ق) «заднеязычным = не-глубокозаднеязычным» (напр. k = ك) ввиду пассивной роли языка (задней части языка) при первых (q) и активной при вторых (k). Ведь, если рассматривать настоящий курс «Лекций» как то, чем ему фактически и предназначается быть в первую очередь, то есть, как пособие для студентов востоковедных ВУЗ'ов, то вышеуказанное условное употребление терминов «неглубоко- и глубоко-заднеязычный» будет вполне достаточным практически — и, в то же время, гораздо более легким, чем строго-последовательное противоположение «велярных» и «заднеязычных». Ведь все дело в том, что употребляя последние термины без специальных комментариев, т. е. не упоминая о различии активных органов в произношении [q] и [k] — иначе говоря, повторяя прежнее деление на «палатальные» и «велярные», — это значит — не сказать ничего по существу об артикуляции названных согласных; и в таком случае нет особой надобности в термине «велярный»: *этот* его смысл вполне достаточно выражен словом «глубоко-заднеязычный». Вдаваться же в комментарии по вопросу об активном органе было бы возможно во время семинарских занятий общей фонетикой (в фонетическом практикуме), но

в письменном изложении курса — без иллюстраций аккустическими эффектами (в данном случае — обоих видов произношения, т. е. k и q при одинаковой зоне смычки) — оказывается довольно трудным.

А главное — в практическом приложении фонетических сведений к усвоению звуков другого языка термины «глубокий» и «неглубокий заднеязычный» оказываются и удобными и вполне достаточными.

Такого же рода упрощения можно указать и в ряде других мест в изложении фонетики. Умышленно, например, в описании японской звуковой системы, я не останавливаюсь на особом типе слогов — с гласным, предшествующим долгому (глухому) согласному; последнее — в связи с тем, что весь общий (уже не японский, а обще-фонетический) вопрос о *слоговой границе* я счел позволительным вовсе изъять из курса.

Наконец может показаться упущением, что в начале курса нет рассуждения о пользе языкознания — о философском и утилитарном его значении (хотя строго говоря, вопрос об использовании какой-либо науки не входит в само содержание данной науки). Но в виду того, что подобные вопросы уяснить себе удается гораздо легче тогда, когда приобретены уже некоторые знания по самой данной дисциплине, я позволил себе отступить от общего правила и говорить об общественном значении научного языкознания не в начале, а скорее в конце курса: о философском значении лингвистики (в кругу других дисциплин «человековедения») будет итти речь в связи с частным вопросом о принципе мутационных изменений в природе (а в частности и в эволюции языка) — в отделе «Теория эволюции языка». О прикладной (и вспомогательной для других наук) роли нашей науки придется говорить в связи с конкретным материалом многих других отделов.

Однако, необходимо оговорить способ пользования «Лекциями». Для прохождения «Введения в языкознание» и «Общей фонетики» отнюдь не следует читать весь текст «Лекций» и ни

для одной из востоковедных специальностей (т. е. ни для одного из разрядов востоковедного ВУЗ'а) не предназначается курс этот целиком.

Для изучающего какой-либо язык, усваивать рекомендуется места общего значения и то из иллюстративного материала, что относится к изучаемому языку. В обособленные экскурсы (а частью и в отдельные главы) выделены, кроме того, темы монографического характера.

Приношу благодарность Ленинградскому Институту Восточных Языков за честь, оказанную мне включением «Лекций» в число изданий Института, и Типографии Академии Наук за выполнение столь трудного издания.

Е. Поливанов.

V 1928.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вводные понятия (лингвистическая пропедевтика).

§ 1. *Различие между лингвистикой и практическим изучением языков.* Лингвистика,[1] как научная дисциплина, исследующая явления человеческого языка в их причинной связи, отличается от простого «практического изучения языков» именно тем, что к каждому языковому факту лингвистика подходит с вопросом о причинах данного явления (другое дело, в силах ли современное состояние науки дать ответ на те или другие из этих вопросов).

Эту особенность научной лингвистики можно назвать прагматизмом[2] (сравни прагматизм в истории) и таким образом противополагать *прагматическое языкознание* (т. е. лингвистику) простому практическому изучению языков.

§ 2. *Деление языкознания (лингвистики) на описательное и историческое.* Лингвистические работы, рассматривающие только явления, существующие в данном языке в какую-нибудь *одну эпоху* (чаще всего — в современный период),[3] относятся к *описательному языкознанию.*

Историческое же *языкознание* ведает связи между фактами различных периодов жизни языка (т. е. между фактами, относя-

---

[1] Слово «лингвистика» (по-французски — linguistique, по-английски — linguistics) происходит от лат. lingua «языка». Другие названия лингвистики: *языкознание* (по-немецки — Sprachwissenschaft), *языковедение*, и иногда — с подчеркиванием отличия от практического изучения языков — *научное языкознание* (или — языковедение).

[2] От греческого πράγμα (prágma) «дело».

[3] Что имеет место в описаниях современных нам *живых* языков.

щимися к языкам разных поколений). При этом нужно указать, что в лингвистике (т. е. прагматическом языкознании, как таковом) большинство объяснений причинной связи языковых фактов выходит за пределы данного (—напр. современного нам) состояния рассматриваемого языка, так как причина явления обыкновенно оказывается принадлежащей языку прошлых поколений,[1] а потому *историческое языкознание* (которое, по имени своего «сравнительного» метода, оказывается в то же время «сравнительным» или «сравнительно-историческим» языкознанием, — см. ниже § 10) *занимает* весьма *важное место* в нашей науке. Тем не менее, среди даваемых лингвистикой объяснений (т. е. указаний причинной связи) языковых фактов найдутся и такие, где привлекается только материал описательного языкознания (т. е. факты современного языкового состояния).[2]

Указанное преобладание данных исторического языкознания в установлении причинной связи языковых явлений отнюдь не предполагает, однако, что в научно-лингвистической литературе нет законного места для работ *описательных* (т. е. относящихся исключительно к области *описательного* языкознания и излагающих, следовательно, языковые факты одного лишь данного

---

[1] Так, например, современные нам факты живого японского разговорного языка приходится объяснять, как результат процессов, имевших место в языковом мышлении японцев давно минувших эпох — напр. эпохи китайских заимствований VIII—X в. н. э. или же еще более отдаленных периодов «общеяпонского» и «до-японского» языкового состояния (где лингвистика оперирует уже с явлениями до-исторических времен).

[2] Так, например, отвечая на вопрос «почему?» по поводу таких фактов (имеющих место при скрещении двух разных живых языков), как 1) пропуск начального с [s] перед следующим согласным — корейцем, говорящим по-русски (и произносящим, следовательно, «тарик» вместо «старик», «колько» вместо «сколько» и т. д.) или же 2) замена русского Ф [f] через п [p] в языковом мышлении узбека (—«понарь» вместо «фонарь», «пракция» вместо «фракция» и т. д.; а иногда и параллельная этому обратная замена — русского «п» [p] через «Ф» [f] — «фроза» вместо «проза» и т. п., [сравни узбекское написание فايز т. е. — fəjız для русского «поезд» и т. п.]), — нам достаточно для мотивировки этих явлений сопоставить между собою системы звукопредставлений обоих скрещивающихся здесь языков (1) русского и корейского, 2) русского и узбекского), т. е. достаточно данных *описательного языкознания*.

периода). Наоборот, литература этого рода (—описательно-лингвистическая), — куда войдут все научные «описательные» грамматики, словари и т. д. современных нам живых языков, чрезвычайно богата и чрезвычайно ценна (независимо уже от практического своего значения) для прагматической лингвистики, так как всякая наука нуждается прежде всего в сборе и в надежной и точной регистрации фактического материала, что и является задачей вышеуказанных работ описательно-лингвистического характера.

§ 3. *Деление лингвистики на отделы соответственно расчленению речевого процесса.* Помимо только что рассмотренного деления, существует деление лингвистики на отделы (или дисциплины), рассматривающие отдельные группы явлений языкового процесса. Фонетикой[1] называется отдел языкознания, ведающий все явления языкового процесса *кроме* связываемых (ассоциируемых) с речью *смысловых представлений*, т. е. иначе говоря,— все явления, относящиеся к *звуковой* стороне речи. Таким образом, в область фонетики относятся: 1) явления психические[2] — представления произносимых и слышимых звуков языка, существующие в уме говорящего и слышащего; 2) явления физиологические: связанные с процессом говорения (движения произносительных органов) и связанные с процессом слышания (процессы в слуховом аппарате), 3) явления физические,—совершающиеся в проводнике звука (воздухе или,— возможно, каком-либо другом

---

[1] От греческого φωνή (phōnē) «звук».

[2] Разумеется, в конечном счете, и эти, как вообще все «психические» явления, сводятся к *физиологической* деятельности мозга Тем не менее употреблять здесь термин «*психические* явления» уместно потому, что различие между мыслительной деятельностью и такими «физиологическими» процессами, как например движения произносительных органов при говорении, является бесспорно-принципиальным: в первом случае физиологические процессы (являющиеся сущностью мыслительной деятельности) локализованы в мозгу [и в частности речевые представления локализованы в так называемой «извилине Broca»], а во втором случае работают губы, язык, мягкое небо, и т. п. (при чем и характер этой их работы, разумеется, несопзмерим с химико-физиологической работой мозгового вещества)

теле). Первая группа явлений сближает фонетику с психологией (ведающей вообще психические процессы [в том числе, напр., процессы узнавания привычного символа, каковым является в речевом процессе *звук языка*], а не только те, которые связаны с языковой деятельностью), вторая — с физиологией и анатомией (ведающими все органы тела и все их функции, а не только участвующие в языковом процессе), третья — с частью физики, акустикой (ведающей физическую природу всяких звуков, а не только звуков языка).

Помимо фонетики в языкознании имеется еще обширный отдел, рассматривающий языковые явления в связи со смысловыми представлениями, т. е. со *значением* речи. В этот отдел входят: морфология, синтаксис и лексика (или словарь) с фразеологией[1].

Морфология[2] ведает значение отдельных слов в зависимости от их состава и следовательно ведает также значение частей слова (поскольку, конечно, слово делимо на части, обладающие каждая своим собственным значением).[3]

---

[1] Общеупотребительного же общего термина для всего данного отдела лингвистики (— совокупности морфологии, синтаксиса и лексики с фразеологией) назвать нельзя. Иногда в этом смысле употребляют слово «*семáнтика*» [от греч. σῆμα (sēma) «знак»]. Но оно нередко фигурирует и с другими, более узкими значениями.

[2] От греческого μορφή (morphē) «форма» и окончания (обычного в названиях разных наук) -логия — от греческ основы λόγος (lógos) «слово». «Морфология», следовательно, значит «формо-словие» (ср. «богословие»), т. е. «наука о формах (слов)».

[3] Следовательно к области морфологии относится учение об изменениях слов (в том числе о склонении и спряжении), т. е. то, что в школьных грамматиках называется этимологией. Однако, в научном языкознании слово *этимология* употребляется с совершенно иным смыслом, — для обозначения *учения о происхождении* или *истории отдельных слов* (что и соответствует греческому выражению, к которому восходит термин «этимология»: ἔτυμον λόγος (étymon lógos) «истинное слово»). Каждое отдельное слово имеет свою *этимологию* (известна она, или неизвестна при данном состоянии науки — это другой вопрос). Поэтому можно говорить об этимологи*ях* во множественном числе. Если говорят, что кто-либо знает много этимологий, это значит, что он знает о происхождении или истории многих различных слов. Но если говорят, что у данного слова

Например, к области морфологии относится объяснение различия между словами *вода* [vada] и *водой* [vadoj] (или же между японскими, напр. словами misuŋa и misude[1]) в связи с распределением значения между двумя составными частями каждого из этих слов (vad-+-a, vad-+-oj; misu-+-ŋa, misu-+-de) и различиями *концов* этих слов (т. е. окончаний -a, -oj в русском; -ŋa,[2] -de в японском), повторяющихся и в других словах с тем же своим значением (напр. в рядах слов: нога [nag-a] ногой [nag-oj], рука [ruk-a] рукой [ruk-oj]; или—в японском—aˈśiŋa aˈśide, ˈteŋa ˈtede и т. п.).[3]

Синтаксис же ведает значения *соединений* слов (—в фразы или предложения); к области синтаксиса, относится, например, выяснение различия между значениями словосочетаний: «*Иванов — слепой*» и «*слепой Иванов*» (или же узбекских [—в разговорном узбекском языке, в Ташкентском говоре] словосочетаний: «oj kættæ = كەتتە ئوي» [—«дом велик»] и «kættæ oj = كەتتە ئوي» [—«большой дом»])—в связи с порядком сочетающихся слов.[4]

несколько этимологий, это значит, что есть несколько различных предположений о происхождении этого слова. Примеры этимологий для слов: 1) рус. медведь [mˈedvˈetˈ], 2) латинского venēnum (или франц. venin [vœnɛ̃]) «яд», 3) рус. дятел [dˈatˈel], 4) японск. ˥nodo (Киотоск. no˥do) «горло», 5) яп. minato (Киотоск. ˥minato˩) «гавань», 6) корейск. mal 말 «лошадь», 7) яп. asa «утро», 8) туркменск. na:w ناۋ «корабль, лодка», 9) грузинск. pˀitˀˀna «мята», 10) перс. mɔ:dær مادر «мать», 11) китайск. mi 蜜 «мед» — приводятся ниже (для иллюстрации понятия этимологического словаря) см. § 13, 14.

[1] Токиоские формы. В Тосаском диалекте им соответствуют: ˥midugaˀ и ˥midudeˀ (—с той же морфологической границей, что в Токиоском: ˥midu-+-gaˀ, ˥midu-+-deˀ).

[2] Или в Тоса -ga.

[3] В Токиоском произношении; в Тосаском диалекте: ˥aʟsˈiga ˥aʟsˈide, teˈga teˈde.

[4] Так как различие значений зависит здесь именно от порядка слов, который равным образом будет дифференцировать и другие фразы, напр. «*Петров — глухой*» и «*глухой Петров*» (или же—в узбекском Ташкентском: «suw sɔwɪq = سۇۋ ساۋۇق» [—«вода холодна»] и «sɔwɪq suw = ساۋۇق سۇۋ» [—«холодная вода»]).

Отсюда следует, что элементарной величиной, рассматриваемой в синтаксисе, т. е. — *синтаксической «единицей»* является *слово*, а элементарной величиной морфологии, т. е. *морфологической «единицей»*, — *часть* слова, обладающая *самостоятельным значением* (и повторяющаяся с этим своим значением в ряде слов); для этого понятия, — морфологической единицы, мы будем употреблять термин «морфема».

Экскурс к § 3.

О различии между суффиксом и самостоятельным словом.

В отличие от номенклатуры некоторых грамматик турецких и японского языков, рассматривающих падежные и другие суффиксы (например узбекские -nı = نى или نڭ, -gæ گە, -dæ دە, -dæn دەن,[1] или японские -ŋa, wa, -no, -ni, -de, -kara, -to, ʲe/-i̯ [в Токе -ˌe], -mo [в Токе -ˌmo],[2] и т. д.) как отдельные *слова*, — с лингвистической точки зрения мы имеем в них только отдельные *морфемы*, или *части слов* (обладающие собственным своим значением); *словом* же (т. е. синтаксической единицей) явится лишь сочетание данных суффиксов (узб. -nı, -gæ, -dæ, -dæn; японск. -ŋa, -wa, -no, -ni, -de, -kara, -to, -e/-i̯, -mo и т. п.) с предшествующей «основой» слова (— например *единым словом* [а не сочетанием из 2-х слов] явятся следующие морфемосочетания: узб. bɔlæ-nı[3] «ребёнка» — بالانى или بالانڭ, bɔlæ-gæ بالاغا «ребенку», bɔlæ-dæ بالادا «у ребенка», bɔlæ-dæn «от ребенка»; японск. hana-ŋa hana-wa hana-no hana-ni hana-de

[1] В иранизованном узбекском диалекте (напр. в Ташкентском говоре); в письменном языке суффиксам этих 4-х разговорных падежей (Accusativ. — Genitiv., Dativ., Locativ., Ablativ.) соответствуют 5 падежей (ибо Accusativ. и Genitiv. в письменном языке являются 2-мя разными падежами) — с суффиксами: -نى, -نڭ, -گە / -غا, -دە / -دا, -دەن / -دان (в чжагатайском -دين).

[2] Т. е. современные (Токиоские) суффиксы падежей: Nominativ., Subjectiv. (— падеж логического, или психологического подлежащего), Genitiv., Dativ.-Locativ., Instrumentalis, Ablativ., Sociativ., Illativ. (-i̯ ← -e ← *ˌ-pe ↖), Additiv. (падеж со значением «тоже», «а также и»).

[3] В Ташкентском говоре; в Самаркандском — bɔlɑnı, bɔlɑgɑ и т. д.

hana-kara hanato hanaḳi [«в нос»: в Тоса ˹hana˺˩e] hanamo [Тоса ˹hana˺˩mo] — от основы hana «нос» 鼻).

Доказательства того, что в подобных суффиксах мы имеем только часть слова, а не отдельные слова, могут быть даны с разных точек зрения. Во-первых, решающим является то обстоятельство, что данные суффиксы никогда не могут оказаться изолированными от основы, т. е. составить сами по себе отдельную фразу (*слово* же, или синтаксическая единица, именно и определяется потенциальной способностью данного комплекса изолироваться, т. е. быть—при тех или иных условиях речевого обмена—без сопровождения каких-либо других комплексов единственным составом произносимой фразы: сравни, например, изоляцию отдельных слов в вопросах, переспросах и ответах на вопрос: «Ты был в Москве?» — «Был» — «Был?» — «Да» — «Когда?» — «Вчера». Иначе говоря, по смыслу этого критерия, слово можно определить как *потенциальный минимум фразы* или предложения). Но ни турецкие, ни японские вышеназванные суффиксы (ни соответствующие им морфемы других агглютинативных языков) к такой изоляции не способны, а следовательно не могут быть сочтены за отдельные слова (как не являются словами и французские префиксы je [žœ], tu [ty], il [i(l)], le [lœ]) и т. п. несмотря на то, что они *пишутся* как отдельные слова — потому что вне сочетания со следующими основами они во французской речи невозможны). Кроме этого для каждого отдельного языка можно привести другие, — фонетические доказательства несамостоятельности суффиксов, — основывающиеся на том, что они не имеют звуковых признаков, присущих в данном языке характеристике *отдельного слова*. К таким признакам принадлежит, например, признак акцентуационный, состоящий в том, что каждое отдельное *единое слово* обладает—в турецких языках—одним-лишь ударенным[1] слогом, а в японском — одним-лишь

[1] В громадном большинстве слов ударенным оказывается, в турецких языках, последний слог слова (что и позволяет — еще до понимания фразы — произвести ее деление на слова).

периодом высокого голосового тона (т. е. музыкальным ударением).[1] И вот, в случае присоединения к данному простому (т. е. состоящему из одной только основы) слову, напр. к узбекскому слову bɔlæ [«ребенок»—ﺑﻼ=«ﻴﻼ»] или к японским a⌜śi [«нога»; Тоса ⌜a⌊s'i], ⌜haśi [«палочки для еды»; Тоса ha⌜s'i], hana [«нос»; Тоса ⌜hana⌝],—вышеназванных суффиксов,—на получившееся морфемосочетание, оказывается, приходится, все-таки, один ударенный слог (а не два)—в турецких языках, и одно (а не 2) тоноповышение [или музыкальное ударение]—в японском;—сравни:

узб. Ташк.

bɔlǽ «ребенок»—bɔlæní «ребенка», bɔlægǽ «ребенку», bɔlædǽ «у ребенка», bɔlædǽn «от ребенка»

японск. Токиоск.

a⌜śi «нога»—a⌜śiŋa (Nomin.), a⌜śiwa (Subjectiv.), a⌜śini (Dat.-Loc.) и т. д.

⌜haśi «палочки для еды»—⌜haśiŋa, ⌜haśiwa, ⌜haśini и т. д.

hana «нос» [черта над

---

[1] По-немецки: Musikalischer Akzent, точнее Musikalischer Wortakzent. В Токиоском (восточно-японском) период высокого голосового тона ограничивается одним только слогом (—кратким или же половиной долгого). Поэтому в транскрипции токиоского музыкального ударения я употребляю один только знак ⌜ на каждое слово (помещая ⌜ перед слогом с повышением голосового тона) или же заменяющую его черту ——— над словом—в случаях так называемых *безударных* (全平 дзэнхэи) слов с *факультативным* (т. е. необязательным) повышением на последнем слоге (напр. hana, hanaŋa,—точнее ha⌜na hana⌜ŋa и т. п.). В западных же яп. говорах (напр. Киото, и особенно Тоса) период высокого голосового тона может простираться на несколько рядом стоящих слогов (напр. Киотоск. ⌜mame⌝⌊-na «здоровый», Тосаск. ⌜nama⌝⌊du «сом», ⌜hana-⌝⌊mo «нос тоже», ⌜hana⌝⌊-e «в нос» и т. п.) и даже на все слово целиком (напр. в Киотоск. ⌜hana⌝ 鼻 ⌜hana-ŋa⌝..., Тосаск. ⌜hana⌝ ⌜hanaga⌝ ⌜hanade⌝). Во всяком случае такой период высокого голосового тона (будь он из одного только краткого слога, или из половины долгого [а в Киотоском иногда даже из половины краткого—в словах asâ 朝, curû 鶴, sarû 猿] или же из нескольких рядом стоящих слогов) имеется только один в каждом отдельном слове, что и является внешним, «акцентуационным» признаком единства слова.

всем словом означает факультативное повышение на последнем слоге] — $\overline{\text{hanaŋa}}$ [т. е. факультативное повышение на слоге ŋa], $\overline{\text{hanawa}}$ [т. е. факультативное повышение на слоге wa], $\overline{\text{hanani}}$ [т. е. факультативное повышение на слоге ni] и т. д.

японск. Тосаск.

ˈa$_{\text{L}}$sʲi «нога» — ˈa$_{\text{L}}$sʲiga, ˈa$_{\text{L}}$sʲa, ˈa$_{\text{L}}$sʲɪɲi, ˈa$_{\text{L}}$sʲo (Accusat. «ногу»), ˈa$_{\text{L}}$sʲie (Illat. «в ногу»)

haˈsʲi «палочки для еды» — haˈsʲigaˀ, haˈsʲa, haˈsʲiɲiˀ, haˈsʲo (Accus.), haˈsʲɪ$_{\text{L}}$e (Illativ.)

ˈhanaˀ «нос» — ˈhanagaˀ, ˈhanaˀ, ˈhanaɲiˀ, ˈhanaˀ (Accus., — совпадает с бессуффиксальным падежом и с Subjectiv.), ˈhanaˀ$_{\text{L}}$e[1] (Illativ. «в нос»), ˈhanaˀ$_{\text{L}}$mo (Additiv. «нос тоже») и т. д.

Кроме этого «акцентуационного» — можно привести и другие фонетические признаки *отдельного слова*, отсутствующие в вышеуказанных суффиксах, — признаки специфические для каждого отдельного языка. К ним принадлежит, напр., чередование гласных в суффиксах (под влиянием так называемой «гармонии гласных» или «сингармонизма») — в турецких языках,[2] благодаря чему мы просто не можем даже искусственно назвать суффикс данной формы вне сочетания и вне зависимости от основы: например нельзя назвать суффикс множ. числа в виде

---

[1] Некоторые суффиксы — в западно-японском — обладают обязательным *низким* голосовым тоном: таковы -$_{\text{L}}$mo (Additiv.), -$_{\text{L}}$e (Illativ.), -$_{\text{L}}$made$_{\text{J}}$ (Terminativ.), -$_{\text{L}}$na (Attributiv.) и -$_{\text{L}}$to, замыкающее прямую речь (— в отличие от -to Sociativum), — напр. Тосаск. ˈorʲaˀ ˈsakʲoˀ noˈmu-$_{\text{L}}$to ˈjuˌ:ta «Он сказал: «я пью вино»

[2] За исключением иранизованного диалекта узбекского языка (напр говоров Ташкента, Самарканда, гор. Бухары, Коканда, Андижана и др.).

-ɬar [или же, наоборот, -ler (казакск., киргизск.) или -lær (северно-узбекское, татарск. и т. д.)], так как после одних основ он будет звучать -ɬar, после других -ler resp. -lær (а в киргизском, напр., еще в виде -ɬor или -lør),[1] и следовательно *слова* ɬar (или же ler и т. д.), с независимым своим звуковым составом, не существует. Наконец, в качестве фонетического доказательства несамостоятельности суффиксов (т. е. невозможности считать их отдельными словами) можно указать то обстоятельство, что ряд суффиксов начинается со звука, не-допустимого в качестве начального звука в слове; напр. в японском [Токиоском, Киотоском, северо-восточных и т. п. говорах] суффикс Nominativi[2] имеет звуковой состав -ŋa,[3] т. е. начинается со звука ŋ, — не мыслящегося возможным в начале слов [-в Anlaut'e] и присущего именно позициям внутри слова[4]

---

[1] На говоря уже о киргизских вариациях нач. согласного этого суффикса: -ɬar/-tar/-dar, -ler/-ter/-der, lør/-tør/-dør и т. д.

[2] Точнее — падежа именного грамматического подлежащего, являющегося, однако, не логическим (психологическим) подлежащим, а наоборот — логическим (психологическим) сказуемым или же частью логического (психологического) сказуемого. См. «Психо-фонетические наблюдения над японск. диалектами. I» — Склонение существительных

[3] Знаком ŋ (в Международном Фонетическом Алфавите) обозначается заднеязычный носовой, т.-е. «носовое г» = «鼻ニ掛カルガ行ノ子音» (иногда обозначаемый написаниями カ゛ キ゛ ク゛ ケ゛ コ゛ в отличие от не-носового g в ガ゛ ギ゛ グ゛ ゲ゛ ゴ゛), т. е. звук типа немецкого «ng» в словах singen [zɪŋn̩] lange [laŋə], или же турецкого ڭ, напр в узбекском كۆڭل [koŋıl] или كۆڭۈل [koŋʉl (в Бухарском гов.)] В японских восточных и в большинстве западных говоров ŋ соответствует звуку g южных диалектов (а также Тосаского) — внутри слов (т е. в интервокальной позиции): напр. Токиоск. naˈŋai, hanaŋa (長イ, 鼻ガ゛) Киотоск. ˈnaˌŋai, ˈhanaŋa]; Нагасакск. nagaˈka (или же naŋˈka), -ga — суфф. Nom.-Genit.; Тоса ˈnaˌgai, ˈhanaga] [Равным образом, g (а не ŋ) представлено и Рюкюским языком].

[4] Единственным исключением (где, следовательно, g [а не ŋ] встречается между гласными внутри слова) являются в Токиоском редупликационные (удвоемные) формы «ономатопоэтических» слов (слов — «звуковых жестов») вроде ˈgusugusu (не *gusuŋusu!). Оно объясняется, конечно, самим принципом редупликации (удвоения основы), требующим звукового торжества обоих повторов основы. Впрочем и с акцентуационной точки зрения эти формы являются

[— в Inlaut'e; сравни например слова na⌜ŋai 長イ a⌜ŋo 脛 aŋeru 上ゲル a⌜saŋa^{w}o 朝顔 a⌜^{w}oŋu 煽ぐ cunaŋu 繋ぐ...: такого же рода «единицами», или *едиными словами* окажутся и формы Nominativi hanaŋa 鼻ガ ha⌜naŋa 花ガ ⌜asaŋa 朝ガ]. Аналогичное значение имеют указания на то, что звук, имеющийся в начале суффикса эволюционировал по законам, действительным для Inlaut'a (— позиции внутри слова), а не для Anlaut'a (начальной позиции): так древне-японское -*pa (суффикс Subjectivi[1] ハ) прошло следующие этапы: *-pa → -*ɸa → -wa[2] (сравни тот же ход эволюции внутри основы *kapa → kaɸa → *kawa[2] 川 河 江), тогда как начальное *pa (ハ) давало → *ɸa → ha (напр. *⌜pa⌊ti[3] → *⌜ɸa⌊ti → ⌜ha⌊t'i ⌜ha⌊ći — в зап.-яп.; в Токиоск. — ha⌜ći).

промежуточным явлением между словом и словосочетанием (2-х тожественных слов), так наряду с ⌜gusugusu ⌜pikapika возможны дублеты ⌜gusu-⌜gusu ⌜pika-⌜pika.

[1] Т. е. падежа логического (психологического подлежащего)

[2] Откуда, в диалектах, затем -a / a: (напр. Тосаск. mida ← midu-wa 水 ハ sa⌜ra⌊: ← sa⌜ru⌊-wa [*sarû-wa] 猿 ハ; ср. также a⌜sa⌊: ← a⌜sa⌊-wa [*asâ-wa] 朝 ハ), а иногда даже нуль суффикса (напр. Тосаск. a⌜sa ← a⌜sa-wa⌉ 麻 ハ [т е Subjectiv. совпал тут с бессуффиксальным падежом, а также с Accusativ. a⌜sa ← a⌜sa-o⌉ 麻 ヲ]). Аналогичное исчезновение w мы найдем (в том же Тосаском говоре) и внутри основы [в более чем 2-сложных комплексах — в ⌜aga⌉⌊: 吾 川, ⌜aga⌉⌊:go:ri 吾 川 郡 «Агава, уезд Агава»; ⌜aga⌉⌊: ← ⌜a-ga⌉⌊wa, где -gawa / kawa — «река»].

[3] Киотоск ⌜ha⌊ći (Тосаск. ⌜ha⌊t'i), Токиоск. ha⌜ći значит 鉢 «чаша, миска, горшок» и происходит от санскритского pātra- «чаша будд. монаха» через китайскую форму *pat, давшую в японском *⌜pa⌊ti (конечное i возникло благодаря отсутствию в японском языковом мышлении представления «закрытого» [оканчивающегося на согласный] слога; понятно, что муз. ударение должно было при этом приттись, в первоначальной яп форме, на первый слог: *⌜pa⌊ti).

Кроме того, к ⌜ha⌊ći (Ток. ha⌜ći) 鉢 имеется *гомоним* (т. е. подобнозвучное», вполне совпадающее по звуковому составу слово) ввиде числительного Киотоск. ⌜ha⌊ći (Тоса ⌜ha⌊t'i) Ток. ha⌜ći «8», также являющееся Го-он'ным заимствованием из китайского (— древне-кит. форма *pat, откуда Пекинск. ᵖba 八). [Не смешивать 鉢 и 八 со словом 蜂 «оса», имеющим другую акцентуацию: Киот. ⌜haći⌉ Ток. haći].

§ 4. Как выше было сказано, связи между значением слова и его составом из «морфологических единиц» (—«*морфем*») составляют предмет рассмотрения *морфологии*, т. е. лингвистической дисциплины, соответствующей тому, что в школьной номенклатуре именовалось обычно «этимологией» или просто «грамматикой». Отсюда вполне понятно, что морфологическая литература и состоит прежде всего и главным образом из «Грамматик» различных языков[1] (—поскольку мы исключим из типичного оглавления обычных «Грамматик» изложение *фонетики* данного языка, и поскольку, с другой стороны, эта «Грамматика» противополагается, как таковая, «*Синтаксису*», который мыслится в виде особого отдела учения о данном языке, идущего в след за «Грамматикой»).

Но ведь значениями слов занимаются кроме «Грамматик» (относящихся, как только что было указано, к *морфологии*) еще и «*Словари*» разных языков, содержание которых составит — в нашем делении лингвистики на отделы — предмет особой лингвистической дисциплины (или отдела языкознания), именно — «*лéксики*».[2]

Из этимологий данных 2 слов (鉢 и 八), в частности из их китайских оригиналов (*pat) ясно видна история звука h в начале этих слов: ʰp → ᵈφ (особая разновидность звука «Ф») → h

Примечание. Интересно, между прочим, отметить, что возводя японское haći 鉢 к санскритскому pātra- पात्र, мы доходим, в конце концов, до родства японского haći «чаша...» с русскими пить [p′ɪ-t′], пóйло [poj-ɨ-o], пиво [p′iv-o (из пи-в-о)], так как санскритское pā-tra-, — из обще-индо-европейского *pō-tro- букв. «орудие питья», имеет тот же праязыковой корень *pō(ɪ) / ᵈpoi / ᵈpī («пить»), что и в русских *с-паивать*, *поить*, *пойло*, *пить*.

Что же касается дальнейшей (— в глубь до-истории) этимологии числительного haći ← яп. ʰrpaʟti ← кит *pat, то, как и другие китайские числительные, оно находит параллели в других «тибето-китайских» языках, напр. в тибетском (письменном — VII в н э.) བརྒྱད་ *brgjad «восемь» [при чем в китайском *pat уже исчезли все элементы комплекса кроме 1-го, 4-го (гласного а) и 5-го].

[1] Куда войдут вместе с «Грамматиками» описательными, также и исторические.

[2] От греческого λέξις (léxis) «чтение» [ср. λέγω (légō) «читаю»]. Слово «лексика» [λεξικά (lexicâ)] опять-таки (как и «фонетика», «семантика», а

Итак, в чем же разница между лексикой и морфологией? Лексика ведает словарь[1] данного языка, т. е. совокупность синтаксических «единиц» (или слов) способных фигурировать в данном языке, с точки зрения выполняемых ими символических функций, т. е. распределения между ними ассоциаций с внеязыковыми представлениями (вещей и идей, составляющих потенциальные темы языкового обмена). Иначе говоря, в лексике слово рассматривается [и в лексических работах, — «Словарях», регистрируется] как знак (символ) вещи или идеи (или известной совокупности идей).

Морфология же рассматривает конструкцию слова с точки зрения зависимости его значения от этой конструкции;[2] а так

также другие названия наук на *-ика*, напр. «физика», «ботаника», «механика») восходит к греч. форме множ. числа ср рода прилагательного, — производного от слова λέξις (lexis).

[1] Здесь под выражением «словарь» разумеется уже не книга, в которой собраны (с теми или другими пояснениями, — обычно с переводом значений на другой язык) слова данного языка, а сама фактически существующая совокупность слов, известных коллективному языковому мышлению данного языка.

[2] Именно от числа, состава (и порядка расположения) *морфем*, входящих в данное слово, или же от различия в форме (т.-е в звуковом составе), принимаемой данной морфемой в данном именно слове. Так мы видим, что значение слова (т.-е общая сумма идей, ассоциируемых с ним) зависит: 1) от вхождения в состав этого слова специальных морфем, обладающих каждая своим постоянным значением (— своей идеей, или известной совокупностью идей), а также 2) от изменения звукового состава определенной морфемы, или «чередования» вариантов одной и той же морфемы, которому соответствует и изменение в значении, вносимом этой морфемой.

Например, 1): Значение турецкого (в узбекской иранизованной форме [умышленно беру для примера форму узб. иранизованного диалекта (Ташкентского говора) — чтобы не осложнять дело вопросом о роли сингармонистических чередований суффиксов, что было бы здесь совершенно излишним]) слова bɔlælærimgæ بالالارمگه = بالەلەرىمگە [— если в написании следовать Ташкентскому произношению], состоящего из 4 морфем: bɔlæ-lær-im-gæ, представляет собою совокупность следующих идей: 1) идеи определенного предмета — «ребенок, дитя» 2) идеи множественности (предметов, о которых идет речь) 3) идеи принадлежности [данного] предмета (resp. предметов) 1-му лицу, т.-е. лицу говорящему 4) идеи Дательного падежа, т.-е определенной зависимости между неким предполагаемым действием и данным предметом (resp. предметами).

Сумма этих частных идей (соответствующих каждая постоянному значению одной из вышеназванных 4 морфем: bɔlæ, -lær, -im, -gæ) и дает «сложное значе-

как нельзя себе представить такого языка, где конструкция каждого слова была бы вполне специфической и не совпадала бы с конструкцией известного количества других слов, а наоборот мы сплошь и рядом встречаем повторение одних и тех же общих конструктивных схем (с наличием части общих же элементов, т.-е. одних и тех же морфем) в рядах слов,— то морфология, по существу, оказывается, именно и занята изучением *типов* словесной конструкции. Возьмем, для пояснения, несколько *рядов* слов[1] имеющих общую конструкцию (и в связи с ней — общие элементы в составе своих значений).

В узбекском яз. (Ташк. говоре):
bɔlæ-lær-ım-gæ بالالارمغا, чит. بالەلەرىمگە «моим детям»
šɔgırd-lær-ım-gæ شاگردلەرمگە «моим ученикам»
ɔkæ-lær-ım-gæ ئاكەلەرمگە «моим старшим братьям»
soz-lær-ım-gæ سوزلەرمگە «моим словам»
oj-lær-ım-gæ ئويلارمغا, чит. ئويلەرىمگە «моим мыслям»
oj-lær-ım-gæ ئويلەرمگە (в Фергане ئۇيلەرمگە) «моим домам»

ние» всего слова ввиде: «моим детям» Тут значит, привнесение каждой из частных идей, обусловлено вхождением в слово одной морфемы, служащей символом данной частной идеи.

2). немецкое Brudern [bry:dərn] «братьям» содержит в своем значении след частные идеи: 1) предмет: «брат» 2) идея множественности 3) идея Дательного падежа Между тем, здесь не 3, а только 2 морфемы: bry·dər-n. Вторая морфема может быть устранена из слова, вместе с чем устранится из его значения и идея Дат. падежа (останется — Bruder [bry:der] = «братья») Но вторая из частных идей,— множественного числа, не имеет, оказывается, своей отдельной морфемы, и ассоциируется только с заменой морфемы bru:dər <— Bruder «брат»> через ее вариант: bry:der, и в частности, следовательно, с заменой гласного u: через y:.

[1] Понимая под *словом* не простейший вид основы (напр «именительный» падеж в турецких именах, бессуффиксальный падеж в японском, корейском и т. п), а и всякую возможную форму слова, удовлетворяющую понятию синтаксической «единицы» (как напр русск. *ученикам*, яп. o-ko-san-ni-wa, узб شاگردلەرىمگە بالەلەرىمگە).

[2] Слова «мысль» и «дом» гомонимичны только в некоторых из говоров иранизованного (не-сингармонистического) диалекта — напр. в Ташкентском [в Фергане же они в некоторых говорах различаются так: ئوي — «мысль». ئۇي «дом»] В не-иранизованных же говорах они различаются преимущественно так: øj (или yj) — «дом», oj — «мысль»

В китайском языке (Пекинск. говоре):

wɔa˅-mən-la˅ 我 們 倆 «мы вдвоем»
tsam′-mən-la˅ 咱 們 倆 или 偕 們 倆 «мы с тобой вдвоем»
t'a¯-mən-la˅ 他 們 倆 «они вдвоем»
ni˝-mən-la˅ 你 們 倆 «вы вдвоем» и т. д.[1]

В Японском языке: 1) в Токиоском говоре ik-i-ta-k-att-a-no-ʷo или (—соединяя в одну группу по паре тесно сросшихся морфем [iki-, -tak-, -atta]) — iki-tak-atta-no-ʷo «желавшего (Винительный п.) итти»

nom-i-ta-k-att-a-no-ʷo = nomi-tak-atta-no-ʷo «желавшего пить»

jom-i-ta-k-att-a-no-ʷo = jomi-tak-atta-no-ʷo «желавшего читать» job-i-ta-k-att-a-no-ʷo = jobi-tak-att-a-no-ʷo «желавшего (по)звать»[2]

2) В Киотоском говоре:

⌜ik-a⌝-⌞nand-a «не ходил»: Praeteritum Negativi от ⌜ik-u⌝ 行 ク

⌜śin-a⌝-⌞nand-a «не умирал»: Praet. Neg. от ⌜śin-u⌝ 死 ヌ

no⌜m-a-⌞nand-a «не пил»: Praet. Neg. от no⌜m-u 飲 ム (Ток. ⌜nomu)

ka⌜k-a-⌞nand-a «не писал»: Praet. Neg. от ka⌜k-u 書 ク (Ток. ⌜kaku)

jo⌜m-a-⌞nand-a «не читал»: Praet. Neg. от jo⌜m-u 讀 ム (Ток. ⌜jomu)

---

[1] Т. е. формы двойственного числа личных местоимений [—с 2 суффиксами 1) множественности (們) и 2) двойственного числа — -la], по значению эквивалентные, словосочетаниям (из 2-х слов)

wɔa˅ - mən liaŋ˅ -gə 我 們 + 兩 個,
t'a¯ - mən liaŋ˅ -gə 他 們 + 兩 個 и т. д.

[2] Т. е. формы Accusativi (— Винительного, на -ʷo) от просубстантивного (употребляющегося без следующего определяемого) Причастия (на -no) Praeteriti (Прошедшего времени, на -atta) Desiderativi (Желательного на -ta-, в данном образовании -ta-k).

ˈkawaˀ-ˌnand-a «не купил»: Praet. Neg. от ˈka-uˀ 買フ [←*ˈkap-uˀ]

ˈjob-aˀ-ˌnand-a «не звал»: Praet. Neg. от ˈjob-uˀ 呼ブ

ˈaraw-aˀ-ˌnand-a «не мыл»: Praet. Neg. от ˈara-uˀ 洗フ [*ˈarap-uˀ]

ˈjorokob-aˀ-ˌnand-a «не радовался»: Praet. Neg. от ˈjorokob-uˀ 喜ブ

maći-kutabuˈre-ˌnand-a «не утомился ожиданием»: Praet. Neg. от maći-kutabure-ˈr-u

ˈko-ˌnand-a «не пришел»: Praet. Neg. от ku-ˈr-u[1] 來ル (Ток. ˈkuru)

3) В Нагасакском говоре — дер. Мие (см. «Психофонетическ. набл. над. яп. диал.» I).

juːt-a-to-ˌba[2] «сказавшего» — Accusativ. (Винительный п. — на -ba)[3] Просубстантивного Причастия (с суффиксом -to)[4] Прошедшего времени (— Praeteriti — juː-ˌta «сказал») от глагола juˌ: 云イフ «говорит»

kʼaːt-a-to-ˈba «написавшего» [kaiˈt-a (←*kaˈiˌta←*kaˈk-iˌ-t-a) — Praeteritum от kaˈku «пишет»

oːr-a-to-ˌba «плевшего = того, кто (с)плёл» [oːˌr-a (←*aṷda←*aMda←*aMta←*ˈaˌm-i-t-a) — Praeteritum от aˌm-u (*ˈam-uˀ) «плетет» 綱ム]

nuːr-a-to-ˈba «пившего» [nuːˈr-a←*nuːd-a[4]←*noṷd-a←*noMda←*noMta←*noˈm-i-ˌt-a «пил», — от noˈmu «пьёт»]

---

[1] Глагол II спряжения с тройным чередованием основы: ku-/ki-/ko- (ср. su-/si/se в ˈsu-ruˀ 爲ル).

[2] Эквивалент Токиоск. itt-a-no-ʷo 云イツタノヲ, Тосаск. ˈjuˌːt-a-ga-o.

[3] Нагасакское -ba соответствует стандартно-японскому -ʷo (Тоса -o) = ヲ.

[4] Нагасакское -to (— в качестве суффикса просубстантивного причастия) соответствует Токиоскому -no (и Тосаскому -ga). Примечание. Между прочим, одно это диалектическое соответствие Токиоскому суффиксу Просубстантивн Причастия -no (Нагасаки -to, Тоса -ga) доказывает принципиальное различие этого -no от Genitiv'ного -no.

[5] Ср. Тосаск. noˈːˌd-a.

kitt-a-to-ˈba «резавшего» [kɪˈtt-a←ki-ˈr-i-ˌt-a — Praeteritum от kiˈr: ← *kiˈr-u «режет»]

jo:r-a-to-ˈba «читавшего» [jo:ˈr-a←jo:ˈd-a[1] ← *joudа ← *joMta←*joˈm-i-ˌta,—Praeteritum от joˈmu «читает»]

jo:r-a-to-ˌba «(по)звавшего» [jo:ˌr-a←jo:ˌd-a[2]←*joudа← *joMta ← *ˈjoˌmb(i)ta ← *jomb-i-t-a, — Praeteritum от joˌbu «зовет»].

В персидском языке (таджикском наречии):

dəd-æm دادم «я дал» [dəd- —основа в форме прошедшего вр. (чередующаяся с tıj- [в литературном персидском dæh-] в Наст. вр. + суффикс 1 лица -æm)

xəst-æm خواستم «я хотел» [xəst- —основа Прош. вр. (в Наст. вр. xəh-) + суффикс 1 лица -æm]

kærd-æm کردم «я сделал» [kærd—основа Прош. вр. (в Наст. вр. kun-) + -æm]

dənıst-æm دانستم «я узнал» [dənıst- — основа Прошедшего (в Наст. вр. dən-) + -æm]

ræft-æm رفتم «я пошел» [ræft- — основа Прошедшего (ræw- в Наст. вр.) + -æm]

xəst-æm خاستم «я встал» [xəst- — основа Прошедшего (xez- خیز в Наст. вр.) + -æm]

xənd-æm خواندم [xənd- — основа Прошедшего вр. (в Наст. вр. xən-) + -æm] «я прочитал»

əmæd-æm امدم «я пришел» [əmæd- — основа Прошедшего вр. (в Наст. вр. əj-) + -æm].[1]

šud-æm شدم «я стал» [šud- — основа Прошедшего (šæw- в Наст.) + -æm].[3]

---

[1] Ср. Тосаск. joˈr:ˌd-a.

[2] Ср. Тосаск. ˈjoˌ:d-a.

[3] Сходство между персидским и (современным) японским образованием Praeteriti посредством чередования основы Настоящего вр. (так называемой «прэзенциальной» основы, напр. kun) с особого состава основой Прошедшего вр. (т.-е. «прэтеритальной» основой — kærd-) является, конечно, исторической случайностью. Но интересно, что здесь совпадение простирается и на звуковую характеристику «прэтеритальной» основы (в ново-персидском и в ново-япон-

Из арабского (классического) языка:

1-й пример:

al-kita:b-a أَلْكِتَابَ «книгу» («das Buch»—в Винительном п.).

as-sa:riq-a أَلسَّارِقَ «вóра» («den Dieb»).

al-malik-a أَلْمَلِكَ «короля, царя» (Винительн. п. — «den König»).

ar-raǯul-a أَلرَّجُلَ «человека» (Винит. п., — «den Mann»).

an-nahr-a أَلنَّهْرَ «реку» («den Fluß»).

aš-šams-a أَلشَّمْسَ «солнце» («die Sonne» — в Винительном п.).

ском): подобно тому, как персидская «прэтеритальная» основа глагола всегда оканчивается на t- (— после глухого согласного: dənist-, xəst-, ræft-) или d- (dəd-, kærd-, xənd-, əmæd- и т д.) [при чем эти t, d восходят к индо-европейскому суффиксу Participii Praeteriti Passivi *-to- — ср. санскритск -ta- त, слав. -тъ в би-тъ, (от)кры-тъ, (об)ли-тъ, (при)жа-тъ], японская «прэтеритальная» основа I спряжения тоже всегда оканчивается на t- (напр kitt- в kitt-a «резал» kitt-e «резав», itt- || зап. и южн. ju:t- в itt-a itt-e || зап. и южн. ju:t-a ju:t-e «сказал, сказав») или на d- (напр. jond- || зап. и южн jo·d- || Рюкюск. jud- в jond-a jond-e || зап. и южн. jo:d-a jo·d-e || Рюк. jud-aŋ jud-ı «звал, позвав»). При этом процесс образования этих t, d [d в некоторых южных говорах переходит затем в r] напоминает историческую формацию t, d в ново-персидских «прэтеритальных» основах (где источником служило индо-европейское *-to- || слав. -тъ,— см выше): японские t, d восходят здесь к древнему суффиксу *-t- [ср. классич. суффикс. Praeteriti *-tu]: kitt-a ← kir-(i)-t-a (resp. kitte ← *kir-(i)-t-e), itt-a ← *juk-(i)-t-a, jond-a || jo:d-a ← jomb-(i)-t-a и т. д. Само собой разумеется, что из этого совпадения (ново-персидских и ново-японских фактов) никаких генеалогических выводов (т.-е выводов о родстве между данными языками) делать нельзя — именно потому, что происхождение обоих явлений для нас вполне ясно и сводится к вполне независимым один от другого процессам, имевшим место, так сказать, на глазах лингвистической истории — в сравнительно недавние эпохи самостоятельной эволюции персидского, resp. японского языков. И значит, совпадение это может быть лишь подтверждением того, что сходные процессы [при наличии сходных отправных данных] могут переживаться двумя совершенно чуждыми друг другу языками.

2-й пример:

ʾbuHu:r-u-n بُحُورٌ «моря́» [Имен. п. Множ. числа от baHrun — «море»].

šuHu:d-u-n شُهُودٌ [Им. п. Мн. ч. от ša:Hidun شَاهِدٌ — «свидетель»].

mulu:k-u-n مُلُوكٌ «цари» [Им. п. Мн. ч. от مَلِكٌ «царь»].

Huqu:q-u-n حُقُوقٌ «права́» [Им. п. Мн. ч. от Haqqun حَقٌّ «право»].

šunu:d-u-n جُنُودٌ «войска́» [Им. п. Мн. ч. от جُنْدٌ šundun «войско»].

3-й пример:

ja-fQalu يَفْعَلُ «он делает» («er tuẖt») — от глагола ‹3 л. Прош. вр.› faQala فَعَلَ.

ja-sʾalu يَسْأَلُ «он спрашивает» — от saʾala سَأَلَ

ja-ðhabu يَذْهَبُ «он уходит» — от ðahaba ذَهَبَ

jaš-Qalu يَجْعَلُ «он делает» («er maẖt») — от šaQala جَعَلَ

ja-rfaQu يَرْفَعُ «он поднимает» — от rafaQa رَفَعَ.

Как мы видим из сравнения слов, сгруппированных в каждом из вышеприведенных примеров, все они имеют ряд общих морфем (в узбекском, японских, китайском, персидском и в 1-м арабском примерах) или же — кроме того — аналогичное видоизменение звукового состава коренной морфемы (— во 2-м и 3-м арабских примерах). Условимся называть эти общие (повторяющиеся во всех словах данной группы) черты — *морфологической конструкцией*, а то, что отличает одно из этих слов от другого — их индивидуальным *лексическим материалом*. И вот попробуем задать себе вопрос: — действительно-ли те элементы, которые принадлежат к общей для данной группы слов морфо-

логической конструкции, играют роль *часто повторяющихся*, т.-е. *типичных* составных частей различных слов (беря здесь, конечно, уже не группы искусственно подобранных примеров, а все многообразие слов, потенциально встречающихся в данном языке)? И наоборот: действительно-ли *индивидуальный лексический материал* (т.-е. та морфема, что отличает одно из слов данной группы от другого) оказывается значительно более редким (опять-таки в масштабе совокупности всех слов, могущих встретиться в реальной речи), т.-е. менее часто повторяющимся в составе различных слов, чем вышеуказанные элементы морфологической конструкции (— различные суффиксы — в узбекском, японских, китайском, персидском примерах; или же префиксы — в роде префикса al-/as-/ar. . . . в 1-м арабском примере или префикса ja- в 3-м арабском примере; или, наконец, характерное для слов данной группы чередование звуков в коренной морфеме — во 2-м и в 3-м арабских примерах)?

Оказывается, что да, т.-е. один и тот же элемент морфологической конструкции встретится, допустим,[1] из 10.000 слов — в 200 или 300, 500 и может быть в 1.000 случаях, т.-е. в 2—10% [а если мы возьмем случай особенно частых элементов морфологической конструкции, каковы например, персидская морфема -e-/‖i-, т.-е. так называемый «изофат», соответствующий по значению аффиксу Родительного падежа, или же китайский суффикс Nominativi-Genitivi -di 的, или арабский «определенный член» al-/as-/aš-/ar- . . . = ﭐ, или же японский (Токиоский) глагольный суффикс -mas-/maś-, фигурирующий чуть-ли не в каждой глагольной форме (при известном «стиле» речи), то процент этот значительно повысится и сможет дойти, может быть, до 20—30%].

Возьмем, наоборот, элемент, являющийся лексическим материалом в вышеприведенных примерах, и нам будет ясно, что в 10.000 слов, произнесенных, допустим, японцем, мы может

[1] Конечно, приблизительно: приводимые тут цифры взяты наугад.

быть и встретим, а может быть совсем не встретим слова, включающего, напр., морфему am- (Praesens am-u) и связанное с ней значение «плести». То же можно допустить и относительно морфем со значениями определенных предметов — допустим *моста*, *овцы*, *шприца*, *весла*, *поясницы*, *дедушки*, *кавычек*. Словом, ясно, что пока мы не имеем ввиду обозначения некоторых часто фигурирующих в природе и быту явлений и особенно действий (напр., день, утро, вечер, итти, давать, приходить, говорить и т. д.),[1] мы можем ожидать встретить—на данные 10.000 слов—может быть 1—2 или несколько, а может быть и ни одного случая слова, в которое входил бы данный *лексический материал* (т.-е. морфема со значением «моста», «овцы», «шприца» и т. д.). И изолируя возможность влияния индивидуальных вне-языковых условий отдельных личностей (по которым пастух, например, имел бы шансы часто говорить об «овце»), можно утверждать, что функции среднего случая единицы лексического материала (напр. морфемы со значением «мост») никак не достигнут 1% среди всей массы слов, произносимых [допустим, в течение суток] *всеми* представителями данного языка.

Итак среди элементов слова явно выделяется 2 различных класса *по частоте их функций* (*т.-е. участия*) *среди массы различных слов*; а условия, относящие тот или другой элемент к одному из этих классов, состоят, понятно в *значениях* их, т.-е. сводятся, в конечном счете, к вне-языковым данным.

Именно, среди идей, являющихся потенциальным содержанием речи, есть идеи со случайными, индивидуальными функциями (сюда относятся представления почти бесконечного ряда предметов, действий, качеств); и есть идеи, которым естественно свойственно сопровождать другие, именно вышеуказанные идеи в нашем мышлении: таковы, например, идеи арифметические

---

[1] И пока, разумеется, речь не идет о местоимениях, которые заслуживают совершенно особого рассмотрения, так как они обладают значением специфически абстрактным (т.-е. характерным именно для элементов *морфологической конструкции*) — см. ниже.

(представления чисел), естественно сопровождающие нашу мысль о тех или иных предметах. Это уже абстрактные идеи; но из них абстракцией уже высшего порядка является идея множественности — в противоположении единственному числу предмета. И вот потому, что наша мысль о предмете обыкновенно сопровождается мыслью об его единстве или множественности[1] (т.-е. общее представление о числе примышляется к представлению о предмете), языковая экономия приводит (в весьма многих языках) — к морфологическому приему обозначению числа: идея множественности, например, выражается не отдельным словом («много» + название предмета), а *частью слова*, т.-е. морфемой множественного числа, повторяющейся в ряде слов (обладающих значением множественности).

Точно так же наши представления о данном конкретном действии естественно сопровождаются 1) мыслью о времени совершения этого действия, 2) мыслью об известном лице или предмете, совершившем данное действие.[2] В результате получается

---

[1] Но между этими категориями единства и множества существуют, а в известных языках получают и морфологическое выражение еще категории двойственного и, реже, тройственного числа: ср. Dualis в языках арабском, обще-индо-европейском и из него — в санскрите, греческом, славянском, и с другой стороны — в современном китайском (в личных местоимениях); Dualis и Trialis — в полинезийских и меланезийских языках.

[2] А также и другими идеями [на которых я здесь, для краткости, останавливаться не буду], получающими (в том или в другом языке) морфологическое (т.-е. осуществляющееся посредством *части* слова, а не отдельного слова) выражение: 1) залогов (напр. в турецком — узбекском: -ıl/l (или ın/n) — суфф. Страдат. залога, -ın/-n — суффикс Возвратного залога, -iš/-š — суфф. Взаимного зал., -dır/-tır — суфф. Каузативного зал.: сравни بيرلگەن ber-il-gæn «данный, он был дан», يۇۋۇنىمەن juw-in-æ-mæn «моюсь», sok-iš-ti-lær سوكشدىلەر «они бранились», ol-dır-dı ئولدردى «он убил = умертвил») 2) отрицания факта действия (турецкий и японский Negativ.: узб. Ташк. ıč-mæ-dı-m ئىچمەدىم «я не пил», kor-mæ-gæn كورمەگەن «не видевший», يارما bor-mæ «не ходи!»; яп. Токиоск. kaᶢk-a-na-i «не пишет», kak-a-na-k-att-a «не писал») 3) видов глагола (напр. в южно-японском: Progressiv. kiri-joru → kiːjoᶢi, Perfectiv. kitćoru → kitćoᶢi, Linquitativ. kitćoᶢku — от kiru → kiː «режет»), 4) прямого и косвенного объекта действия — главным образом в так называемых полисинтетических языках: напр. в абхазском, баскском, северно-американских, а также в грузинском, венгерском, мордовском и даже во французском — напр. в je te l'ai dit

образование времен и спряжение глагола по лицам (известное, однако, не всем языкам — например в японском, корейском, и, с другой стороны, в некоторых восточно-кавказских — дагестанских языках, спряжение по лицам отсутствует).

Равным образом, для представлений качеств и свойств, приписываемых предметам, естественно потенциальное примышление *степени* данного качества (или в сравнении с данным качеством у другого предмета или вне этого сравнения), и на этой почве вырастает морфологическое выражение *степени качества*, — напр. в виде сравнительной степени в языках русском, санскрите (на -तर), персидском (на -tær تر, напр. پیشتر peš-tær, بِستر pæst-tær), а также превосходной, или же Усилительной степени — в узбекском (где эта степень отнюдь не предусматривает сравнения с другим предметом: ɔrzɔn-rɔq ئارزانراق или ærzɔn-rɔq «подешевле»), или, наконец, Интенсива (также без презумпции сравнения, т.-е. без значения превосходной степени) — в узбекском: قبعزل qɪ-p-qɪzɪl قاپقاره qɔ-p-qɔræ, или в японском: ma-kkuro- 眞黑, ma-śśiro- 眞白.[1]

Так из самой психологической базы нашего языкового мышления (и, в конечном счете, из деления наших идей на почти бесконечное число индивидуальных конкретных представлений и на ограниченное число типично примышляемых к ним абстрактных значений — вроде числа, времени действия, отношения пред-

---

[žœtœledi]; в качестве типичного образца такого «объективного спряжения» приведу часть парадигмы Прош. времени в эрзянском наречии мордовского языка: неитень «я тебя видел» (субъект — 1 лицо, объект — 2 лицо; сокращенно: 1—2 л.), неия «я его видел» (1—3 л.), неидизь (1—5 л.), неинь «я их видел» (1—6); неимек «ты меня видел» (2—1), неик «ты его видел» (2—3), неимизь «ты нас видел» (2—4), неить «ты их видел» (2—6); неимем «он меня видел» (3—1), неиньзеть «он тебя видел» (3—2), неизе «он его видел» (3—3), неимизь «он нас видел» (3—4), неидизь «он вас видел» (3—5), неиньзе «он их видел» (3—6); неидизь «мы тебя видели» (4—2), неинек «мы его видели» (4—3) и т. д..... кончая формой неизь «они его, или их видели» (6—3=6—6).

[1] Сравни малайские аналогии: — в языке Илокано ma-saksakit от основы sakit, в тагальском ma-butiη-butiη (и меланезийск. ma-nae-nae). См. ИРАН 1919 «Одна из японо-малайских параллелей».

мета к действию или к другому предмету,[1] степени качества, приписываемого предмету, и т. д. и т. д.) вытекает, во первых, склонность сочетать в одном и том же слове обе указанные категории представлений, и во вторых, — принципиальное деление значения слова на *лексический* и *морфологический* (или *формальный*) элементы.

Соответственно этому делению частных значений (входящих в сложное значение слова) мы будем называть морфему, выражающую лексическое значение, *лексической* или *материальной* морфемой, а морфемы, выражающие морфологические (или формальные) значения [— т.-е. суффиксы, префиксы] — *формальными* морфемами (или *формантами*). Как же распределяют между собой *морфология* и *лексика* рассмотрение слова — на основании вышеуказанного деления морфем? Если бы на этот вопрос ответить просто так: «морфология ведает формальные, а лексика — лексические (материальные) морфемы», то этот ответ оказался бы не точным.[2]

И следовательно, полный ответ должен гласить: Морфология рассматривает, как формальные морфемы, так и лексические морфемы в составе слова — с точки зрения их участия в *морфологической конструкции* (см. выше) слова, т.-е. в выражении типично примышляемых к лексическому значению формальных значений. Лексика же рассматривает выражение в слове лексических (материальных) значений, а потому ведает, прежде всего, лексические морфемы, включая в свое рассмотрение формальные морфемы лишь постольку, поскольку их сочетание с данной лексической морфемой отражается на лексическом значении последней.[3]

---

[1] Что находит морфологическое отображение в категориях *падежей* (или именном склонении).

[2] Так в немецком слове Bruder [bry:dər] вовсе нет формальной морфемы, а между тем отличие его от Bruder [bru:dər] подлежит, конечно, ведению морфологии, а не лексики.

[3] Яркий пример чего мы встречаем в узбекском ræxmæt-lik رحمتلك, где морфема ræxmæt «милость», употребляющаяся в отдельности в значении «спасибо, благодарю», в сочетании с -lik получает уже вполне специфическое

§ 5. В особый отдел языкознания (лингвистики) могут быть выделены вопросы, касающиеся исключительно взаимоотношения между различными смысловыми представлениями, составляющими значения слов; сюда относится, например, рассмотрение связи между представлениями *сухости* и *жажды*, на основании чего объяснимо общее происхождение (этимология) немецких слов Dürre и Durst, или же — между представлениями «ясности» и «весны», на основании чего объяснимо родство японских слов ʻharu 春 и ʻharu/hare-ru 晴.[1] Этот отдел лингвистики называется семасиологией,[2] т. е. «наукой о значениях». Само собой разумеется, семасиология теснейшим образом соприкасается с лексикой и даже может — с известной точки зрения — рассматриваться как составная часть лексики.

§ 5. Обыкновенно вместе с языком (т.-е. устной речью) рассматривается и соответствующая ему письменность. Совокупность всех средств данной письменности называется *графикой*[3] (следо-

---

значение (ræxtræt-lik значит уже не «благодарный» [что вытекало бы из обычного формального значения суффикса -lik], но «покойный»).

[1] Или же корейского n'ʌram (*njegam) «лето», якутского sa:s «весна», туркм. ja:ð «лето», узб. joz ɟ̵ «лето», чувашск. šur «весна» и манчжурск. nijarxûn «свежий, зеленый», монг. niraі «новорожденный».

[2] От греческого σημάσιον (sēmásion) «значение». Впрочем точное разграничение смысла терминов «семантика» (которая иногда понимается как совокупность морфологии, лексики и синтаксиса — в противоположность фонетике: см. выше) и «семасиология» проводится далеко не всегда и некоторые авторы лингвистических работ допускают, напр., употребление первого термина в значении второго. Поэтому настаивать на выше приведенных определениях нет надобности (тем более, что в моем дальнейшем изложении я избегаю употребления и того и другого термина).

[3] Будь то письменность или «графика» *идеографическая* (т.-е. основанная на передаче смыслового, а не звукового состава слов, каковы письменности китайская, древнейшая египетская, сумерийская), или *силлабическая* (где отдельный знак соответствует не одному гласному или согласному, а целому слогу; таковы, например, японские 片假名 и 平假名 или древний критский слоговой алфавит) или же, наконец, *звуковое* или *фонетическое* (где 1 знак, или буква, по принципу, приходится на одно звукопредставление: гласного или согласного; сюда принадлежит большинство современных письменностей [хотя нужно отметить, что некоторые из них, как например алфавиты семитические —

вательно к рассмотрению графики относится рассмотрение обозначений звуков данного языка буквами, например констатирование факта, что в современном туркменском письме буква ı может иметь 4 функции: 1) передачу звука а внутри и на конце слова, 2) передачу а: долгого в тех же позициях, 3) в начале слова перед согласным передачу звука е, 4) в начале слова перед следующей гласной — нулевое звуковое значение). А совокупность правил о том, как следует писать отдельные слова, называется *орфографией*[1] (хотя на практике слово «орфография» употребляют также в смысле общего термина для графики с орфографией, — когда говорят например об «узбекской орфографии 1923 года» или «казакской орфографии 1924 года» и т. д.).

§ 6. Подобно тому, как письмо оказывается в фактическом быту дополнением или привеском к системе речевого обмена (языку), так и учение о графике и орфографии составляет привесок к языкознанию (науке о языке).

Другим подобным же (только гораздо менее разработанным) привеском к лингвистической науке может считаться изучение *жестов*, являющихся (особенно в языках народов, близких к первобытной культуре) типичным аксессуаром речи [хотя общепринятого термина для этого учения и не существует: оно рассматривается обыкновенно в качестве одного из отделов «коллективной психологии», или так называемой «Völkerpsychologie»].

§ 7. В зависимости от деления, указанного в § 2, *фонетика* может быть *описательной* и *исторической*. Описательная фонетика рассматривает, например, русское слово *день*, как состоящее из 3 звуков [d'], [e], [n']; а историческая может сказать по поводу звукового состава этого слова еще то, что раньше оно состояло

в их первоначальной форме с изображением одних только согласных, а также индийский Dēvanāgarī и тибетский, обнаруживают переходный характер между стадией силлабической и звуковой]).

[1] От греческих слов ὀρθό-ς (orthos) «правильный» и γράφ-ω (graphō) «пишу».

из 4 звуков (на что указывает древнее написание **ДЬНЬ**), из которых второй был одинаков с четвертым.[1] Она может еще прибавить объяснение, почему четвертый звук [который, как, разумеется, и второй, — был звуком гласным] исчез, а второй сохранился: это стоит в связи с общим законом, по которому в древне-русском языке звук, изображавшийся (в древне-церковно-славянской и в древнейшей русской письменности) буквой **Ь**,[2] в известную эпоху перестал произноситься, за исключением тех, однако, случаев, когда за данным звуком в непосредственно следующем слоге опять имелся звук, который сам подлежал исчезновению (т.-е. один из двух звуков, изображавшихся через **Ь** и через **Ъ**); в таких случаях исчезал этот второй звук, а первый [т.-е. в слове **ДЬНЬ** — звук, изображавшийся первым **Ь**] переходил в звук типа [e],[3] — изображавшийся буквой **Е** (откуда

---

[1] И звучал, вероятно, в виде весьма краткого гласного, промежуточного между звуками [i] и [e], т.-е. аналогично современному казакскому («казак-киргизскому») краткому ى ◌ٖ [=د◌ٖ] например в словах كسى [kьsь], دشتى◌ٖ [kьštь], بىزد دكى [bьzdьkь], جىگىت [žьgьt].

[2] Как и звук, изображавшийся (в ту эпоху) буквой **Ъ**. О том, как произносился этот гласный звук (Ъ), историческая фонетика (как и относительно древнего произношения звука Ь, — см. подстр. примеч. [1]) тоже позволяет иметь некоторое (хотя, конечно, лишь приблизительное) представление Именно, весьма вероятно, что этот весьма краткий гласный звук произносился или сходно с современным казакским ى [=د, ـه] например в словах تىنشى [tъnš], سىندى [sъndъ], سند دردى [sъndъrdъ], — в том случае, если **Ъ** произносился уже без губной работы, или же сходно с казакским ۇ — например в словах ۇش [ǔš], تۇر [tǔr], بوۇيۇرماق [bǔjǔrmaq], — в том случае, если древне-славянское **Ъ** сохраняло еще губную работу, унаследованную от его предшественника — индо-европейского *u. [При этом возможно, что произношение **Ъ** колебалось в данном отношении (т.-е. между сходством с казакским ى и казакским ۇ) в разных древне-славянских языках: так в польском и в сербском (где первое **Ъ** в слове **СЪНЪ** дает e — в польском, или же a — в сербском: **СЪНЪ** → польское sen [sen], сербское САН [san]), можно думать, произносился — в рассматриваемую нами эпоху — **Ъ** без губной работы, в роде казакского ى, а в древне-русском (где первое **Ъ** в слове **СЪНЪ** дает О : **СЪНЪ** → сон [son]) — **Ъ** с губной работой, в роде казакского ۇ].

[3] Вполне понятно, что оба **Ь** в слове **ДЬНЬ** (как и оба **Ъ** в слове **СЪНЪ** «сон») исчезнуть не могли: иначе слово осталось бы без гласного звука. Но с другой стороны, понятно и то, что первое **Ь** в **ДЬН(Ь)** не могло остаться

позднейшее русское написание ДЕНЬ). Потому-то в слове, которое писалось **ДЬНЬСЬ** (**ДЬНЬ** «день» + **СЬ** «сей») исчезал последний гласный, предшествующий ему переходил в Е, а первый, у которого не было причин к сохранению (раз второй не исчезал), исчез из произношения, как и третий; в результате получилось современное *днесь* [dn'es'], имеющее только один гласный.[1] В слове же *день* из **ДЬНЬ** исчез, наоборот, второй гласный.

Одним указанием предшествующих этапов развития (в роде

в своем прежнем виде, а должно было уподобиться какому-либо другому гласному ([e] с мягкостью предшествующего согласного в русском и польском: рус. день [d'en'], польск. dzień [ʒeń], в сербском же — а: **ДЬНЬ** → сербск. дан [dan]): это потому, что с исчезновением звуков Ъ Ь в громадном большинстве их случаев, тех случаев, где они по особым причинам уцелевали, было недостаточно для закрепления в языковом мышлении особых принципиально отличных от других гласных звукопредставлений ЬЪ.

[1] Однако, древний звук, изображавшийся через Ь, оставил в большинстве случаев след своего существования в «мягкости» предшествовавшего ему согласного (напр. в конечном *сь* [s'] в *днесь*), почему в современной русской письменности буква Ь используется, как одно из средств обозначения «мягких» согласных (в отличие от «твердых»), напр. в спать [spat'], льет [l'jot], льна [l'na]. Сравни вполне сходное явление в истории падения (исчезновения) «японских Ь Ъ», т.-е. звуков того же общего типа, что и древне-славянские Ь Ъ, т.-е. японских кратких i u (которые — при наличии определенных условий — обращаются в нуль в современном произношении почти во всех японских говорах) Именно, японское краткое i, выпадая (в благоприятной для этого позиции: после спиранта, перед следующим глухим согласным или на конце слова при отсутствии муз. ударения и т. д.), оставляет след своего существования в мягкости предшествующего согласного (например ś — из древнего *s): Токиоск. ˥haś(i) 箸 «палочки для еды», -deśta ← -*desita, -maśta ← -*masita и т. д. (сравни наоборот «твердое» s в -des ← -desu, -mas ← -masu и т. д.). Примечание. Но подобно тому, как и при падении славянского Ь не получалось «мягкости» предшествующего согласного в таком славянском языке, где вообще отсутствует категория парных мягких согласных (сь, пь, бь, рь, зь и т. д.), — именно в сербском (где **ДЬНЬ** → дан [dan]), так и в известных японских говорах (которым парные мягкие согласные почти или совсем чужды), — именно в северо-восточных, падение гласных в слогах *si и *su дает одинаковые результаты: Аомори ˥hask-o (箸 ハシ + постпозитивный член -ko 子), ˥nas-ko (茄 ナス + член -ko 子).

*sunu → sЪnЪ → son и т. д.) историческая фонетика, однако, может не ограничиваться, а итти — в поисках причин явлений — и дальше, — объясняя мотивы совершившихся в данном случае фонетических изменений. Так например, общим объяснением, как для славянского исчезновения звуков **Ъ Ь** (принадлежавших к типу «узких кратких гласных u и i»), так и для аналогичных процессов сокращения и затем утраты кратких u и i в ряде других языков,[1] явится указание на то, что расход, т.-е. выдых воздуха при узких гласных (i u, а также y ɯ) в единицу времени оказывается бо́льшим, чем при других гласных (напр. a). Естественно поэтому, что расходуя одно и то же количество воздуха можно произносить гласный a, допустим, в течение $^2/_5$ секунды, а гласные u, i — лишь в течение $^1/_5$ секунды [это цифры, конечно, только примерные, хотя их можно было бы заменить и точными, проработав этот вопрос инструментальными опытами в Кабинете Экспериментальной Фонетики]. От этого звуки i u скорее подлежат сокращению (и в конечном результате сокращения —

---

[1] О японском явлении мы уже говорили (подстр. прим стр. 28). Добавлю только, что в иные эпохи и в иных говорах для падения кратких i u особо благоприятной позицией является не только позиция после спирантов (и аффрикат), как в современном Токиоском: ср. падение ɪ после r в некоторых диалектах южной группы — ˹tori˺ 鳥 → Кумамото tor'-, откуда затем в прибережных Нагасакских говорах tor' → toi̯ и в Рюкюск. tuɪ; ср также древние случаи падения i после носового — например *no˹do (= *nondo) ← no˹m(i)-to˺ «горло». Кроме японского можно отметить назревание сходных явлений (для кратких узких гласных) в языках: ново-индийских (напр. Маратхи), турецких [в казакском все 4 кратких узких гласных: *ɪ, *ɯ, *y, *u — уже сильно редуцированы во всякой позиции; в узбекском Ташкентском на очереди к падению стоит ɪ (← тур. *i, *ɯ), которому уподобляется — в благоприятных для редукции позициях и гласный u; ср. t(ɪ)l تل, p(ɪ)l فل «слон», b(ɪ)r بر, b(ɪ)z بز, č(ɪ)š ← tš ← *tɪš تش «зуб», č(ɪ)š-mɔq ← tuš-mɔq вм. *tyš-mæk, توشمك «падать»], китайском [напр. ᵗdá-s ← ᵗdásɪ 打死 (ср. яп. śi = 死), ᵖbi-z 鼻子 и т. д.], персидских говорах, бурятском, монгольском и калмыцком [ср. *mørin → mørŋ; здесь впрочем явление внешне осложняется тем, что на пути к падению все калмыцкие краткие гласные не-первых слогов совпали — в одном звукопредставлении — с узкими гласными], корейском [где на очереди к редукции стоит гласный ɯ: ср. суффикс множественного числа и Именит. падежа -dɯr-i ← -dɯr-i (дублет -dar-i)] и т. д. и т. д.

паденію), т.-е. «изнашиваются» в определенный срок языковой эволюции больше, чем другие гласные (напр. а). Иначе говоря, краткие узкие гласные принципиально являются «исторически-неустойчивыми» (по сравнению с другими).

§ 8. Выше приведенный в § 7 пример (историко-фонетического рассмотрения вокализма [т.-е. гласных] русских слов *день*, *днесь* и *сон*) показывает, что историко-фонетическая мотивировка обследуемого явления слагается: 1) из установления предшествующих этапов (т.-е. форм в языках прошлых поколений) для данных конкретных слов и звуков,[1] 2) из ссылки на общие для аналогичных фактов во всех языках законы историко-фонетического развития (т.-е. общие принципы или законы звуковой эволюции).[2] Соответственно этому различию в характере объяснений, из *исторической фонетики*, понимаемой, как исторический анализ данных конкретных звуковых явлений определенного языка (например русского, японского, китайского, казакского), я выделяю под именем *фонетической историологии*[3] общее учение о действительных для всех языков принципах и причинах звуковой эволюции.

§ 9. На тех же основаниях, на каких описательная фонетика противополагается исторической, описательная *морфология* противополагается исторической морфологии, описательный *синтаксис* — историческому синтаксису. Равным образом возможны понятия: морфологическая историология и синтаксическая историология.

---

[1] Куда относится, значит, установление следующих этапов эволюции для материала данных примеров: *sunu → sЪnЪ (ср. древнюю графику СЪНЪ) → → русск. son (resp. польск. sen, сербск. san); *dini → dЬnЬ (графика ДЬНЬ — напр. в Остромировом Евангелии 1056 года) → русск d'en' (resp польск. zeń', сербск. dan), и т п. Или же, в виде формулы для отдельных звуков: «*u → Ъ → нуль, resp. *u → Ъ → русск. о (польск. е, сербск. а) — если гласный, как таковой, должен был сохраниться», и т. п.

[2] Сюда относится указание на историческую неустойчивость узких гласных (сравнительно с другими) и на физиологическое обоснование этого.

[3] Термин заимствован у профессора Н. И. Кареева, употребившего слово «историология» в применении к историческому процессу.

§ 10. На практике историческое языкознание очень трудно отделить от *сравнительного языкознания*[1] или точнее от изучения истории родственных языков. Поскольку историк языка рассматривает не один какой-нибудь язык или говор в его развитии от более древнего состояния до более нового, а привлекает к рассмотрению и соответствующие явления в родственных языках, он уже занимается сравнительным или сравнительно-историческим языкознанием. Итак, в основу сравнительного языкознания ложится понятие родственных языков. Родственными языками мы называем такие языки, в которых имеющиеся на лицо черты сходства не могут быть объяснимы иначе, как путем предположения общего происхождения данных языков. Например, между японским и рюкюским языками наблюдается громадный ряд совпадений, состоящий, между прочим, в том, что многие слова или части слов, связываемые и в японском и в рюкюском с одним и тем же значением, имеют в обоих языках тождественный или сходный языковой состав. Например, слова tama 玉 sara 皿 hana 鼻 звучат в обоих языках одинаково (приблизительно одинаково даже с точки зрения акцентуации), слово ki 木 отличается в Рюкюском только долготой гласного — ki: (что однако совпадает с долготой данного гласного в Киотоской и Тосаской форме ki: [= ki$^{\Gamma}$:, так что различие от Рюк. состоит только в Киотоской и Тосаской акцентуации]); слова же яп. tori 鳥 и рюк. tui звучат неодинаково, но сходно (общие моменты: начальное t и конечное i). И наконец, форма прошедшего времени яп. jonda (зап.-яп. jo:da) характеризуется чередованиями (по сравнению с формой Praesens'a jobu) d-||b- и -a||-u, что повторяется в рюкюской форме прошедшего jud-a-η — при Praesens'e jub-u-η; а падеж логического подлежащего (Subjectivus) от основ на a имеет тоже окончание — a:, что и в южно-японском (в Кюсюских говорах, например в префектуре Нагасаки), например в рюкюских формах Subjectivi ti:ra: (от ti:ra «солнце») ka:ra:

[1] По-немецки Vergleichende Sprachwissenschaft, по-французски — linguistique comparée.

(от ka:ra «река»), anda: (от anda «масло»): сравни Нагасакск. jama˺: (от ja˺ma «лес»),[1] hana˩: (от ha˩na «нос»), abura: (от abura[2] «масло») и с другой стороны соответствующие центрально-японские jama-wa, hana-wa, abura-wa (из *˺ja˩ma-pa, *˺pana-pa˺ и т. д.

Аналогичные сходства в тожественных (или близких) по смыслу словах и формах можно назвать и, например, между языками: «турецкими» в узком смысле слова (например османским, узбекским, туркменским, казакским, киргизским и т. д.) и якутским или чувашским: например: узбекскому (Ташкентскому) tɔʁ تاغ «гора» соответствуют однозначащие казакское taw تاۋ, киргизское to: تو:, туркменское daʁ داغ, чувашское tu и наконец якутское tɯ̲ʌ («tıҕ» в современной якутской графике)—«лес».[5] Узбекскому ot ئوت (и o:d- в северно-узбекском: в Икане и Кара-Булаке) «огонь» соответствуют [с тем же значением: огонь] казакское ot وت, киргизское وت, османское ot اوت, туркменское o:d اود, северно-кумыкское ut, южно-кумыкское ot, татарское ut, чувашское vut и якутское u̲o̲t. Узбекской морфеме bol- «быть» (بول — «будь!») корреспондируют туркменск. boл- بول, казакское boл- بول, киргизское boл- بول, татарское buл, северно-кумыкское buл (южное boл), чувашское pul и якутское bu̲o̲l. Равным образом найдется длинный ряд сходств и в формальных морфемах: возьму один пример: узбекскому (Ташкентскому) притяжательному суффиксу 3 лица[3] -ı ى соот-

---

[1] Кпотоск. ˺ja˩ma, Ток. ja˺ma 山 «гора» получает в Кюсюских говорах значение «лес» [сравни аналогичные семасиологические соотношения между русским *гора* и сербским *гóра* «лес», или же между турецким taʁ تاغ (узб. tɔʁ), казакским taw تاۏ «гора» и якутским tɯ̲ʌ «лес» [tɯ̲ʌ ← *tɯ: ← *tɯu ← *tau ← *taʁ].

[2] Рюкюское anda точно соответствует Токиоскому abura, Тосаскому ˺a˩mura, Кпотоскому ˺a˩bura и т. д., также как и рюк. собств. имя sanda: — японскому saburo: (из *samburaM ← др.-кит. sam-laŋ 三 郎) или же рюкюск. -nda ← mura 村 в виде второй части названий мест — японскому mura («деревня»)

[3] Т.-е. суффиксу, означающему принадлежность предмета 3-ему лицу, а значит имеющему значение русских вульгарных местоимений «евоный, ихний», напр. ɔt-ı تاتی «его лошадь = евоная лошадь», oj-ı ئويی «его дом = евоный дом или их дом = ихний дом».

ветствуют в других турецких языках чередования -i/-ɯ или -i/-ɯ/-u/-y (пишется же чаще всего ی; например османск. et-i اتی «его мясо [= евоное мясо]», туркм. et-i «его мясо» a:d-ɯ ادی «его имя» ǧɯ:ð-ɯ قیزی «его дочь» ba:ɫɯʁ-ɯ «его рыба», казакск. и киргизск. oq-u وقی или وقُو «его стрела», киргизск. qɯz-ɯ «его дочь» и т. д. и т. д.), а в чувашском -i или -ə (pull-i «его рыба», хэг-ə «его дочь»).

Точно так же могут быть выисканы ряды сходных слов и морфем для других групп языков: например 1) монгольского (в узком смысле), бурятского и калмыцкого, 2) персидского (с его наречиями, включая, например, таджикский и татский яз.), курдского, осетинского, афганского, ягнобского, шугнанского (и других мелких языков Памира), 3) немецкого, английского, шведского, датского, голландского,[1] 4) французского, итальянского, испанского, португальского, румынского и других «романских»,[2] 5) русского, польского, сербского, болгарского, чешского и других «славянских».[3]

Объяснять все эти ряды совпадений (между японским и рюкюским, между турецкими языками, между польским и русским и т. д.) случайностью, конечно, невозможно. Единственной причиной подобных сходств может быть только то, что данные языки получили эти, обнаруживающие друг с другом сходства, слова и морфемы — из одного общего источника. А если эти сходства носят систематический характер, т.-е. повторяются passim (сплошь и рядом) на всем протяжении словаря и морфо-

---

[1] Сравним хотя бы слова: нем. schlagen [šla:ɣ-ən], шведск. slå[slo], английск. slow [slo͡u]; нем. Mann [man], англ. man [mæn] и т. д.

[2] Сравним: франц. je sais [žœ-se] и испанск. yo se [jo-se]; франц. viens [vjɛ̃] и итальнск. vieni; франц. pain [pɛ̃] и португальск. pao [pɐ̃ũ] (откуда, между прочим, заимствовано и японское pan パン).

[3] Например, слово *конь* [kon′] в русском и польском звучит одинаково, слова *дуб* и польское [dɔ̃b], *день* и польское [ʒen′], *сон* и польское [sɛn] неодинаково, но сходно, и часть слова *был* [bɯ-ɫ], состоящая из звука ɫ, связываемая со значением прошедшего времени (— т.-е. суффикс прошедшего времени), повторяется с тем же значением и в польском (byɫ [bɯ-ɫ]).

логии, то остается допустить, что данные языки (японский и рюкюский, русский и польский, и т. д.) суть видоизменения одного языка, существовавшего в более древнюю эпоху. Путем передачи этого языка от одного поколения другому (т.-е. путем обучения, вернее самообучения детей языку старших) этот язык дожил и до настоящего времени, но в видоизмененных, точнее в разнообразным способом видоизмененных формах (примерами которых служат не вполне сходные слова и формы — в японском и рюкюском,[1] узбекском — туркменском — татарском — якутском и т. д.,[2] французском и испанском,[3] русском и польском и т. п.). Этим объясняются сходства между данными языками, но вместе с тем рождается и недоумение: чем же объясняются различия? Откуда взялись видоизменения исходной формы, да еще специфические, своеобразные в каждом отдельном языке?

Разве дети, подражая языку взрослых, не должны были бы копировать его в точности? Но если бы они копировали его в каждом поколении с безусловной точностью, то современный русский и современный польский [respective японский и рюкюский, resp. татарский и туркменский и т. д.] ничем не должны были бы отличаться ни друг от друга, ни от их предка — языка древней эпохи. По этому поводу нужно установить:

1°. *Факт различия между языком детей и языком взрослых.* Именно, дети, обучаясь языку взрослых, вносят в него некото-

---

[1] Напр. яп. Ток. tori-wa (от tori), яп. Нагасакск. tor'a$_{\llcorner}$: (от to$_{\llcorner}$i), рюкюск. ture: (от tui) [исходная форма: ^{r}[tori-pa^{1}]].

[2] Напр. османск. и узб. jol يول, туркм. jo:l, тат. jul (Каспмовск. ǯul), киргизск. ǯol, казакск. žol جول, якутск. suol чув ś̆ul [исходная форма: *jo:l]; узб. Ташк. joz ياز «лето», туркм. ja:ð ياز, киргизск. ǯaz, казакск. žaz جاز, якутск. sa·s «весна», чувашск. ś̆ur «весна» [Праформа: *ja:r^{z} (знак (*) r^{z} обозначает здесь особый праязыковый согласный, превращенный в чувашском в r, а прочими турецкими языками в z, откуда впоследствии туркменское ð, якутское s; может быть это *r^{z} было согласным типа северно-китайского ṛ — 兒 耳 二 爾?].

[3] Напр. франц. homme [ɔm] и испанск. ombre [исходная форма *(h)om[i]-ne(m) = латинск. hominem]

рые изменения;[1] эти изменения не слишком значительны, — не настолько велики, чтобы бросалась в глаза резкая разница между языком двух смежных поколений (отцов и детей); но на протяжении ряда поколений этих изменений накапливается столько, что новый язык существенно отличается от языка древней эпохи.

2°. *Возможность разнородности изменений в языке*, передаваемом от поколения к поколению. Так, возможно, что при передаче какого-либо языка от взрослых детям, ребенок, принадлежащий к одной семье, допустит некоторое изменение, которое будет отсутствовать у детей другой семьи, или которое будет произведено, но несколько отличным образом у детей третьей семьи. Таким образом у разных представителей поколения могут оказаться своеобразные различия, отсутствовавшие в языке предыдущего поколения. И аналогично этому, в разных языках одной более новой эпохи могут оказаться различия, отсутствовавшие в более древнюю эпоху в том языке, из которого происходят данные языки. Так мы уже выше видели, что в русском сон [son] имеется гласный звук [o], а польском sen [sen] — гласный звук [e];

---

[1] Так в языке ближайших к современному моменту поколений, т.-е. на наших глазах, произошло следующее фонетическое изменение в нашем общерусском стандартном языке: в то время, как поколение предшествующее употребляло (да и употребляет теперь) особое, — именно «проточное» (или спирантное, см. ниже) «г» [γ] в словах бога, господи, благо и некоторых других, новейшее поколение произвело подстановку в этих случаях нормального «смычного» «г» [g], т.-е произносит [boga], [gospad'i], [błagà] с тем же звуком [g], что и в словах город, нога [gorat], [naga] и т. д. Иначе говоря, новейшее поколение совсем устранило фонему [γ] из числа своих звукопредставлений (произведя, следовательно, упрощение общерусской фонетической системы посредством конвергенции $\gamma \times g \rightarrow g$; см. ниже главу о факторах фонетической эволюции). Примечание. Проточное [γ] существовало в литературном великорусском говоре в указанных словах благодаря древнему южно-русскому влиянию: большинство духовенства в древней Руси принадлежало к южно-руссам (и в частности киевлянам), а потому произносило «г» проточное (малороссийск. [ĥ]) во всех словах; великорусское же население стало подражать ему, естественно, именно в специфически религиозных словах, слышанных от духовенства в церкви, — каковы вышеприведенные бога и т. д., приобретя таким образом лишнюю согласную фонему (хотя [γ] великорусское в бога и т. д. и не точно соответствует малороссийскому [ĥ]: см. ниже «Звуковой состав русского языка»).

*

в том же древнем языке, из которого произошли польский и сербский был здесь особый звук (обозначавшийся в славянской письменности **Ъ**: **СЪНЪ**), который по-разному изменился (в данной позиции) в польском и русском (**Ъ** → польск. e, русск. o). Для японского Токиоского (и Киотоского) unaŋi, Нагасакского (и Тосаского) onagi и рюкюского n̥naźi «угорь» общей исходной формой можно признать *m̥naŋi (или *m̥nagi)[1] — на что указывает между прочим и древняя орфография *ти на ги* (наряду с *но на ги*, см. словарь Ямада 山 田); это значит, что древний слогообразующий носовой *m̥ в одной части японских говоров (куда принадлежат «нормально-японские» центральные и восточные говоры, в том числе напр. Токиоский [— из восточных] и Киотоский [— из западных]) уподобился звукопредставлению u [т.-е. произошел переход *m̥ → u, или, что то же, конвергенция *m̥ × u → u]; а в части южных и части западных говоров (на Кюсю и на Сикоку — в Тоса) *m̥ → o [т.-е. имела место конвергенция *m̥ × o → o]; и, наконец, в самой южной половине южной группы — в рюкюском мы имеем, в данной позиции, *m̥ → n̥; т.-е. носовой слогообразующий сохранился, как таковой, изменив только место ртового образования — ввиду ассимиляции к следующему согласному n (m̥nagi → n̥naźi).

Для узбекского jɔz ياز «лето», казакского žaz جاز, туркменского ja:ð یاز, якутского sa:s («весна»), чувашского šur («весна») восстанавливаются: для «турецких» языков в узком смысле слова (т.-е. с исключением чувашского [но включая

---

[1] *m̥naŋi является исходной формой для восточных и многих центральных («западных») говоров, *m̥nagi — главным образом для южной группы. При этом надо заметить, что восстановляемая нами в качестве исходной форма *m̥na$^{ŋ}_{g}$i в свою очередь возводима к более древнему этапу — вероятно *munaŋi [ср. соответствие Ток. u || Наг. (и Тосаск.) o в другом примере: usaŋi 兎 (Киото usaˈŋi) || Нагасаки osa꜀gi (Тоса oˈsagiˈ), для которого возможно гипотетическое сближение с малайским muˈsaŋ 'Paradoxurus hermaphrodytus': допускаю, что выходцы из южного архипелага перенесли имя *мусанга* на его бытовой эквивалент, каковым на японских островах оказался заяц].

якутский]) — исходная форма *ja:z, откуда путем своеобразных фонетических изменений произошли все формы отдельных тур. языков: в узбекском (Ташкентском) имело место развитие *a: → a → ɔ; в казакском j → š → ž, a: → a; в туркменском z → ð; в якутском *j → s и z → s; 2) для чувашского — *ja:r (откуда *j → чув. š, *a· → чув. u или — в другом диалекте — o). Далее обе эти исходные формы (*ja:z и *ja:r) восходят к еще более древнему этапу, который можно предполагать в виде *n′a:r^{z} или же *n′a:$_{z}$r, где под символом *r^{z} или же *^{z}r понимается некий специфический согласный (— особого сорта r).[1]

Подобным же образом узбекский притяжательный суффикс 3 лица (после основ на согласный) -ı ی, и все соответствующие ему чередования гласных [-i/-ɯ, resp. -i/-ɯ/-u/-y] в других турецких языках, и чувашск. -i/-ə не могут быть объяснимы иначе, как из допущения существования подобного суффикса (именно в форме *-i) в общем для турецких и чувашского праязыке[2] [см. Asia Major. Islamica. Vol. I, fasc. 4. N. Poppe «Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien», S. 422—423].

3°. Необходимость того, чтобы язык, на котором говорит известная группа людей, имеющая постоянное между собою

---

[1] Исходная обще-турецко-чувашская форма *n′a.$^{z}_{r}$ (откуда тур. *ja:z, чув. *ja:r) из показаний самих данных языков (турецких в узком смысле + чувашского) может быть восстановлена только в виде *ja:$^{z}_{r}$; начальное же *n′ вместо сменившего его *j допускается уже на основании показаний других, находящихся уже в более отдаленном родстве (к турецким) языков, — между прочим корейского [n′ʌram «лето»], манчжурского [nijarxun «свежий, зеленый»] а также монгольского [nirai «новорожденный»]. По поводу данного примера см. выше подстрочное прим. стр. 34 (о возможном характере *$^{z}_{r}$).

[2] Далее оказывается, что этот суффикс *-i (первоначально чуждый сингармонистическим чередованиям — см. Poppe, l. c.) оказывается древним «общеалтайским» (см. прим. стр. 44) местоимением «он»: ср. монгольск. inu — Родительный падеж от *i-, манчжурск. i «он» (Родительный ini, Дательный inde, Винительный imbe ← *inbe и т. д.), корейск. i «он, этот» (Subjectiv. i-nan т.-е. *i-nan, Винительный iral и т. д.).

общение, был одинаковым, сужпвает сферу возможных индивидуальных отличий в представителях этой группы. На этом основывается то, что обычно индивидуальные особенности речи отдельных лиц сознательно или бессознательно устраняются. Потому, если внутри какой-нибудь сплоченной социальной единицы (семьи, рода и племени) и возможны изменения языка по мере передачи его из поколения в поколение, то это такие изменения, которые будут одобрены[1] большинством представителей данного поколения данной социальной единицы. Потому же социальные группы, которые связываются тесным общением, имеют более или менее однородный язык, и чем теснее такое общение, тем больше в языке однородности (т.-е. меньше наблюдается индивидуальных отличий). Так, язык семьи более однороден, чем язык племени; язык племени, не делящегося на обособленные роды, более однороден, чем язык племени, обладающего этим делением; язык города более однороден,[2] чем язык населения,

[1] Одобрены, разумеется, не в смысле сознательно-критического обсуждения и приговора. Точнее сказать: изменения, которые будут совершены (т.-е. сделаны самостоятельно каждым ребенком при перенятии языка от взрослых) или приняты (т.-е переняты от тех сверстников, которые их произвели самостоятельно) *большинством детей данного поколения.*

[2] При этом и внутри одного города могут наблюдаться различия по «районным» говорам (или «подговорам») — что опять-таки зависит от степени замкнутости населения отдельных районов. Так в Токио можно установить некоторые особенности для говоров почти каждого «ку» 区. Сравни наблюдения японца (Т. Такахаси во введении к «Kokutei-tokuhon hatsuon-jiten» т·е «Фонетическому словарю к установленной правительством хрестоматии», 1904): «Если мы посмотрим внимательно, то даже в чисто Эдоским [т.-е. Токиоским] языке представляются известные различия. Во-первых, есть говор нижней части города — Ситамати, т-е. торгового люда кварталов Кебаси, Нихонбаси и Асакуса, и есть другой говор жителей квартала Канда, так называемых «кандакко», и части кварталов Хонго и Ситая. Затем есть говор Ецуя, представляющий вульгарную речь мест, населенных беднотой. Затем есть говор Хондзе и Фукагава, являющийся грубым языком матросов и рыбаков»... «Ударение говора Ситамати, т.-е. торгового люда, кажется местами вульгарным. Напр. вместо ˈdeŋwa «телефон», ˈbaśa «извощик» в Ситамати говорят deŋˈwa, baˈśa Нет ничего приятного для уха в произношениях ˈçibaći (жаровня), ˈçibaśi (металлические палочки, исполняющие роль кочерги) [вместо çiˈbaći çiˈbaśi. Е П.]. И такие интонации чувствуются вульгарными». Основания для этого диалектического разнообразия

разбросанного по отдельным деревням (особенно, если нет хороших путей сообщения); язык страны, объединенной одним культурным центром, более однороден, чем у страны, где экономическое и культурное значение столицы не преобладает над значением других пунктов.

Сравним, в качестве примера, отсутствие диалектов (т.-е. более или менее крупных расхождений в говорах разных территориальных групп) в казакском языке,— языке кочевого [1] народа с масштабом кочевок от Каспийского моря до Китая, и с другой стороны чрезвычайное разнообразие в говорах отдельных кышлаков у оседлого узбекского населения — при его чрезвычайной неподвижности и отсутствии реальных обще-национальных политических объединений [имею ввиду, конечно, эпоху до русского завое-

---

районных, — и в то же время классовых и профессиональных говоров, сводятся в конечном счете, разумеется, к экономическим факторам, — ибо экономическими потребностями определяется и круг языкового общения, в котором нормально участвует каждое данное лицо. И нам легко станут понятными эти районные подговоры в японской столице, если мы вспомним, с одной стороны, ту громадную площадь, на которой раскинут Токио, и с другой стороны, чрезвычайную замкнутость отдельных районов [«ку»] в еще недавнем прошлом (когда весьма часто японка проживала свой век, не покидая своего родного района).

То же мы встретим и среди других городов Японии — напр. в Акита 秋田, где резко выделяется районный говор под названием usï-mazi-godomba 内町言葉 (утп-мати-котоба в нормально-японском произношении), т.-е. «язык внутренней части города [кремля]», где жило в старину самурайское [武ブ士シ] население. Это, следовательно, пережиток классового диалекта (в данной территории).

То же — при аналогичных условиях — и внутри городов других национальностей: напр. в Ташкенте, где город كوكچه kokčæ dæhæ (Кукчинской части) имеет, напр., некоторые своеобразные особенности по сравнению, напр, с بيش ڭاغاچ beš-ɔʁɔč dæhæ (Беш-Агачской частью). Но тут могло иметь место и различие в этническом составе древнего населения этих частей (см. мою «Этнографическую характеристику узбеков», вып. I, где дается подсчет иранских и турецких названий ﻣﻼﺣﺎﺯ, — приходов, в разных частях Ташкента).

[1] Так как оседание казаков на землю началось в недавнее время. В казакском языке, действительно, нет диалектов и можно говорить, пожалуй, только о говорах и подговорах (сравни, напр, произношение ﺯ как ǯ у казаков Зайсанского и Усть-Каменногорского уездов [а также, кажется, среди представителей Средней Орды] вместо обычного ﺯ = ž, т.-е. «ж»).

вания: узбек, уроженец какого-нибудь Икана или Кара-Булака, обычно не только не бывал в Ташкенте, т.-е. за 100 верст от своего кышлака, но даже почти не отлучался и в соседний кышлак; в политическом же отношении он считал и называл себя не гражданином Бухарского или Кокандского государства, а лишь i:qan-lɯq'ом (иканцем), tɯænkæt-lik'ом (манкентцем), qarabulaq-lɯq'ом (кара-булакцем), наконец toškæn-lik'ом (ташкентцем) и т. д. — т.-е. по имени своего кышлака или города].

Итак, общий язык у данного коллектива существует постольку, поскольку его реальный быт (обусловленный, конечно, экономическими потребностями) предполагает потребность в постоянном перекрестном общении между членами данного коллектива.

И наоборот, когда мы встречаем в истории какого-либо народа разрыв общения между отдельными группами, составляющими этот народ, мы обычно видим, что благодаря разному направлению совершаемых в языке каждой из отделившихся групп изменений, между языками этих групп вырастает целый ряд отличий, и эти отличия могут возрасти до такой степени, что взаимное понимание между людьми, принадлежащими к различным отделившимся группам, может стать совершенно невозможным (до чего, например, еще не дошло дело в польском и русском, или же в азербайджанском и туркменском языках). Иначе говоря, та потребность во взаимном понимании членов какого-либо общения, которая нивеллирует индивидуальные изменения в языке, исчезает при разрыве данного общения, и вместе с этим разрушается и единообразие языка.

§ 11. В предыдущем параграфе слово *язык* употреблялось в широком смысле — как для обозначения языка семьи, языка рода, языка племени и т. д., и такое употребление этого слова желательно оговорить и для дальнейшего. *Языком* я буду называть всякую совокупность или систему ассоциаций между представлениями речевыми (представлениями звуков, слов, частей слов, предложений) и представлениями внешнего мира или так называемыми «внеязыковыми» (т.-е. понятиями, которые выра-

жаются в языке), независимо от того, существует ли эта система в уме большого или малого числа лиц, или даже только в уме одного лица. Таким образом можно говорить и об *индивидуальном языке*: языке Петрова или Иванова, хотя бы язык Петрова отличался от языка Иванова только одной какой-нибудь чертой, например, картавым [— физиологически: язычковым или увулярным (— см. ниже)] произношением звука [r] или произношением формы Родительного падежа *ея* [jeja] вместо её [jejo] (например в *ея дом* [jeja dom][1] вместо [jejo dom]). С этой точки зрения можно назвать языком и говор одной какой-нибудь деревни, и подговор, и наречие (напр. японское Тоса'ское наречие, — совокупность обладающих известными общими чертами говоров городов и деревень провинции Тоса 土佐, начиная с говора ее главного города Кōти), и такое употребление слова *язык* в широком, общем смысле удобно потому, что не заставляет прецизировать (— уточнять) вопрос о положении данного говора или наречия в кругу родственных говоров или наречий тогда, когда это не является нужным. Но нужно отметить, что в узком смысле слово *язык* может быть употребляемо для объединения целого ряда индивидуальных говоров, являющихся между собою родственными и притом не настолько сильно различающихся друг от друга, чтобы это не препятствовало взаимному пониманию их носителей;[2] вся

[1] Такая форма Родительного падежа свойственна, например, языку петербургской интеллигенции и объясняется, очевидно, влиянием графики (дореволюционной) на морфологию устного языка.

[2] Но здесь, разумеется, нельзя установить точного критерия (— критерия понимаемости одного языка, resp. наречия, для представителя другого): в одном случае понимание будет достигнуто (например между османцем и татарином, или даже — иногда — якутом), а в другом случае — не достигнуто, что будет зависеть и от темы, и от мыслительных способностей данных индивидуальных лиц. Поэтому-то, принимая, в общем, указанный критерий (взаимной непонимаемости — для языков, и взаимной понимаемости — для наречий), трудно решить являются-ли турецкие языки [не говоря в данном случае об обладающем особыми специфическими отличиями якутском, и тем более чувашском] по отношению друг к другу — языками или же наречиями. То же можно сказать и о славянских языках, resp. славянских наречиях [сравни терминологию предшествующего поколения славистов и туркологов: «славянские наречия», «турецкие или тюркские наречия»].

эта масса индивидуальных говоров может делиться на наречия, наречия на поднаречия, поднаречия на диалекты, диалекты на говоры, говоры на подговоры, и эти последние, наконец, будут состоять из индивидуальных говоров. Строго говоря, только индивидуальный говор и есть нечто вполне определенное с качественной точки зрения, иначе говоря — язык, доступный точному описанию. Поскольку мы переходим от индивидуального говора к языку известной группы лиц, мы уже имеем дело с некоторой абстракцией; разумеется, ценно и важно отметить именно то, что является общим для всех членов данной группы, т.-е. что имеет социальное значение, но сделать это непосредственно нельзя, так как фактически мы встречаемся только с языком определенного индивидуума, обладающим помимо общих черт и своими индивидуальными особенностями.[1] Правда, существование более или менее единообразного языка, которым пользуются члены известного общения, объединенные единой письменностью, сразу дает нам большой комплекс общих черт, существующих в языковых мышлениях индивидуумов, входящих в данное общение.

И такой язык можно противополагать под именем *литературного языка* понятию языка, как совокупности ряда родственных говоров. Таков, например, русский литературный язык (в исторической своей основе — Московский говор); в Японии же — обще-японский письменный литературный язык,[2] противополагающийся, во-первых, понятию японского языка, как совокуп-

---

[1] Хотя большинство из специфических особенностей индивидуальных говоров остается неизвестным для лиц непривычных к лингвистическому наблюдению. Особенно это неведение характерно для своих собственных индивидуальных речевых особенностей. [Достаточно указать на то, что довольствуясь в отношении звуков [r] [r'] — общим делением на «картавящих» и «не картавящих», обыватель не подозревает о разных типах «картавленья»: 1) типе говора с «р» = [R], «рь» = [r'], и 2) типе говора с «р» = [R], «рь» = [R']; см. ниже «Звуковой состав русского языка»].

[2] Объединяющий грамотное население всей Японии за исключением представителей рюкюского языка (т.-е. рюкюсцев,— населения префектуры Окинава), обладающих своим собственным — рюкюским литературным языком.

ности всех японских говоров, и во-вторых, обще-японскому стандартному разговорному языку (в основе своей — Токиоскому говору), становящемуся за последний исторический период (эры 明治 и 大正) единым разговорным языком японской интеллигенции. Но не надо думать, что литературный письменный язык будет всегда близок к какому-нибудь живому говору внутри того общежития, которое пользуется данным литературным языком; в литературный язык могут входить элементы (например, архаические или иностранные), которые живой устной речи будут безусловно чужды.

§ 12. После сказанного об употреблении термина *язык*, я вернусь к рассмотрению понятия сравнительно-исторического языкознания. Оно, т.-е. сравнительно-историческое изучение нескольких родственных языков, строится на основании допущения происхождения данных языков от одного общего языка и состоит, следовательно, в изучении истории развития этого древнего общего языка в различных его разветвлениях. При этом может быть так, что тот древний язык, из которого произошли рассматриваемые родственные языки, доступен нашему знанию благодаря сохранившейся письменности на этом языке (так обстоит дело с латинским языком, из которого произошли так называемые *романские* языки: итальянский, французский, испанский, португальский, румынский [название «румынский», оказывается, собственно и значит «романский»: лат. lingva Romana] и пек. другие), но может быть и иначе: может случиться, что не было никакой письменности на древнем языке — источнике рассматриваемых родственных языков и никаких непосредственных сведений об этом языке (хотя бы в виде упоминания отдельных слов и собственных имен у иноязычных писателей) мы не имеем. Так обстоит дело с тем языком, из которого произошли так называемые *славянские* языки: русский, польский, чешский, сербский, болгарский и некоторые другие.[1]

[1] Язык древне-церковно-славянский вовсе не источник прочих славянских языков, это просто один из славянских языков, именно древне-болгарский; он

Точно также в отдаленной, до-исторической серии эпох (задолго до появления данных народов на историческую арену) лежит и существование *обще-германского* праязыка (— источника языков: ныне уже мертвого *готского*, немецкого, голландского, шведского, датского и — в основной его части — английского языка), *обще-балтийского* праязыка (— источника языков: ныне уже мертвого — *прусского*, литовского и латышского), *обще-кельтского* праязыка (к которому восходят, например: давно исчезнувший *галльский* язык [в районе нынешней Франции], ирландский и бретонский [на севере Франции]), *обще-италийского* (давшего начало родоначальнику *романских* языков — *латинскому*, т.-е. языку древнего Рима [lingua Romana], и ряду его сородичей — других древних языков Италии) и *других праязыков* — родоначальников остальных (греческой, албанской, армянской, иранской, индийской) ветвей так называемого ИНДО-ЕВРОПЕЙСКОГО семейства, все вышеназванные языки которого — через их групповые *праязыки* — оказываются потомками еще более древнего, чем групповые праязыки, родоначальника последних — ОБЩЕ-ИНДО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА. Таким образом не только самый древний, — общеиндо-европейский язык, но и его потомки (своеобразно эволюционировавшие при экспансии индо-европейских племен) — групповые праязыки (обще-славянский, обще-балтийский, обще-иранский и т. д.), оказывается, лежат от нас далеко за пределами истории, и никакими письменными памятниками не засвидетельствованы.[1]

только известен нам в более древнем состоянии, чем прочие славянские, благодаря переводу на него христианского священного писания (имеются памятники XI века, оригиналы же предшествующего столетия не дошли до нас). Это, следовательно, древнейший письменный [или литературный] славянский язык.

[1] В таком же положении и история образования турецких языков — из доисторического обще-турецкого праязыка, который в свою очередь вместе с предком чувашского языка и с другой стороны с обще-монгольским праязыком, обще-маньчжуро-тунгузским праязыком и древним источником корейского языка, возводится к еще более древнему общему источнику — так называемому ОБЩЕ-АЛТАЙСКОМУ ПРАЯЗЫКУ. Равным образом вне пределов историче-

Однако и при таком положении дела сравнительно-историческое языкознание имеет отправным пунктом именно факты той эпохи, когда существовал один общий язык — источник подлежащих рассмотрению языков, при чем знание об этих фактах получается не непосредственно, а из рассмотрения тех самых языков, которые являются его потомками и видоизменениями. Этот общий исходный для данной группы древний язык мы будем называть *праязыком* данной группы (например — обще-славянский праязык — или, что то же, праславянский язык; обще-семитический праязык или обще-тибето-китайский праязык); а происшедшие из него *родственные* языки объединяются обыкновенно общим именем, которое может быть приложимо и к каждому отдельному из этих языков (так и арабский, и древне-еврейский и сирийский[1] и т. д. — это все отдельные *семитские*; тибетский, китайский, бирманский и сиамский — отдельные *тибето-китайские* языки[2] и т. д.), а совокупность их называется *семьей*, *семейством* или *группой* языков (например турецкая семья языков, алтайское языковое семейство[3]).

Прием установления фактов, которые были присущи незасвидетельствованному письменностью праязыку, называется *восстановлением* или *реконструкцией* праязыка посредством сравнения фактов в языках-потомках, — т.-е. посредством *сравнительно-грамматического*, или *компаративного* метода. Он состоит в отыскании тех явлений, которыми при предполо-

---

ской досягаемости (если не считать методов лингвистических) лежит общий предок всех китайских диалектов — обще-китайский праязык, а тем более — еще более древний ОБЩЕ-ТИБЕТО-КИТАЙСКИЙ ПРАЯЗЫК, — общий родоначальник, как китайского, так и тибетского, бирманского и сиамского языков. То же будет справедливо и в отношении *семитических* языков и ряда других языковых групп (так что обратный случай *романских* языков, где праязык засвидетельствован письменностью, оказывается исключением).

[1] Современный диалект которого мы встречаем в языке так называемых «ассирийцев», или айсоров.

[2] Западные лингвисты употребляют вместо «тибето-китайские» термин «индо-китайские языки».

[3] Куда входят: турецкие (включая якутский) и чувашский, монгольские маньчжуро-тунгузские, а также, по моим наблюдениям, и корейский язык.

жении их наличия в праязыке можно было бы объяснить связь (соответствие) фактов, наблюдаемых в отдельных языках данного языкового семейства. Так, например, из рассмотрения слов: русск. *сон* [son], польск. sen [sen] и сербск. сан [san], можно заключить, что слово, обозначавшее «сон», начиналось в общеславянском праязыке со звука s, затем следовал какой-то гласный [дальнейший ход сравнительно-грамматических рассуждений устанавливает и качество этого гласного (др.-слав. **Ъ** ← общеиндо-европейск. *u)] и затем звук [n].[1]

Из совокупности таких гипотез, без которых нельзя объяснить фактов отдельных языков данной семьи, получается неко-

---

[1] Однако все заключения — при реконструкции праязыковых форм — должны быть делаемы после рассмотрения большого числа фактов и при принятии в расчет общих законов развития языка (лингвистической историологии). Благодаря случайному отсутствию достаточного ряда свидетельств из доступных нам языков, мы легко можем упустить многие из фактов, имевшихся в праязыке. Так, из рассмотрения русск [son], польск. [sen], сербск. [san] можно предположить, что слово, означавшее «сон», оканчивалось в праязыке на звук [n]; а между тем, за этим звуком следовал еще некий гласный звук, который исчез во всех трех данных языках (но в др.-церковно-славянском написании для него ведь употреблялся знак ъ [по традиции перешедший и в до-революционную русскую орфографию], который в ту эпоху, — эпоху создания славянской письменности, означал именно гласный звук).

Экскурс. Обращаясь же к данным сравнительной грамматики *индоевропейских* языков (а не только славянских), мы можем возвести исходную для славянских языков праформу [*sъпъ, ген. *sunu] к другой — гораздо более древней, уже общеиндоевропейской праформе: *supnos, на что нам указывает, хотя-бы, сопоставление славянского *sъпъ ← *sunu и древне-греческого *hupnos (ὕπνος, которое произносилось сначала именно как [hupnos] и затем только изменилось в части древне-греческих диалектов, напр. в аттическом [т.-е. Афинском] диалекте в [hypnos]). Эта праформа (*supnos) подверглась, следовательно, следующим изменениям: 1) в общеславянском: *p (перед *n) → нуль, *os × *u → ъ; 2) в общегреческом: *s → h [и затем уже в отдельных др.-греческих диалектах: u → y]. Переходя же от вопроса сравнительно-фонетического к сравнительно-морфологическому, мы можем разделить указанную индоевропейскую праформу *supnos на 3 морфемы: *sup-n-os [взамен более древнего деления *sup-no-s], для чего достаточно, собственно, даже сопоставление славянского сън-ъ с Родительным падежом сън-а (← *supnōd) и с другой стороны с глагольной формой съп-а-ти (*sup-ā-tei). Этимологический вывод отсюда, следовательно, говорит, что русск. сон — того корня (*sup-), что и русск. спать (а с другой стороны, оказывается в родстве и с русским «гипноз» [— через греческий, латинский и немецкий язз. — из греч. ὕπνος]).

торое представление о звуковом составе слов с известным значением, существовавших в праязыке; возможны также заключения относительно делимости этих слов на морфемы [ср. деление праязыкового *sup-n-os ← *sup-no-s[1] «сон» — в экскурсе к примечанию стр. 46]. Равным образом возможны и заключения относительно праязыковых синтаксических явлений на основании сравнения синтаксисов происходящих от этого праязыка родственных языков.

§ 13. Термин «*сравнительный*» (или «*историко-сравнительный*») применим, разумеется, и к отделам языкознания. Так *сравнительная*[2] (или *историко-сравнительная*) фонетика данного семейства языков рассматривает историю звуков в отдельных языках этого семейства и пользуется в качестве отправного пункта картиной звуков праязыка. Аналогичным образом *сравнительная* морфология изучает *историю морфологий* происходящих от реконструируемого праязыка *родственных языков*, а сравнительный синтаксис — историю их синтаксисов.

Сравнительно-историческая *лексика*, естественно, сводится к совокупности *этимологий*, т.-е. историй слов, составляющих словарь данных родственных языков, или — что то же — к *этимологическому словарю* данного языкового семейства. Последним

---

[1] Морфологическое деление *sup-n-os [соответствующее делению греческого ὕπν-ος [hypn-os] (Родительный ὕπν-ου [hypn-u]) и славянского сън-ъ (Родительный сън-а)] возводится к более древнему обще-индоевропейскому этапу *sup-no-s на основании наличия суффикса Именит. п. ед. ч. муж. р. -s в ряде других древнейших форм имен — напр. в *nāu̯-s «корабль» → др.-греч ναῦ-ς (nau-s).

[2] Можно однако заметить, что иногда употребляют термин сравнительный не в указанном техническом смысле, а просто для обозначения того, что имеется ввиду сравнение некоторых фактов. Например, можно встретить выражение сравнительная фонетика в применении к такому учению, которое относится к области не исторического, а описательного языкознания. В этом смысле озаглавлена книжка P. Passy, «Petite Phonétique Comparée», которая представляет просто совместное изложение описательных фонетик нескольких языков (гл. обр. французского, немецкого и английского). Звуки этих языков рассматриваются только в их современном состоянии, и самые языки рассматриваются без всякого отношения к родству или отсутствию родства между ними.

термином (— «Этимологический Словарь») обычно озаглавливаются и самые работы, посвященные сравнительно-историческому объяснению (т.-е. этимологиям) словарного материала, принадлежащего или всему данному семейству или его отдельным языкам: так могут существовать (и фактически существуют под этими заглавиями) и «Этимологический словарь индоевропейских[1] языков» и «Этимологический словарь латинского языка»,[2] «Этимологический словарь греческого языка»,[3] resp. санскритского, славянских и т. д. языков.

Экскурс. Для иллюстрации понятия *этимологического словаря* (т.-е. сравнительно-исторической лексики) приведу несколько примеров отдельных *этимологий* (т.-е. учений об истории отдельных слов) из разных языков:

1. Рус. *медве́дь* [m′edv′et′/m′edv′ed′-]. Современное осмысление слова, возможное в виде ассоциаций с *мед* [m′ot/m′od-] и *вед-*(ать) [v′ed-(a-t′)], оказывается неверным. Из сравнения 1) с рус. *медоя́ный* [m′edv′-an-ɯj], 2) с санскритским (— др.-индийским) mad^{h}v-ād — 'эпитет медведя, букв. «медо-ед»', мы заключаем, что рус. медведь представляет собою ту же самую обще-праязыковую форму, что и санскритское слово, т.-е. восходит к и.-е.[4] *med^{h}u̯-ēd, где первая часть *med^{h}u̯- есть комбинаторный (или Sand^{h}i-ческий,[5] т.-е. обусловленный известным соседством, — здесь: соседством с начальным гласным второй части Compositi:[6] *-ēd) вариант и.-е. основы ср. рода *méd^{h}u «мед» [представленной, напр., в санскритском mádhu, др.-греч. μέθυ

[1] Или «индо-германских», как их называет обычно немецкая лингвистическая литература («Indogermanische Sprachen»).

[2] Именно — «Etymologisches Worterbuch der lateinischen Sprache» соч. A. Walde.

[3] «Dictionnaire étymologique de la langue grecque» соч. Boisacq (2 изд. 1923).

[4] «и.-е.» — сокращение термина «индо-европейский».

[5] От санскритского грамматического термина sand^{h}i सन्धि — букв. «сочетание, со-положение, синтез».

[6] Compositum (или сложное слово) — слово состоящее из 2-х (или более) лексических морфем (не считая формальных морфем). Compositi — латинский Родительный падеж.

(met^{h}u → met^{h}y) и наконец — с переходом из ср. р. в муж. р. — в славянском **медъ** и рус. m'od → m'ot], а вторая часть *ēd — глагольный корень со значением «есть» [откуда санскритск. ād- «есть» и рус. **ѣд-(а)** → *едá* [jed-a]].

Как мы видим по смысловой функции санскр. mad^{h}vād, и.-е. *med^{h}u̯-ēd «медоед» было сначала только эпитетом медведя, а затем стало — в славянской ветви — употребляться взамен основного слова, значившего «медведь» (*ṛkso-s, откуда санскр. ṛkša-h, греч. ἄρκτος), очевидно, под влиянием табу. Сравни аналогичную замену — уже самого слова «медведь» — через «дедушка» в наречии русских поселенцев крайнего С.-В. Сибири (причем от этого «дедушка» = «медведь» появляется и прилагательное «дедушковатый») [Из лекций проф-ра Богораза].

2. Лат. venēnum (и франц. venin [vœnɛ̃]) «яд». Слово происходит от прилагательного *u̯en-es-no-m, — с суффиксами es-no- (ср. рус. неб-ес-но(е)), — от корневой морфемы *uen-, — той же самой, что в лат. Ven-us ← *u̯en-os (Родит. Veneris ← *u̯en-es-es) «Венера — божество любви» и в санскр. vanati ← *u̯én-e-ti «он любит»; следовательно *u̯en-es-no-m означало «любовное (подразумевается: — зелье)». Смысловая эволюция «любовное зелье → яд» стоит, вероятно, в связи с тем, что любовными, т.-е. применявшимися для целей любви зельями были не только средства привораживающие, но и имевшие в виду устранить соперника (т.-е. реальные яды — venēna в нынешнем смысле слова).

3. Рус. дя́тел [d'atelʲ] ← ***дмт-лъ**, где древняя коренная морфема ***дмт-** = *dēt- восходит к *dent- «зуб» (ср. лат. dens[1] ← *dent-s, Родит. dent-is ← *dent-es). Итак первоначальное слово («ἔτυμον λόγος») значило приблизительно, «зубач» [при чем под зубом разумелся клюв дятла].

4. Японск. Ток. ⌜nodo, Киото и Тоса no⌜do, Нагасаки no⌜do «горло». Исходная форма (с акцентуацией, как в Киото и Тоса) no⌜do ← no⌜m(i)-to⌝, т.-е. «дверь (*⌜to⌝) для питья» (ср. Киото и

[1] А из латинского слова [из Винительного, гл. обр., падежа — dente(m)] и французское dent [dɑ̃] «зуб»; сюда же — и русск. «дантист».

Тоса no⌜mu «пьет»). Исчезновение i после носового — в Compositis, и переход «носов. + t» → *nd → d, — явления нормальные (ср. ꜧизuku⌜e ← *pudukue ← *pumi-tukue 文 机, и аналогичный переход *mp → b в abari ← *ami-pari 綱 針 и т. д.).

5. Японск. Ток. minato, Кнот. ⌜minato⌝ и т. д. «гавань» ← ⌜mina-to⌝ букв. «дверь (⌜to⌝; ср. выше: 4) воды» (⌜mina-⌝ — морфема, чередующаяся с *⌜midu⌝ «вода»: ⌜mina-moto⌝ 源 = этимологически 水 元, mina-kami 水 上 и т. д.).

§ 14. Но не следует думать, что всякая этимология (т.-е. учение об истории слова), находящая место в этимологическом словаре, непременно должна содержать известную смысловую эволюцию (в роде вышеприведенных: «медо-ед» → название животного, «любовное» → «яд» и т. д.). Ясно, что этимологический словарь регистрирует лишь то, что добыто сравнительно-историческим анализом относительно данного слова, и поскольку этот анализ устанавливает лишь фонетическую и морфологическую (но не «семасиологическую») эволюцию, в этимологию войдет лишь история звукового и морфологического состава данного слова в ряде языков.[1]

Во-вторых надо заметить, что как этимологии (т.-е. сравнительно-историческая лексика), так и вообще вся дисциплина сравнительного (сравнительно-исторического) языкознания могут оперировать не только над теми сходствами, которые обусловлены — в двух данных языках — происхождением каждого из них (— целиком или, по крайней мере, в составе основной массы фонетических, морфологических и лексических фактов) из одного общего для них праязыка, но и над такими сходствами, которые объясняются заимствованием отдельных слов (а также, — что, впрочем, встречается гораздо реже — и отдельных морфологи-

[1] При этом надо помнить, что «первого значения», — в буквальном смысле этого выражения, т.-е. фактов, относящихся к языку-примитиву, мы вообще никогда — ни по поводу ни одного слова — не знаем. Все реконструируемые «праязыковые» явления — это только одни из этапов многотысячелетней эволюции, при том этапы, гораздо более близкие (несмотря на всю свою абсолютную древность) к нашему времени, чем к эпохе возникновения языка.

ческих явлений)[1] между языками, во всем остальном составе генеалогически чуждыми друг другу. Тогда на базе данных только заимствованных явлений (будь этих заимствованных морфем всего только две [или даже одна] или 10, или 100, или 1000, или же много тысяч)[2] создается особая «маленькая»[3] сравнительная

---

[1] Каковы например некоторые из казакских суффиксов именного словообразования, заимствованные из персидского.

[2] В некоторых случаях мы действительно находим громадное количество иностранных лексических заимствований при полной почти незатронутости (данным иностранным влиянием) туземного морфологического строя. Так, если мы вправе рассматривать как элементы японского (литературного хотя-бы) языка все те тысячи японизированных чтений китайских иероглифов, которые мы находим в японском словаре в виде потенциальных элементов слов письменного языка (не говоря уже о тех, которые вошли в обычный словарь разговорной речи), то перед нами здесь, собственно ничто иное, как словарь одного из диалектов китайского языка, — точнее: один или даже несколько (считая отдельно Го-он, Кан-он и Тō-ин) из «иностранных [— не-китайских] письменных диалектов китайского языка» (наряду с подобными же совокупностями данного рода китайских заимствований в корейском и аннамском). И эти «иностранные [не-китайские уже] диалекты китайского языка» могут служить, и фактически служат столь же ценным материалом сравнительно-исторической фонетики, как и диалекты самого Китая.

[3] Конечно, при таком обилии заимствованного материала, как в японизированных китайск. чтениях, его сравнительно-историческое (сравнительно-фонетическое в частности) рассмотрение перестает уже быть «маленькой» сравнительно-грамматической дисциплиной, ибо на деле эти (— в данном случае японский и китайский) «не-родственные» языки, если иметь ввиду как раз именно этот общий словарный запас (отказавшись на минуту от обычного критерия родственности языков — в общности их морфологического материала) — окажутся весьма и весьма родственными. В результате, сравнительно-историческое рассмотрение китаизмов в японском языке занимает вполне законное и весьма важное место в сравнительной фонетике китайск. диалектов (или что то же — исторической фонетике китайского языка), хотя и обладает своими собственными (отличными от фонетики самих китайских диалектов) законами — потому что с момента переноса всякого китайск. слова на японскую почву, его фонетическая эволюция идет уже в общем русле фонетической эволюции японского (а не китайского) языка. Примечание. Игнорирование этой последней особенности (т.-е. тожества фонетической эволюции в заимствованных из китайского словах с эволюцией чисто-японского материала — поскольку эти заимствования вошли уже на японскую почву) и составляет главный пробел в трактовке японизированных китайск. чтений (как материала исторической фонетики китайского языка) у B. Karlgren'a — в его создавшем эпоху труде «Etudes sur la phonologie chinoise». [Другой пробел, касающийся, положим,

*

грамматика (прежде всего, конечно, сравнительная фонетика и т. д.) данных не-родственных (в общем) языков, рассматривающая, однако, именно те в них явления, которые оказываются (благодаря процессам заимствования) родственными.[1] И с принципиальной точки зрения различие между такими *особыми* («маленькими») сравнительными грамматиками заимствованных элементов и сравнительными грамматиками нормального объема — только количественное. И в известных случаях мы натолкнемся даже на спорные вопросы: к той или иной группе (семье) языков следует относить данный язык: считать ли его языком группы А, — объясняя чужеродные (для А) его элементы, как «заимствования» из языковой группы Б, или же наоборот — признавать его языком группы Б, обладающим, однако, рядом «заимствований» из А.

После этих замечаний продолжу примеры этимологий (— в частности таких этимологий, к которым именно и применимы только что сделанные замечания).

6. Корейское mal (Nominativ. mar-i) «лошадь».

а) Этимологические данные, извлекаемые из самого корейского языка (и кор. орфографии):

1) Благодаря тому, что l на конце слога (в mal) и r в начале

только первых 2-х томов «Etudes», и исправленный в 3-ем томе, — это огульное рассмотрение Го- и Кан-он'ных чтений, тогда как на самом деле это 2 совершенно разных «диалекта» — и по китайским их источникам и по времени вхождения в японский язык].

[1] В этом смысле албанский, например, язык окажется — в известной своей словарной части — романским языком, ибо тот ряд заимствований из латинского, который осел в албанском, обнаруживает такую же закономерность фонетических соответствий (с латинским и романскими), какую мы будем наблюдать и в настоящих романских языках (напр. сардинском, испанском, разных итальянских говорах, французском и т. д.); современный английский — одним из французских говоров (благодаря заимствованиям, вошедшим с норманским завоеванием), русский (или же сербский) — одним из турецких диалектов (ср. большое количество турецких слов, как в русском, так и в сербском, ждущее, однако, еще компаративного исследования [отмечу впрочем работу Н. К. Дмитриева]); чувашский — одним из финских наречий; и т. д. и т. д.

слога (как в ma r-i[1] и т. п.) суть комбинаторные варианты одного [«двуликого»] звукопредставления (единой фонемы) — «l/r-», необходимо допустить, что раньше морфема со значением «лошадь» звучала в обеих этих позициях одинаково, т.-е. с одним и тем же конечным своим согласным. А это говорит, следовательно, в пользу возможности mal ← mar (при «l/r-» ← *r).

2. Корейская орфография с буквой ᄋ для a (вместо ㅏ в другом слове mal «слово, речь») указывает, что в древности здесь был не *a, а некий другой гласный (для которого и назначалась особая буква ᄋ), лишь впоследствии совпавший (конвергировавший) с *a = ㅏ. [Некоторые соображения (которые я здесь опускаю) позволяют думать, что этот гласный — в период перед конвергенцией — имел характер [ʌ], т.-е. [o] лишенного губной работы].

б) Этимологические данные, получаемые из сравнения с другими языками:

1) Сопоставление с монгольским *mørin, калм. mørŋ «лошадь»[2] говорит за общее происхождение монгольского *mørin и кор. *mʌr. [А некоторые соображения (которые в виду их сложности мне приходится опускать в изложении элементарного курса) позволяют допустить развитие кор. *ʌ ← *ø, т.-е. mal ← *mʌr ← *mør]. Падение 2-ого слога (in в монгольском; ср. приближение к этому падению в живых монгольских наречиях, напр. в калм. mørŋ) в корейском, а также согласные соответствия m || m, r || «l/r- ()» подтверждаются и в других общемонголо-корейских словах, например монг. muren «река» || кор.

---

[1] Черта ˙ употребляется мною для указания слоговой границы.

[2] Откуда и русск. мерин (сужение значения: «лошадь» → «мерин» имело место, м. б., еще на монгольской почве: ср. значение «мерин» в бурятском, тогда как «лошадь» — adahun [h ← s] || тур. آت; в противном случае, это русское заимствование подтверждает закон о том, что при заимствовании термина значение его в большинстве случаев сужается [— в языке заимствующем; т.-е. объем понятия, выражаемого словом, сужается, а содержание понятия, т.-е. число признаков его, расширяется]).

mul (Nominat. mur-i) «вода»,[1] или же монг. nidun → nudn̥[2] «глаз» || кор. nun «глаз» и т. п.

2) Дальнейшие (уже выходящие за пределы «алтайских» языков) сопоставления [монгольского и кор. слов] — с бирманским mraŋ и кит. 馬 Пек. maˇ (откуда, вернее из древне-китайской праформы которого, — и японское m̥ma)[3] позволяют предполагать весьма древнюю до-историческую миграцию данного слова («лошадь») из одного языкового семейства в другое, — вероятно в связи с самим фактом постепенного распространения лошади.

7. Японск. *asâ 朝 (Киото и Осака asâ, Тоса a⌜sa/a⌜sa⌞- [Nom. a⌜sa⌞ga, Acc. a⌜sa⌞: ← a⌜sa⌞o], Ток. ⌜asa, Наг. a⌜sa) «утро». Сопоставление с кор. ača⌜m ← ac⌜am «утро», —

---

[1] При чем кор. слово употребимо так же и в значении «река», — ср. подобную же функцию тур سو (узб. سوُ suw) [напр. в названиях рек: قاراسوُ, قمزل سوُ, ڤاڤسوُ и т. д.].

[2] Этому переходу в живых монг. говорах причиной служил так наз «Umlaut», т.-е. регрессивная ассимиляция гласных (i... u → u... u), — процесс, по направлению обратный сингармонистической «прогрессивной ассимиляции», хотя в сущности, имеющий с нею одно и то же психологическое основание (см. мою статью «Причины происхождения Umlaut'a» в «Сборнике в ч. пр. А. Э. Шмидта», Ташкент).

[3] Долгое (или двойное, — геминированное) m: в древне-японском *m.a (откуда Киото ⌜m̥⌞ma, Токио m̥⌜ma, сев.-вост. ma, Нагас. m̥⌜ma) объяснимо из древне-китайского сочетания *mr (в *mra; ср. бирм. mraŋ), которое никаким другим способом японским звуковым мышлением не могло быть передано [ср. такое же *m: в яп. *⌜m:e⌝ 梅 → Киот. ⌜m̥me⌝, Ток. m̥me, сев.-вост. mi, Наг. m̥⌞me; здесь китайская праформа (梅) тоже начиналась двумя неслогообразующими звуками — *mw (См. Karlgren «Etudes», I в таблицах знак 梅 № 2992)]. Дальнейшая же эволюция кит. *mra (или *mla) была, очевидно, такова: mra → mi̯a (этот этап отражается в яп. Го-оне: me [— с обычным для Го-он'а e ← кит. *i̯a; ср. ke 家 ← кит. *ki̯a]) и mi̯a → ma (откуда уже Кан-он'ное чтение: ba [с обычным b ← кит. m; ср. bai 梅 (Пек. «мэй»)].

Другие «тибето-китайские» (— «индо-китайские») параллели к кит. ma, бирманск. mraŋ — см. у Conrady «Eine indochinesische Causativ-Denominativ-Bildung». Однако, материал этот требует критического пересмотра на основе детального изучения цитируемых Conrady языков. См. также у П. Шмидта «Опыт мандар. грамматики», стр. 7: ...по сокпаски mari, по бирмански mrang, по гярунгски boroh, по абор-мирийски buri.

с одной стороны, а с другой — подтверждение и на других примерах соответствия: «кор. гласный + m || гласный с мелодией ^ (в зап.-яп.)»[1] указывают что корейская форма (*ac$^{\epsilon}$am) оказы- исходной для японской [Нисходящая мелодия (^) заменила собой кон. носовой — так же, как и в греч. гомеровск. δῶ [ˈdoˌ:] ← *dom (ср. слав. дом-[ъ])]. Вопрос может быть — по поводу обще-японо-корейской формы — лишь относительно 1-го согласного [кор. *c$^{\epsilon}$ || яп. s]; во всяком случае корейская форма с *c$^{\epsilon}$ (откуда в южно-кор. č$^{\epsilon}$) представляет более архаичный этап эволюции, чем яп. s [ср. яп. s ← кит. c, c$^{\epsilon}$, č, č$^{\epsilon}$ в кит. заимствованиях].[2] Для полноты добавлю, что еще Léon de Rosny указывал (IV Congr. Orient.) на совпадение яп. asa 朝 с зырянским «асы» «утро». Однако, связь эта совершенно невыяснена (как и для 3 других зырянских слов, обнаруживающих звуковое сходство с японскими).

8. Туркменск. (Йомудск.) na:w ناو «корабль» (как общий термин),—очевидное заимствование из индоевропейского языка [ср. др.-греч. ναῦς, лат. nāv-is, слав. **навь** «корабль-гроб»]; сравни также армянск. nav (которое принято рассматривать, как возможное заимствование из иранского). Остается, следовательно, два возможных источника для проникновения слова в туркменский: или иранский, или (вероятнее) армянский.

Оказывается, все названия «корабля» (общее — na:w и подвидов — nø:tkø, barž), употребляемые туркменами-Йомудами, — заимствования, и очевидно сравнительно недавнего прошлого, — после прихода Йомудов на Каспийское побережье, причем сначала был, вероятно, заимствован общий термин (na:w), а потом уже названия «лодки», «баржи»—из русского.

---

[1] Ср. напр. яп *turû 鶴 (Киото и Осака curû, Тоса tuˈru [Nom. tuˈruˌga, Acc. tuˈroˌ:← tuˈruˌo], Ток. ˈcuru, Наг. cuˈru) «журавль» || кор. turum «журавль». Слово находит параллели и в других алтайских яз.: напр. як. turuja «журавль», тур. turna (узб. ираниз. turnæ تورنه).

[2] Напр. яп. Токиоск. (Го-он) śiˈći «7» ← *ˈsiˌti ← кит. *c'it (Пек. «ци»).

9. Грузинск. p'it'na «мята». Сопоставление с др.-гр. μίνθα (mint^{h}a) и латинским mentha (откуда и слав. мята), которые, однако, не являются рефлексами обще-индо-европейского слова (на что указывает иррегулярное соответствие греч. ι || лат. e), а оба заимствованы из какого-то неизвестного языка, говорит за общее происхождение (с лат. и греч.) и грузинского слова. Звуковой состав его возводится к *minta, откуда *pinta (— через диссимиляцию носовых *m...n → p...n) и далее p'it'na (— с перестановкой nt → tn). К этому же виду основы (tn, не nt) относятся и таджикск. pidinæ или pudinæ, татарск. بۇتنك, مۇتلك, вотск. бутнек, морд.-мокш. путник.

10. Наконец приведу широко-известную этимологию и.-е. термина «мать», — напр. перс. mədær مادر, санскр. mātā (mātar-), др.-греч. μάτηρ → атт. μήτηρ, лат. māter, арм. maiṙ, англ. mother [mʌðə], нем. Mutter [mutər], слав. мати (матер-) и т. д. — обще-и.-е. *mā́-tēr, *mā-ter- [откуда в обще-арийском, т.-е. в источнике индийской и иранской групп → mātā, в косв. падеж. mātar-, а из последней формы перс. mɔ:dær — с переходом *ā → ɔ: и *a → æ, и озвончением t → d между гласными; в армянском же *t между гласными выпало вовсе (ср. арм. haiṙ ← *pə-tḗr «отец»), а *ē → i)]. Сама же индо-европейская праформа *mā-tēr (как и *pə-tḗr [= *pы-tēr], откуда скр. pitā, перс. pædær, греч. πατήρ, лат. pater, нем. Vater, англ. father [fa:ðə] «отец») делима на суффикс -tēr и основу *mā- (ср. *pə- из древнего *pā в неударенной позиции в *pə-tḗr), представляющую собою, очевидно, тот же «детский» комплекс, который мы встречаем в так называемом редупликационном типе «детских слов» (напр. кит. mama «мама», груз. mama «отец», яп. mama «детская кашица» и т. д.; ср. яп. *papa → haha «мать», южно-яп. kaka «мать», яп. *titi «отец» и т. п. и т. п.). Известную аналогию к обще-индоевропейской формации слов mā́-tēr pə-tḗr — от основ ma pa мы находим в области современного китайского языка: в mú-c'in «мать» fú-c'in «отец»; основы mu 母, fu 父 возводимы к тибето-китайским *ma *p'a (ср. др.-тибетск. ma,

p'a; гласное же соответствие «тиб. a || кит. u» является нормальным — напр. ŋa || (ŋ)u «я», (l)ŋa || (ŋ)u «пять» и т. д.).

11. Еще один пример, интересный в том отношении, что сопоставляемые на основании звукового сходства слова принадлежат по крайней мере к четырем отдельных языковым семействам (а если считать еще заимствования из китайского в японский, корейский и анамский, то — к языкам семи разных семейств). Это — китайск. 蜜 («мед») mi' ← *mit или *miat (на конечное *t кроме кит. диалектических форм указывают еще заимствования в японск., корейск. и аннамский), находящее себе след. параллели в языках других групп: 1) индо-европ. *méd^{h}u (греч. μέθυ, скр. mádhu, слав. **медъ** и т. д.; ср. также формы с l || *d^{h} — лат. mel, ирландск. mīl), 2) финно-угорск. *meti, откуда финск. mesi, эстонск. «mesi» = mezi, мордовск. m'ed', венг. mīz и т. д., 3) чеченско-ингушск. *mαз-u (Nominat.), откуда чеченск. muoz. Очевидно мы имеем здесь дело с древним миграционным термином для культурного понятия, распространявшегося вместе с искусством бортничества от одного племени к другому. [Примеч. Индоевропейским словам для «меда» посвящена статья Gauthiot в Mém. Soc. Lingu.].

§ 15. Нужно еще упомянуть об одном виде языкознания, который называется общим языкознанием (linguistique générale по французски). В противоположность изучению отдельных языков или отдельных групп языков, под именем общего языкознания объединяются те положения и выводы, которые устанавливаются из рассмотрения (по мере возможности всех) различных языков и различных языковых групп (как с описательной, так и историко-сравнительной точек зрения) и могут быть применимы к любому языку (поскольку он, конечно, обладает теми условиями, о которых в данном обобщении идет речь). Следовательно, общее языкознание рассматривает общечеловеческие свойства языкового процесса. Общая фонетика (phonétique générale), например, ведает устройство и функции

органов произношения,[1] акустические процессы, возможный характер звуков речи и их представлений, общие законы относи-

---

[1] При этом анатомическая структура органов произношения может признаваться, в общем и целом, одинаковой у всех народов, по крайней мере лингвистические исследования не вскрывают здесь каких-либо принципиальных антропологических отличий между различными расами. Правда, некоторые факты, казалось бы, и можно было истолковать в пользу подобных антропологических различий, но все-таки утверждать что-либо определенное в данном отношении у лингвистики еще нет оснований. Так, напр., бросается в глаза особое сходство народов семитического происхождения к особым, отсутствующим в других языках (кроме семитической, кавказских и хамитской семей) гортанным согласным (ар. ع ع), при чем эти звуки быстро исчезают, поскольку данный словарный материал воспринимается народом другой расы. Но с другой стороны факты подтверждают, что и этим звукам возможно научиться, и что справедливо положение о том, что взяв 2-х месячного немецкого ребенка и перенеся его в языковую арабскую (resp. китайскую, сербскую и т. д.) среду, мы через 10 лет будем иметь в нем чистейшего, безукоризненного в языковом отношении араба, китайца, серба и т. д. Тем не менее, признавая потенциальную способность любой расы научиться (при отсутствии предшествующих навыков другого языка) любой звуковой системе, мы, в конечном счете, все-таки найдем, может быть, отражение специфических расовых особенностей в ходе фонетической эволюции данного языка. Ср. напр. наблюдение Thalbitzer'a над особыми явлениями в области консонантизма (глубоко-заднеязычных — увулярных согласных в частности) в гренландском эскимосском языке, которые он склонен ставить в связь именно с антропологическими особенностями (Thalbitzer, A phonetical study of the Eskimo language, Copenhagen 1904, стр. 69—70). Разумеется, особо от этого вопроса надо рассматривать случаи искусственной деформации органов произношения, напр. путем вставки в губу деревянных кружков, что отражается, конечно, на произношении (именно на произношении губных звуков в некоторых из языков Банту). Приведу здесь один пример конкретной фонетической эволюции, открывающий некоторую возможность предположительно допускать наличие специфических антропологических признаков у данной этнической среды [если подобных примеров найдется достаточное количество — в истории разных языковых семей (в том числе и в эволюции эскимосского языка, которая, допустим, подтвердит мнение Thalbitzer'a), то тогда и можно будет свести этот принципиальный общий вопрос с гипотетической почвы на эмпирически-доказуемую]: из сравнительно недавнего (т.-е. к исторической эпохе относящегося) периода в эволюции японского языка,— именно из истории губных работ (артикуляций) в разных японских говорах. Процессы ослабления губных работ (как-то спонтанеическое развитие *p→ɸ) и полной их ликвидации (напр. комбинаторное ɸ→h, w→нуль, спонтанеические k^w→k, g^w→g) обнаруживаются в наибольшей степени в центральной зоне японских говоров и достигают maximum'a в районе говора Тоса; наоборот на обеих периферии — в северо-восточных и, с другой стороны, в южной группе мы встречаем, большей частью лишь начальные стадии этих процессов (напр. *pa→ɸa, тогда как

тельно звукового состава отдельного языка (законы взаимоотношения между существующими в голове одного человека представлениями звуков) и относительно изменений звуковой стороны языка при передаче языка от поколения к поколению, при чем последняя часть обще-фонетических положений [— общие за-

---

в центре *ра → ɸа → ha; в некоторых же из рюкюских говоров до сих пор уцелевает смычное p; аналогичный консерватизм обнаруживает и судьба прочих губных звуков на обеих периферіях японской территории: kʷ gʷ здесь сохраняются, исчезнувшее уже в центральных говорах w в ряде позиций сохраняется в Рюкюском, а частично и на северо-востоке; и т. д.). Если же мы вспомним, что по всем (почти) остальным фонетическим и морфологическим чертам, говоры центральной зоны оказываются наиболее консервативными (а чем ближе к той или другой периферии, тем больше прогрессивных новшеств) и — среди центральных — наибольшую консервативность обнаруживает именно Тосаский, то мы будем вправе считать тенденцию к сокращению и утрате губных работ — чертой, характерной для «чисто-японских» слоев этнической структуры Японии; наоборот на периферіях, где прогрессивный ход эволюции (в прочих явлениях фонетики и морфологии) обусловлен был, очевидно, этническим смешением с инородческим населением (на северо-востоке с аину, а на юге с Кумасо и проч.), ослабление указанной тенденции к сокращению губных работ, в свою очередь, может рассматриваться как влияние инородческой этнической подпочвы. Отсюда вытекает вывод, что упомянутая тенденция («делабиализационная тенденция») может считаться таким же признаком чисто-японского этнического элемента (в составе носителей данных говоров), как и относительный консерватизм данных говоров в отношении прочих фонетических (и морфологических) черт обще-японской языковой системы. Это — все, что может быть сказано по этому вопросу лингвистом; далее слово принадлежит антропологам (которые при этом должы иметь ввиду, разумеется, не только «физиологическую статику», т.-е. устройство органов тела, но и «физиологическую динамику», т.-е. деятельность этих органов, в данном случае деятельность лицевых мускулов). И вот, если удастся установить, что определенная специфическая особенность в динамике лицевых мускулов действительно окажется принадлежностью «чисто-японской расы», то зависимость фонетической эволюции от антропологических расовых особенностей можно будет *для данного случая* считать доказанной. Но само собою разумеется, что в решении этого вопроса нельзя будет ограничиться одними лишь японскими фактами, а надо соответствующим образом обследовать и прочие историко-фонетические случаи (в любой территории земного шара), обнаруживающие совокупность делабиализационных процессов (т.-е. ряда явлений в роде процесса *p → ɸ → h [→ нуль]; он наблюдается, например, и в известных полинезийских языках, в древней истории «алтайских» языков [напр. узбекское h в هوكز hokiz, høkyz «бык» возводимо к общеалтайскому *p; в прочих турецких языках этому h соответствует уже нуль], а из индоевропейских языков — в армянском и ирландском; и т. д.).

коны звуковой эволюции] выделяются также в виде особой (— внутри общей фонетики) дисциплины — под именем Фонетической историологии.

В состав общего языкознания входят сведения, необходимые при научном изучении всякого отдельного языка и потому оно под именем *введения в языкознание* преподается на Этнологических Факультетах Университетов, в Востоковедных ВУЗ'ах и других ВУЗ'ах, где специально изучаются языки.

Экскурс.

К вопросу о делении языкознания на отделы.

В добавление к перечню отделов языкознания (как описательного, так и исторического) можно добавить понятие Фразеологии. Нужно указать однако, что разными авторами термину «фразеология» даются различные определения. Я позволю себе употребить этот термин для обозначения особой дисциплины (наряду с фонетикой, морфологией, синтаксисом и лексикой), занимающей по отношению к лексике то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии. Дело в том, что как морфология так и синтаксис (в отличие от лексики) имеют своим объектом изучения символику общих (абстрактных) идей [формальные значения слов и типов словосочетаний]; лексика же имеет дело с выражением индивидуальных понятий [лексических значений], но по количественному признаку тех величин, которыми оперирует в качестве единиц данная дисциплина, лексика является соизмеримой лишь с морфологией (— так как единицей-*maximum* и в лексике и в морфологии служит слово, а единицей-*minimum* — морфема), но не с синтаксисом (оперирующим, в качестве единицы - *maximum*, с словосочетанием или фразой, а в качестве единицы - *minimum* — со словом). И вот возникает потребность в особом отделе, который в данном отношении был бы соизмерим с синтаксисом, но в тоже время имел бы ввиду не общие типы, а индивидуальные значения данных кон-

кретных словосочетаний — подобно тому как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями данных слов. Этому отделу языкознания я и уделяю наименование фразеологии (другой, предлагавшийся для этого значения термин — идиоматика). Необходимо сказать, однако, что несмотря на все свои теоретические права на существование, фразеология (resp. «идиоматика») не завоевала себе обособленной позиции в литературе по нашей науке, т.-е. нет более или менее обширных отделов литературы, посвященных фразеологии (подобно прочим дисциплинам: фонетике, морфологии, синтаксису, лексике); в большинстве случаев есть только известный материал по фразеологии в трудах, трактующих смежные с ней дисциплины (особенно в работах по лексике). Из числа книг, наиболее подходящих под понятие материала по фразеологии можно назвать, например, Михельсон, М. И. «Русская мысль и речь» I, II. Вообще этой, теоретически вполне возможной и нужной (особенно в практическом отношении — для преподавания языков) дисциплине авторы лингвистических работ уделяли весьма мало внимания, хотя есть основания думать, что она фактически займет обособленную и устойчивую позицию (подобно фонетике, морфологии и т. д.) в лингвистической литературе будущего — когда в последовательной постановке разнообразных проблем наша наука лишена будет случайных пробелов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Общая фонетика.

Органы произношения и их звукопроизводные функции.

§ 16. Органы произношения, — это 1) дыхательный аппарат, состоящий из диафрагмы или грудобрюшной преграды, грудной клетки, легких и дыхательного горла; 2) гортань; 3) надставная труба, состоящая из полостей, находящихся над гортанью, именно — полости рта и и носовой полости.

Функция дыхательного аппарата состоит в образовании струи воздуха. При языковом процессе используется, обыкновенно, только выдыхание (экспирация), т. е. струя, выходящая из легких, а не вдыхание (струя, втягиваемая в легкие из окружающего воздуха). Однако, можно произносить слова и фразы и при вдыхании, и иногда такой способ говорения употребляется затем, чтобы слушающие не узнали по голосу говорящего.[1]

Благодаря тому, что главную роль для языкового процесса играет выдыхание воздуха, оно производится во время речи медленно и экономно; вдыхание же, т. е. восстановление запаса расходуемого при выдыхании воздуха, производится во время

[1] Это имеет место в святочных обычаях в швейцарских деревнях: ряженые говорят *втягивая воздух* — чтобы не быть узнанными. Кроме того, в качестве примера особого звука, всегда произносимого именно путем вдыхания (а не выдыхания) воздуха, можно назвать японский «звуковой жест» (заменяющий собою и слово и фразу) — инспираторное s [$\dot{-}$s, — если употреблять для обозначения вдыхания знак $\dot{-}$ предложенный Jespersen'ом]. Это [$\dot{-}$s] ассоциируется с выражением чрезвычайной степени почтения (даже благоговейного страха) перед собеседником, и может заменять собою произнесение фраз в роде kaś(i)komarimaśta и т. п.; при этом данный «звуковый жест» обычно дополняется и специфическим моторным жестом (жестом в собственном смысле этого слова) в виде типичного в японском церемониале присядания.

От звуков, произносимых с вдыханием (т. е. втягиванием воздуха), каково это яп. [$\dot{-}$s], надо отличать 1) «щелкательные» звуки — так называемые Schnalzlaute южно-африканских (или «прото-африканских») — с исторической точки зрения) языков: бушменского, пигмейских, готтентотского: в них не происходит ни выдыхания из легких, ни вдыхания в легкие, а лишь перемещение воздуха внутри рта из одной камеры в другую — благодаря раствору язычной смычки, т.-е. то самое, что мы имеем при нашем причмокивании или прищелкивании языком Такой же Schnalzlaut — ввиде изолированного на положении «звукового жеста» звукопредставления мы встречаем, напр., в узбекском языке (как и в других языках Туркестана, даже у русского населения Средней Азии) для выражения отрицания [это — переднеязычный Schnalzlaut — с тем же укладом языка, как и при [t], что мы условно выразим в транскрипции через [$\dot{-}$t] (или через [$\dot{-}$c]) — обозначая через [$\dot{-}$] именно понятие Schnalzlaut'а] 2) грузинские, мегрельские, чеченские, абхазские, черкесские и т. д. «смычно-гортанные» или «гамзированные» согласные — напр. [p$^{?}$ t$^{?}$ k$^{?}$ q$^{?}$ c$^{?}$ č$^{?}$], абхазск. [ψ$^{?}$], — о механизме которых см. ниже. Как и выдых воздуха из легких (до момента раствора гортанной смычки), так и — тем более — вдыхание (inspiratio) в легкие, разумеется, совершенно исключено из артикуляции этих звуков, благодаря характерному для них затвору гортанной щели.

речи быстро, для чего используются те небольшие паузы, которые сопровождают в языке переход от одной мысли к другой.[1]

Механизм дыхательного аппарата таков, что легкие неспособны к самостоятельным движениям; они расширяются только благодаря поднятию грудной клетки или опущению диафрагмы (при чем это расширение их развивает струю вдыхаемого воздуха). При выдыхании же струя, выходящая из легких, создается потому, что, при отсутствии работы мускулов, подымающих грудную клетку, эта последняя опускается и выдавливает из легких находящийся в них воздух, или же то же самое выдавливание воздуха из легких производится путем давления на них снизу подымающейся диафрагмы.

Дыхательное горло соединяется с каждым из легких посредством бронх (их 2). Из дыхательного горла выдыхаемый воздух поступает уже в гортань.

§ 17. Гортань (греч. λάρυγξ, лат. larynx) представляет собою орган, предназначенный почти исключительно для речевых функций и имеющий замечательное устройство; замечательное — потому, что при всей незначительной величине гортани (отверстие гортани — т. е. отверстие перстневидного хряща — шириной с мужское обручальное кольцо) она представляет собой превосходный музыкальный инструмент, дающий крайне разнообразные, как по качеству, так и по силе, звуки.

Стенками гортани являются хрящи: перстневидный (лат. cartilago cricoidea) и щитовидный (cartilago thyreoidea). Перстневидный хрящ служит основанием гортани; он представляет собою кольцо, спереди имеющее очень низкий, а сзади —

---

[1] Это соединение остановок для возобновления запаса воздуха с теми остановками, которые уходят на психическую работу подготовления новой фразы (напр., выбора порядка слов), естественно является очень удобной комбинацией; но не всегда граница между отдельными смысловыми отрезками речи (предложениями) сопровождается прекращением выдыха и следовательно речевой паузой. Очень часто фонетическим выражением синтаксических границ (— конца предложения) является лишь особая мелодия голосового тона (в частности так наз. «мелодия сказуемости»).

высокий ободок. Его, таким образом, можно сравнить с кольцом, имеющим печатку (напр. с вензелем, гербом); месту, где помещается такая печатка, соответствует обращенная назад (и следовательно не ощупываемая) часть перстневидного хряща. Тонкий же ободок обращен вперед, и над ним помещается выдающийся своею средней частью вперед щитовидный хрящ, тот хрящ, который обыкновенно называют адамовым яблоком или кадыком (у мужчин он обыкновенно больше, чем у женщин).

На задней части перстневидного хряща находятся справа и слева по одному небольшому подвижному хрящику, которые называются черпаловидными (лат. cartilagines arytaenoideae) или пирамидальными хрящиками. Благодаря работе различных мускулов черпаловидные хрящики могут приближаться друг к другу или отходить друг от друга и вращаться в разные стороны. Эти разнообразные движения черпаловидных хрящиков оказываются чрезвычайно важными, так как от этих движений зависит положение голосовых связок, из которых каждая прикреплена одним из своих концов к одному из черпаловидных хрящиков. Другой конец голосовых связок прикреплен к внутренней стороне щитовидного хряща (т. е. противоположному — переднему краю гортани). Таким образом положение голосовых связок зависит от положения и движений 1) черпаловидных хрящиков, 2) щитовидного хряща.

Голосовые связки[1] (лат. chordae vocales или ligamenta vocalia или ligamenta glottidis) отнюдь не надо представлять в виде струн; это края обтянутых кожей мускулов, прикрепленных другими краями к бокам гортани. Таким образом, выдыхаемый воздух отнюдь не может проходить со всех сторон голосовых

[1] Кроме настоящих голосовых связок есть еще лежащие выше их ложные голосовые связки (chordae vocales spuriae), которые никакой роли при производстве звуков не играют и служат лишь для предохранения настоящих голосовых связок от попадания к ним посторонних предметов, например крошек пищи.

связок (как ветер обвевает и справа, и слева струны воздушной, или эоловой арфы), он может проходить только сквозь щель между обеими голосовыми связками; таким образом голосовые связки следует сравнивать с губами (немецкий фонетик Klinghardt называет их Stimmlippen), а не со струнами. Сравнение с губами может быть продолжено и по отношению к функции голосовых связок. Когда мы произносим так называемое губное r (звуки, обозначаемые в письме, как прр... или брр...; первый произносится, когда останавливают лошадь; второй — при ощущении холода), наши губы совершают ряд последовательных одинаковых движений: именно, сомкнутые (но не сильно сжатые) губы взрываются толчком выходящего воздуха, и на один момент расходятся и продвигаются вперед; затем по выходе сквозь образовавшееся отверстие известной порции воздуха губы опять смыкаются с тем, чтобы новый толчок воздуха немедленно же взорвал эту смычку и вывел губы из состояния покоя; таким образом, этот процесс повторяется безостановочно, и губы находятся в состоянии дрожания. Такое же дрожание (только с гораздо более частыми последовательными взрывами) испытывают и приближенные друг к другу голосовые связки при образовании того звука, который мы называем голосовым тоном:[1] путем соответствующего движения черпаловидных хрящиков голосовые связки приводятся в состояние неплотного соприкосновения одна с другой, при чем выходящий снизу (выдыхаемый из дыхательного горла) воздух своим давлением на сомкнутые голосовые связки взрывает их смычку и на одно мгновение продвигает их кверху, после чего они опять опускаются и приходят в состояние такого же, как раньше, неплотного соприкосновения — с тем, чтобы следующий толчек выдыхаемого воздуха опять вывел их из этого состояния; осуществляющееся

[1] Образование голосового тона, без которого немыслимо пение и без которого не обходится в общем и речь (кроме шопотной) составляет главную языковую функцию гортани, но есть и другие: образование особых гортанных звуков, напр. [h] = ар. ه, [ʾ] = ар. ء, [Ḥ] = ар. ح, [Q] = ар. ق; см. ниже §§ 19 и след.

таким образом движение голосовых связок (оно повторяется несколько сот раз в секунду) является источником воспринимаемого нашим ухом голосового тона. О том, в каких звуках имеется этот голосовой тон, и в каких он отсутствует, мы можем сделать вывод на основании ряда слуховых или осязательных впечатлений, или же объективных (инструментальных) показаний. При этом, для фонетика необходимо, конечно, уменье различать звуки, сопровождающиеся голосовым тоном (так называемые звонкие) от тех, при которых голосовой тон отсутствует (так называемых глухих), по слуху. Но помочь при выработке этого уменья различать звонкие звуки от глухих могут и другие способы. Так можно различать звонкие звуки от глухих по наличию дрожания щитовидного хряща, которое легко можно осязать, приложив палец к поверхности этого хряща, т. е. так называемому Адамову яблоку. Дело в том, что одним концом, ведь, голосовые связки прикреплены именно к щитовидному хрящу, которому, следовательно, и передаются дрожания самих голосовых связок; таким образом можно путем чувства осязания убедиться, например, в наличии голосового тона (и дрожания голосовых связок) при производстве звука [z], и в отсутствии такового при производстве звука [s], который будет соответствующим глухим для звука [z], т. е. таким звуком, производство которого отличается от производства [z] только отсутствием голосового тона, а прочие все работы при производстве обоих звуков одинаковы. Равным образом, можно констатировать наличие голосового тона при [v] и отсутствие его при соответствующем глухом [f], наличие его при [ž] и отсутствие при соответствующем глухом [š], наличие его при [b], [d], [g] и отсутствие при соответствующих глухих [p], [t], [k]. Точно так же можно убедиться в наличии голосового тона при нормальном произношении всяких гласных, например [a], [e], [i], [o], [u], и в отсутствии голосового тона при шопотном произношении этих гласных.

§ 18. Возможна и регистрация голосового тона на особых

приборах, например на кимографе, который представляет собой вращающийся с одинаковой скоростью цилиндр, обтянутый закопченой бумагой, на которой подвижное перо очерчивает кривую, соответствующую колебаниям щитовидного хряща; для этого берется пустая (т. е. наполненная воздухом) резиновая капсюла, которая прикладывается (или обыкновенно подвешивается на ошейнике) к кадыку; соответственно дрожаниям этого кадыка (т. е. щитовидного хряща, вторящего дрожаниям прикрепленных к нему голосовых связок) приходит в дрожание и воздух, заключенный внутри этой капсюлы; от нее идет резиновая трубка, к концу которой прикреплена чувствительная мембрана, и к центру этой мембраны прикреплено перо, которому, следовательно, передаются дрожания воздуха, заключенного в капсюле и трубке; перо устроено таким образом, что колебания мембраны (соответствующие колебаниям воздуха в капсюле и трубке), связанные с колебанием одного конца пера, отражаются в увеличенном виде на другом его конце (перо, следовательно, представляет рычаг, точка опоры которого ближе к концу пера, прикрепленному к мембране, чем к его свободному концу), и этот конец его, двигаясь справа налево и обратно по бегущей под ним закопченной бумаге, записывает на ней кривую, соответствующую дрожанию воздуха внутри трубки, а следовательно соответствующую также и дрожанию щитовидного хряща и дрожанию прикрепленных к этому хрящу голосовых связок. Поэтому каждое колебание голосовых связок будет записываться в виде зигзага кривой, и, зная скорость вращения цилиндра, на который прикреплена закопченая бумага, можно узнать, с какой скоростью происходила вибрация голосовых связок. От изменения этой скорости дрожания голосовых связок зависит высота голосового тона подобно тому, как от частоты дрожаний скрипичной струны зависит высота создаваемого этими дрожаниями звука. Чем чаще колеблется производящее звук тело (скрипичная струна или голосовые связки), тем тон выше. Чем меньше число таких колебаний в единицу времени (например, в секунду), тем тон ниже.

Струна, колеблющаяся со скоростью 435 двусторонних (т. е. взад и вперед) колебаний в секунду (vibrations doubles, что сокращенно изображается: V.D.) дает тон la^3 (по немецкой системе a^1); струна, дающая в секунду вдвое более колебаний, т. е. 870 V.D., дает тон на октаву выше, т. е. la^4 (a^2); струна, дающая вдвое меньше число колебаний, т. е. 435 простых (простым колебанием считается половина двустороннего, — движение струны, как взад, так и вперед) колебаний (vibrations simples, что сокращенно изображается V.S.), издает тон на октаву ниже ($la^2 = a$). Втрое большее число колебаний дает тон на дуодециму выше; т. е., если $la^3 = 870$ V.S. ($= 435$ V.D.), то $mi^5 = 2607$ V.S. ($= 1303$ V.D.). Частота колебаний струны зависит, как от ее длины, так и от натянутости. Чем струна длиннее, тем медленнее ее колебания, и, следовательно, тон, издаваемый ею, ниже. Аналогично этому, чем длиннее голосовые связки, тем они будут более склонны к созданию низких тонов. Поэтому у мужчины, у которого голосовые связки обычно длиннее, чем у женщины, голосовой тон обычно ниже, чем у женщин; в различной длине голосовых связок состоит также главное отличие разных голосов, например, тенора, баритона, баса. Сообразно тому, как одна и та же струна при различных степенях натянутости может давать различные колебания, и голосовые связки могут давать различные тоны, что зависит от различных положений черпаловидных хрящиков (а также щитовидного хряща).

Сила же звука зависит от амплитуды (размаха) колебаний звукопроизводящего тела. Сильно дернутая струна колеблется с большим размахом каждого колебания, чем слабо задетая. Точно так же различен бывает по силе и голосовой тон в зависимости от того, насколько продвигаются вверх и вниз при каждом своем колебании голосовые связки (при записи голосового тона вышеуказанным способом на кимографе можно видеть разницу в силе голосового тона по величине зигзагов на кривой; высота же определяется по частоте этих зигзагов). Усиление голосового

тона, т. е. увеличение размаха колебаний голосовых связок может быть достигнуто, во-первых, путем создания более сильной воздушной струи, выходящей из дыхательного аппарата, что делается усилением давления ребер (грудной клетки) или диафрагмы на легкия. Но может быть это усиление достигнуто также путем уменьшения расстояния между колеблющимися голосовыми связками; если они сближены менее плотно, то выходящая струя воздуха менее давит на их края, и края их, следовательно, приходят в менее сильные колебания, — получается более слабый звук, чем при большей плотности сближения голосовых связок. Таким образом, изменения в высоте и силе голосового тона зависят от различных установок голосовой щели (так называется щель между голосовыми связками).

Как различия в высоте голосового тона, так и различия в силе выдыха, от которой зависит амплитуда колебаний голосовых связок, т. е. сила голосового тона, употребляются в различных языках для дифференциации звукового состава слов по моменту ударяемости (или акцентуационному[1] моменту). Ударение, основанное на относительной высоте голосового тона (т. е. частоте колебаний голосовых связок) называется музыкальным ударением (или музыкальной акцентуацией). А ударение, основанное на относительной силе выдыха, — силовым или экспираторным (от лат. expīrātio «выдых») ударением; см. ниже § 33.

При инструментальном исследовании явлений, как музыкального, так и силового — экспираторного ударения (поскольку от последнего, т. е. силы выдыха, зависит и сила голосового тона) можно пользоваться как раз вышеуказанным методом регистрации частоты и амплитуды колебаний голосовых связок (посредством кимографа[2] и гортанной капсюлы).

---

[1] «Ударение» — по латыни accentus (буквальный латинский перевод греч. Προσ-ῳδία «напев» — по лат. *ad-cantos → accentus), откуда производное — accentuātio, рус. «акцентуация» — «явления ударения, ударяемость, система ударяемости».

[2] По-французски cylindre enrégistreur (т. е. «цилиндр-записыватель»).

Экскурс. Приведу несколько данных, добытых посредством этого инструментального эксперимента, по исследованию музыкального ударения в японских говорах — из моих работ: 1) «Музыкальное ударение в говоре Токио» (ИРАН 1915) и 2) «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами I. Говор дер. Мие префектуры Нагасаки».

1-й пример: Регистрация последовательного изменения высоты голосового тона в двух принципиально различающихся акцентуационных типах «односложных двухморных» (т.-е. состоящих из 1 долгого слога) слов в Токиоском говоре.

Запись производилась (на кимографе Кабинета Экспериментальной Фонетики Петерб. Ун-та) при точно известной скорости вращения цилиндра, что дает возможность установить и абсолютную высоту голосового тона — в музыкальных нотах. Расшифровка в кривых — для трех пар слов, различавшихся (в каждой паре) одно от другого только принадлежностью к разным акцентуационным типам, — именно слов:

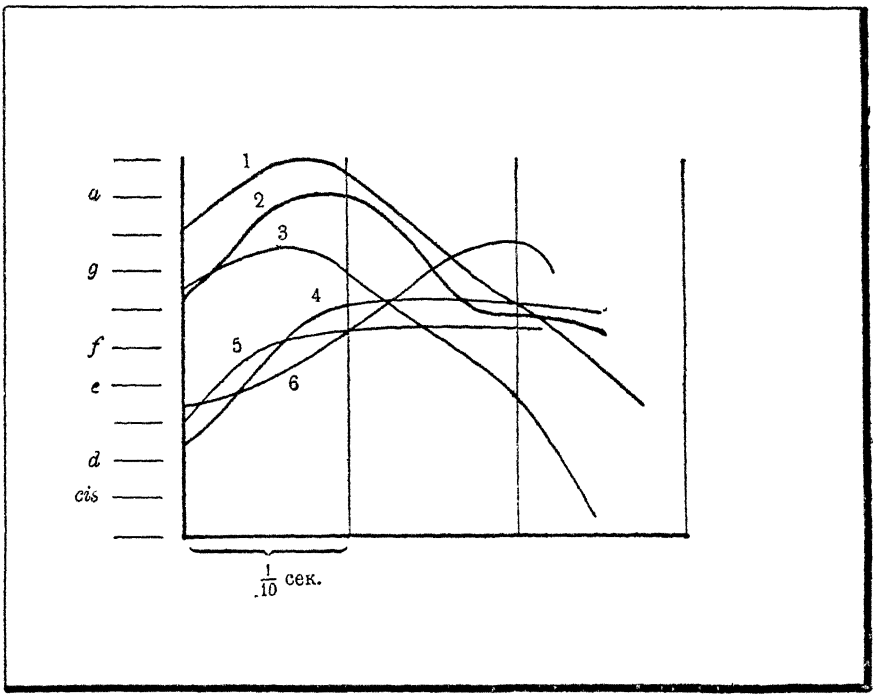
1. ˈoŋ 恩 «милость»
2. ˈsai 妻 «жена»
3. ˈho: 頬 «щека»
4. o͞ŋ 音 «звук»
5. ho͞: 法 «закон»
6. sai͞ 菜 «овощи, закуска»

дала следующий результат (см. рис. стр. 71):

2-й пример: Иллюстрация двух типов музыкальной акцентуации (баритонных и окситонных слов) в говоре деревни Мие 三重 Нагасакской префектуры — в подсчетах кривых голосового тона, записанных на кимографе.

Каждое слово, в данном говоре, принадлежит к одному из двух возможных для данного числа слогов типов музыкальной акцентуации. При этом один ряд акцентуаций — начиная с односложных и кончая очень многосложными комплексами, противополагается другому, как нечто однородное, имеющее одинаковый принцип, что играет первостепенную роль при морфологических изменениях слов. Именно, слово, принадлежащее к тому из этих

типов, который характеризуется *понижением* голосового тона *к концу слова* и который мы поэтому будем называть баритонным типом, образует и производные формы (склонения, спряжения и т. д.), также принадлежащие к словам баритонного типа (т.-е. с понижением голосового тона к исходу слова). И на-



оборот, если слово принадлежит к типу, характеризующемуся противоположным признаком — *повышением* голосового тона *к концу слова* и потому называемому нами окситонным типом, то словами окситонного типа будут и производные формы от данного слова. Например:

А) Баритонные слова (и формы):

[Баритонный характер слова мы будем обозначать знаком $_{\text{L}}$ перед последней морой слова: например $_{\text{L}}$ha, ha$_{\text{L}}$na, ka$_{\text{L}}$u, hana$_{\text{L}}$:, han′a$_{\text{L}}$:].

日 ˩çi «солнце, день»	鼻 ha˩na «нос»
Nominativ.-Genitiv. çi˩ga, çi˩no	hana˩ga
Subjectivus çi˩wa	hana˩:
Dativus-Locativ. çi˩:	han′a˩:
Instrumentalis çi:˩re	han′a:˩re
Ablativus çika˩ra	hanaka˩ra
買ッ ka˩u «покупает» (Praesens)	着ル ki˩: «одевает» (Praesens)
Praeteritum ko:˩ta	ki˩ta
Negativ. kawa˩ɳ	ki˩ɳ, kira˩ɳ
Praeteritum Negativi kawaźa˩tta	kiraźa˩tta
Progressiv. k′a:jo˩i	kijo˩i
Perfectiv. ko:ćo˩i	kićo˩i
Linquitativ. ko:ćo˩ku	kićo˩ku
Praeter. Progress. k′a:jo˩tta	kijo˩tta
Praeter. Perfectivi ko:ćo˩tta	kićo˩tta
Praeter. Linquitativi ko:te:˩ta	kite:˩ta

и например еще

Accusativ. от Particip. (просубстантивного) Praeter. Linquitativi ko:te:tato˩ba [«того, который закупил» = «закупившего»]	kite:tato˩ba

B) Окситонные слова (и формы):

[Окситонный характер слова обозначается знаком ˩ перед его последней морой: ˩ha, ha˩na, a˩i, hana˩:, han′a˩:].

火 ˩çi «огонь»	花 ha˩na «цветок»
Nomin.-Genit. çi˩ga	hana˩ga, hana˩no
Subjectiv. çi˩wa	hana˩:
Dativ.-Loc. çi˩:	han′a˩:
Instrument. çi:˩re	han′a:˩re
Ablativ. çika˩ra	hanaka˩ra
и т. д.	и т. д.

飲ム no⌜mu «пьет» (Praesens)	切ル ki⌜: «режет» (Praesens).
Praeteritum nu:⌜ra	ki⌜tta
Negativ. noma⌜ɳ	kira⌜ɳ
Praet. Neg. nomaźa⌜tta	kiraźa⌜tta
Progress. nomijo⌜i	ki:jo⌜i
Perfectiv. nu:źo⌜ı	kitćo⌜i
Linquitativ. nu:źo⌜ku	kitćo⌜ku
Praet. Progressivi nomijo⌜tta	ki:jo⌜tta
Praet. Perfectivi nu:źo⌜tta	kitćo⌜tta
Praeser. Linquitativi nu:re:⌜ta	kitte:⌜ta
и Accus. от соответствующего причастия nu:re:tato⌜ba «напившегося»	kitte:tato⌜ba «нарезавшего».

То же постоянство мелодического типа основы сохраняется и в прочих морфологических ее осложнениях,[1] а также и в Compositis, имеющих первой своей частью данную основу: например t^{ε}a:⌜ko «барабан» — t^{ε}a:kotata⌜ki «барабанщик», ha⌞na «нос» — hanaku⌞so «сопли». [Тип акцентуации 2-й части Compositi не имеет никакого значения для акцентуации этого Compositi, хотя он тотчас же выделяется при разложении Compositi: например gumino⌜ha или gumi⌜no ⌞ha «лист растения Гуми». При этом Composita (зависящие в своей акцентуации только от 1-й части) могут быть очень длинными: например ka⌜ra «Китай» — karaɳ-kuninotatemonnogo⌜to «на подобие здания китайской страны»].

Для выяснения физической стороны этой акцентуационной системы мне служили (— кроме собственного моего слуха и самонаблюдения объекта изучения — гр. Токунага) кривые голосового тона, записанные посредством гортанной капсюлы на кимографе в Психологической Лаборатории при Токиоском Имперском Университете. В приводимых ниже подсчетах кривых я пользуюсь

[1] Некоторые исключения из этого закона указаны в «Психофонетических наблюдениях над яп. диалектами I».

следующим упрощенным методом дешифровки: отмечаю в десятых долях миллиметра длину периода кривой голосового тона; но это не длина каждого отдельного периода, а арифметическое среднее для нескольких рядом стоящих периодов, число каковых я каждый раз отмечаю в виде коэффициента перед данным числом. Таким образом 5.14 следует понимать как то, что пять рядом находящихся периодов заняли в общем $5 \times 14 = 70$ десятых $= 7.0$ mm., но эта сумма могла составиться, например из $13 + 13 + 14 + 15 + 15$, а может быть и иначе. В скобках [ ], после числа, означающего среднюю длину периода, я отмечаю — также в десятых долях mm. — амплитуду волны в последнем из данных периодов. Следовательно, если подсчет кривой начинается с цифр 5.15 [10], 7.15 [25], ..., то это значит, что амплитуда у 5-го периода была 1.0 mm., а у 12-го — 2.5 mm. (средняя же длина периода — 1.5 mm.).[1]

Числа, выражающие среднюю длину периодов, дают представление об относительной высоте голосового тона, т. е. о движении высоты в слове (при большей длине периода тон ниже; при вдвое большей, чем данная, тон ниже на октаву); но к сожалению я не могу указать абсолютную высоту, так как скорость была отмечаема только для некоторых вращений цилиндра и была неодинакова при других.

Числа, выражающие амплитуду, могут дать некоторое представление об изменениях силы голосового тона (ибо при одинаковой высоте тона бóльшая амплитуда соответствует бóльшей силе

---

[1] Надо заметить, что амплитуда первого и последнего периодов какого-либо звонкого отрезка бывает всегда очень мала (ведь эти периоды граничат с прямой линией, которая соответствует глухим элементам — спокойному состоянию голосовых связок). Поэтому в конечной группе периодов (где амплитуда падает до нуля) я цифры для амплитуды (в скобках [ ]) не ставлю. А в части подсчетов я заменяю многоточием конечную группу периодов, на протяжении которой амплитуда (соответствующая силе звука) замирает, а длина периодов крайне быстро увеличивается (что соответствует сильному понижению тона, но уже настолько слабого, что в слуховом восприятии он уже не играет роли).

звука), хотя надо иметь в виду, что при понижении тона амплитуда может увеличиваться и без прироста силы. Там, где ясно выделяется один период по наибольшей для всей рассматриваемой кривой амплитуде, я пишу: max., например 7.14 [45 max.]; это значит, что амплитуда последнего из данных семи периодов оказывается максимальной для всего данного звонкого отрезка и равна 4.5 mm. Как субъективные, так и объективные показания заставляют полагать, что физическая разница между баритонными и окситонными словами состоит в различии направлений в изменении высоты в конце слова: баритонным присуще понижение, а окситонным — повышение в конце слова.

Но эта общая характеристика обоих типов допускает целый ряд различных физических субститутов каждого типа в зависимости от числа слогов, от склонности к выпадению известных гласных (i, u) и прочих условий, в связи с чем изменяется и понятие «конца слова», внутри которого происходит характерное для данного типа понижение или повышение.

А) Баритонные слова.

А) 1. Баритонные одноморные слова (из 1 краткого слога).

Понижение происходит внутри гласного данного (единственного) слога. Очень часто к этому присоединяется еще силовая двухвершинность, т. е. ослабление (иногда почти перерыв) дрожания голосовых связок внутри гласного.

Изменение высоты легко улавливается на слух, в особенности же при громком и старательном произношении, когда у произносящего имеется желание подчеркнуть данную особенность, например поправляя иностранца.

Объективные (инструментальные) данные подтверждают слуховое впечатление. Приведу (для баритонных одноморных) подсчеты 5 кривых (из рассмотренных 13-ти; разумеется понижение констатировано и в прочих восьми).

[па «имя»: 3.19 [10], 3.18⅓ [21], 4.17½ [32], 2.16½ [39 max.], 4.15½ [35], 4.15¼ [32], 4.15 [30], 4.15 [30], 4.15¼ [25], 4.15¼ [23], 2.15¼ [21], 9.16 [24], 4.16¼ [26],

4.16¼ [28], 3.16⅔ [28], 4.17½ [31], 4.18 [32], 4.18¾ [30], 3.20 [26], 2.22 [18], 2.24 [7]...

˩ne «цена»: 5.18 [5], 5.17½ [8], 4.17 [12], 4.16¼ [21], 4.16¼ [23], 5.16 [29], 3.15⅓ [30], 4.15¼ [30], 4.15 [32], 8.15 [32], 4.14¾ [31], 4.15 [31], 4.15 [30], 4.15¼ [31], 4.16¼ [32], 3.16⅔ [30], 4.18 [31], 2.20 [25], 4.22½ [13], 3.27 [10]...

˩ha «лист»:[1] 4.12¼ [19], 2.12½ [30 max.], 5.12 [20], 4.11¼ [18], 7.11⅜ [13], 3.12 [3], затем следует на продолжении 170 (17.0 mm.) ряд периодов с чрезвычайно малой амплитудой, после чего: 5.12 [3], 7.12⅚ [5], 3.13⅓ [8], 3.14⅓ [12], 3.15⅔ [5], 4.17½ [4]...

˩çi «солнце»: 2.16 [35], 3.15⅔ [36], 3.15 [36], 2.14½ [31], 3.14 [25], 3.14 [26], 4.13¾ [25], 3.13⅔ [26], 3.14 [27], 3.13⅔ [25], 3.14 [28], 4.41½ [29], 3.14⅔ [28], 4.14¾ [28], 3.15 [30], 4.15½ [30], 4.16¼ [31], 3.16⅔ [31], 3.17⅓ [32], 4.18¾ [31], 2.20 [28], 2.21½ [20], 1.23 [15]...

˩je «рукоятка»[2] 柄: 4.17½ [8], 2.17½ [9], 3.16 [15], 3.15 [24 max.], 2.15 [21], 3.14⅓ [19], 2.15 [13], 2.14 [8], затем следует ряд периодов с крайне малой амплитудой на протяжении 500 (50.0 mm.), после чего: 2.15 [7], 3.16⅔ [9], 2.17 [8], 2.20 [8], 2.21 [7]...

Имеющиеся у меня кривые слов ˩ke «волос», ˩i «желудок», как и приведенные выше подсчеты слов ˩je 柄 ˩ha 葉, заставляют считать силовую двухвершинность несомненной для некоторых случаев произношения окситонных одноморных, так как полное почти замирание амплитуды (почти прямая линия) посредине гласного звука тут не может быть истолковано, как следствие повышения тона в начале гласного — перед следующим понижением.

---

[1] Слова «лист» и «зуб» (ha) различаются в Нагасаки и в Токио (и в Рюк. по согласному: ɸa: и ha:), но совпадают в Тоса и в Киото.

[2] В Киото ⌜e:⌝, Тоса e (Nom. ⌜ega⌝), Токио ˩e (e͡ŋa). Начальное *e дает в Нагасаки je (поэтому, напр. *we «картина» → *e → Наг. ⌜je и совпадает с Наг. ⌜je ← *i(p)e «дом»).

Примечание. Историческое объяснение этого факультативного явления (— силовой двухвершинности гласного в одноморных баритонных) для меня неясно. Во всяком случае причина его вовсе не связана с теми именно словами, записи которых обнаруживают двухвершинность по моим подсчетам: ясно, что это — уже общая (но притом факультативная) черта всего типового представления баритонных одноморных. Можно только указать, что большинство японских одноморных основ можно возводить к древним двухсложным основам, а потому, может быть, эта силовая двухвершинность — и есть пережиток давнишней (праязыковой) двусложности данного количественного основ, — пережиток, который по тем или другим причинам обнаруживается (факультативно) именно в *баритонных* односложных.

А) 2. Односложные двухморные.

Односложные баритонные из долгих слогов характеризуются также нисходящей мелодией внутри гласной или дифтонга. На слух они отличаются от ударенных на первом элементе токиоских долгих слогов (например Токиоск. ⌜ho: 頬 «щека», ⌜oɳ 恩 «милость») тем, что в Нагасакских (— в данном говоре дер. Мие) баритонных нет обязательного силового выделения первого элемента в ущерб второму, которое имеет место в данных Токиоских словах.

juL: «говорит» (Praesens: *⌜ip-u⌝): 4.19½ [13], 4.18½ [19], 3.17 [23 max.], 4.16¼ [20], 7.15 [13], 6.14⅙ [7], 5.13⅘ [5], 7.13⅘ [3], 6.13½ [4], 7.13⅘ [4], 4.13¾ [4], 5.14 [3], 7.14⅘ [3], 4.15½ [4], 7.15⅗ [9], 7.17⅐ [12], 6.18½ [16], 5.21 [14], 4.25 [8], 3.28⅓ [8], 3.34.

oLɳ «звук» (кит. заимствование: 音): 7.14⅘ [3], 6.15 [4], 7.14⅖ [5], 5.14 [5], 8.13¾ [5], 8.12½ [5], 8.14⅜ [7], 6.15 [9], 7.15⅘ [20], 3.15⅔ [24], 5.16⅘ [34], 3.19 [42 max.], 5.20⅕ [38], 4.22½ [26], 4.21 [8], 3.30.

А) 3. Двусложные баритонные:

Двусложные баритонные слова осуществляют принцип *баритонности* по разному. В большинстве случаев имеется падение

тона внутри гласного последнего слога, аналогичное с падением тона в односложных. Это движение высоты в конечном слоге необыкновенно ясно слышится, когда произносящему приходится давать идеальное (с наибольшим выяснением типических особенностей) произношение данного слова, например обучая меня различению слов ha$_{\text{L}}$na «нос» и ha^{r}na «цветок». Это слуховое впечатление подтверждается и кривыми (у меня не было ни одной кривой для двусложных и многосложных баритонных, где был бы намек на повышение тона внутри последнего слога), например:

o$_{\text{L}}$tta Praeteritum от o$_{\text{L}}$i (←*woru; Тоса ^{r}o$_{\text{L}}$ru) — «был»:

Гласный o: 4.17½ [8], 5.16 [12], 5.14 [15], 4.15 [22], 3.14⅓ [23], 6.14⅙ [21], 4.13¾ [19], 8.11⅝ [18], 7.14⅐ [17], 3.19 [10], 3.20.

Далее следует прямая на протяжении 1350 (t: = tt).

Гласный a: 5.13⅘ [20], 5.14 [27], 6.15 [25], 4.15 [25], 5.16 [24], 4.16¼ [25], 5.16⅖ [22], 5.17 [21], 4.17½ [21], 5.18⅕ [18], 5.19⅗ [16], 4.21¼ [17], 4.23¾ [12], 3.26 [10], 3.28⅓ [7], 3.31⅔ [3], 3.35.[1]

Вопрос об ударяемости первого или второго слога в двусложных словах для данного говора не может быть ставимым так, как насчет русского (где ударение силовое) или же японского токиоского (где ударение музыкальное), где один слог с полной определенностью выделяется, как ударенный, из ряда прочих. В данном же говоре (— дер. Мие, как впрочем и других Нагасакских) *первый слог* двусложных баритонных несмотря на то, что в большинстве случаев maximum высоты приходится именно

---

[1] Колоссальность падения тона может показаться сомнительной. Но на самом деле — это вовсе не редкость (в кривых, запечатлевших нисходящую мелодию гол. тона) именно на конце кривых, при сильном уменьшении амплитуды (что указывает на то, что это колоссальное падение тона *уже не слышно*). Сравни аналогичное наблюдение А. П. Абель — «Об акцентуации ударенных простых гласных в латышском яз.» в «Изв. Отд. р. яз. и сл. А. Н.» 1915 т. XX кн. 2 стр. 188: «Среди моих записей оказалось несколько кривых, в которых с уменьшением амплитуды длина периодов увеличивается раза в 3 и даже 4 против минимальной, так что по свидетельству этих кривых тон падает на 4 октавы(?)».

внутри него (а не внутри первой части гласного второго слога),[1] *не может быть назван ударенным в обычном смысле слова* уже потому, что гласный этого (первого) слога способен превращаться в глухой [тогда как в Токио гласный ударенного слога глухим не бывает — см. «Муз. уд. в гов. Токио» Изв. Ак. Н. 1915, стр. 1620]. Примером такого оглушения гласного в первом слоге двусложного баритонного слова может служить кривая слова ki⌞ta «север», на которой вышло только а (тогда как [kit̥] — без дрожания голосовых связок), давшее следующие цифры (амплитуды не отмечаю):

3.15, 3.16⅔, 4.17½.....

Однако, как это ни странно на первый взгляд, понижение гол. тона внутри последнего гласного, — момент видимо имеющий крупное психическое значение, в некоторых случаях может в баритонных словах отсутствовать, так как крайне часто гласный последнего слога может в словах этого типа [в противоположность окситонным] превращаться в глухой и даже исчезать (см. ниже об условиях падения i и u). Так например произношение слова ha⌞śi «мост» в виде haś является наиболее обычным и [i] произносится (конечно, с понижением от начала к концу гласного) только при особо отчетливой фонации. При таких произношениях, как [haś] мелодия гласного первого слога ([a]) не играет существенной роли и никак не может быть приравниваема к понижению внутри последнего слога, наблюдаемому при звонкости конечного гласного. Таким образом, характерное для баритонного типа «понижение к концу слова» в таких произношениях как [haś] не осуществляется, оставаясь только в намерении и не переходя в исполнение. Тем не менее принадлежность слова, произносимого в виде [haś], к типу баритонному — несомненна, ибо в словах окситонных (например ha⌜śi «палочки для еды» 箸)[2] гласный последнего слога не может переходить в глухой или исчезать.

---

[1] Хотя у меня есть кривые, где maximum высоты первого слога (баритонных слов) приблизительно равен maximum'у высоты первой части второго слога.

[2] В Токио 箸 — ⌜haśi [⌜haś], в Киото ha⌜śi, в Тоса ha⌜sːi.

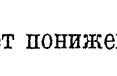
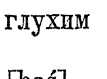
Иначе говоря, конечный слог баритонного двусложного слова характеризуется понижением внутри гласного, чередующимся с нулем звонкости, что противополагается мелодии последнего слога окситонного двусложного слова, которая не способна чередоваться с нулем звонкости.

Итак, в итоге оказываются возможными 3 физических разновидности (три физических типа) двусложных слов (психически единого) баритонного типа:

1) Идеальный физический тип: со звонкими гласными в обоих слогах и с понижением внутри второго слога.

2) Физический тип приведенной выше записи слова kita «север», с нулем звонкости в первом слоге и понижением внутри второго.

3) Физический тип [haś], с нулем звонкости во втором слоге.

Но точно определенных норм тут не существует: 1) факультативно всякое двусложное баритонное слово может иметь произношение первого физического типа (идеального); 2) некоторые слова факультативно могут иметь, как произношение второго, так и произношение третьего физического типа. Например слово ki˩ku «слушает» (Praesens: *˥kik-u˥) может быть произнесено или по физическому типу ki˩ta с глухим [i̯] и звонким [u], внутри которого будет понижение гол. тона ([u ]), или наоборот по физ. типу [haś]: в виде [kiku̯],[1] т. е. с глухим u и со звонким i. Не невозможно также и произношение ha˩śi «мост» по второму физ. типу: с глухим [a̯] и звонким [i ]; но оно реже, чем произношение [haś].

---

[1] В ki˩ku гласный u становится глухим ([u̯]), а в слове ha˩śi [i] вовсе выпадает — потому, что позиция узких кратких гласных i u после спиранта (здесь [ś]) [или же также после аффрикаты] является условием, благоприятствующим их полному падению (при наличии и других моментов: соседства с глухими согласными, или — как здесь — конечной позиции, после глухого согласного и при том в баритонном именно слове).

А 4) Более чем двусложные слова баритонного типа.

Останавливаться на них мне не позволяет место и я ограничусь лишь общим выводом, что падение мелодии гол. тона происходит в течение трех последних мор[1] слова, какой бы длины оно ни было.

В трехсложных из кратких слогов maximum высоты может приходиться и на первый и на второй слог (что киотосцу напоминает его тип ˊˊ ˋ ˊ ˌmameˈˌna [«здоровый»]). В баритонных четырех- и более-сложных словах (а также в трехсложных, последний слог которых долог) maximum высоты приходится на слог третий с конца (в случае его долготы — на его вторую мору), если два последних слога кратки, и на слог предпоследний (в случае его долготы на его вторую мору), если последний слог слова долог. Но самонаблюдение произносящего далеко не сразу определяет место повышения: киосцу гораздо легче бывает указать, что повышение находится где-то ближе к началу слова (а не на конце слова, как в окситонных словах), чем точно определить его место; и этого указания ведь вполне собственно достаточно с точки зрения существующей в языке дифференциации слов: им исчерпываются все существующие в данном говоре мелодические различия (кроме стоящих на особом положении эмфатических вариаций мелодии — см. ниже, в конце экскурса).

Б) Окситонные слова.

Б) 1. Окситонные одноморные характеризуются движением высоты, обратным тому, которое имеется в баритонных, т.-е. повышением от начала к концу слога.

В приводимых подсчетах видно, правда, кроме повышения тона, и его дальнейшее понижение — на самом конце гласного, при значительно уменьшившейся амплитуде, но ему (именно в виду малой амплитуды) нельзя приписывать акустического значения.

ˈne «корень» 根: 5.20 [10], 3.18⅔ [22], 4.17½ [37], 6.15 [45 max.], 6.14⅙ [37], 4.13¾ [35], 4.13¾ [30], 7.13⅐

[1] Морой считается краткий слог или половина долгого.

[24], 7.13$^{4}/_{7}$ [23], 7.13$^{4}/_{7}$ [21], 4.13$^{3}/_{4}$ [20], 5.14 [20], 6.14$^{1}/_{6}$ [20], 5.14$^{3}/_{5}$ [20], 8.15 [20], 4,16$^{1}/_{4}$ [20], 6.17$^{1}/_{2}$ [20], 2.17$^{1}/_{2}$ [18], 5.19.

ˈni «два» (кит. Го-он'ное заимствование: Киот. niˈ: Токио ˈni): 3.15$^{2}/_{3}$ [14], 7.15$^{2}/_{7}$ [29], 4.14$^{1}/_{4}$ [36 max.], 9.13 [35], 9.12$^{2}/_{9}$ [30], 9.11$^{2}/_{3}$ [25], 8.11$^{7}/_{8}$ [23], 8.11$^{7}/_{8}$ [23], 9.12 [20], 9.12$^{4}/_{9}$ [19], 9.12$^{7}/_{9}$ [17], 8.13$^{3}/_{4}$ [11], 6.14$^{5}/_{5}$ [6], 6.15$^{1}/_{3}$.

ˈha «зуб» 齒: 3.15$^{2}/_{3}$ [11], 2.15 [28 max.], 5.14 [19], 6.13$^{1}/_{2}$ [17], 7.12$^{6}/_{7}$ [13], 8.12$^{1}/_{2}$ [10], 8.12$^{1}/_{2}$ [9], 4.12$^{1}/_{2}$ [9], 7.12$^{6}/_{7}$ [8], 7.12$^{6}/_{7}$ [4], 5.14 [3], 6.14$^{1}/_{6}$.

ˈçi «огонь» 火: 2.19 [30], 1.16 [37 max.]. 4.15 [34], 6.14$^{1}/_{6}$ [24], 4.13$^{3}/_{4}$ [20], 4.13$^{3}/_{4}$ [20], 4.13$^{3}/_{4}$ [18], 8.13$^{3}/_{4}$ [17], 7.14$^{2}/_{7}$ [14], 6.14$^{2}/_{3}$ [16], 6.15 [14], 7.15$^{5}/_{7}$ [16], 6.16$^{1}/_{3}$ [19], 5.17$^{4}/_{5}$ [11], 3.18$^{1}/_{3}$.

ˈje «картина»[1] 繪 (*wĕ, Киото eˈ:, Тоса eˈ:, Токио ˈe): 3.18$^{1}/_{3}$ [9], 3.18$^{1}/_{3}$ [13], 3.16$^{2}/_{3}$ [24], 4.15 [34 max.], 5.14 [25], 4.13$^{3}/_{4}$ [22], 4.13$^{3}/_{4}$ [22], 7.13$^{4}/_{7}$ [18], 4.13$^{3}/_{4}$ [17], 6.13$^{1}/_{3}$ [12], 6.13$^{1}/_{3}$ [8], 6.13$^{1}/_{3}$ [7], 6.13$^{1}/_{3}$ [5], 5.14 [5], 5.14 [5], 4.15 [5], 6.15$^{5}/_{6}$ [5]...

Б) 2. Окситонные односложные из долгого слога:

juˈ: «хорошо» (*jo-ku, Adverb. от jo-ˈka «хороший»): 5.20 [17], 4.18$^{1}/_{2}$ [25], 3.17 [31], 2.16 [35 max.], 3.16$^{1}/_{3}$ [27], 4.15 [13], 4.14$^{1}/_{2}$ [10], 8.13$^{3}/_{4}$ [3], 4.14$^{1}/_{4}$.

oˈŋ «милость» 恩 (кит. заимствование): 5.17$^{1}/_{5}$ [14], 3.16$^{2}/_{3}$ [20], 4.15$^{3}/_{4}$ [27], 4.15 [28 max.], 7.13$^{6}/_{7}$ [22], 6.13$^{1}/_{3}$ [22], 6.13$^{1}/_{3}$ [18], 6.13$^{1}/_{3}$ [18], 6.13$^{1}/_{3}$ [18], 6.13$^{1}/_{3}$ [17], 7.13$^{5}/_{7}$ [17], 6.14$^{1}/_{6}$ [16], 6.14 [12], 6.14$^{1}/_{6}$ [10], 7.14$^{2}/_{7}$ [8], 6.15 [7], 6.15$^{5}/_{6}$ [6], 6.16$^{2}/_{3}$ [4], 3.16$^{2}/_{3}$.

Б) 3. Многосложные окситонные слова.

Общий признак — повышение к концу слова может выражаться и в относительной высоте последнего слога (по сравнению

---

[1] Это Го-он, как и e 會 — из *γwai (Пекинск. «хуй»).

с предшествующими) и в поднятии тона *внутри* последнего слога[1] (не в счет незначительное понижение к самому концу этого гласного при снизившейся уже амплитуде).

Приведу цифры для u⌜su «ступка»:

1-ое [u]: 5.20 [4], 5.18 [7], 3.16$^2/_3$ [12], 4.15 [29], 2.14$^1/_2$ [34 max.], 6.13$^5/_6$ [30], 6.14$^2/_3$ [25], 2.17 [11], 4.18$^3/_4$.

[s] — прямая на протяжении 400.

2-ое [u]: 8.15 [2], 7.14$^2/_7$ [2], 7.12$^6/_7$ [2], 6.13$^1/_3$ [2], 9.12$^7/_9$ [2], 9.13$^1/_9$ [2], 9.13$^1/_3$ [4], 9.13 [6], 7.12$^6/_7$ [10], 5.13 [10], 8.13$^1/_8$ [9], 5.13$^1/_5$ [4].....

Одним из отличий окситонного типа от баритонного является, как сказано выше, устойчивость конечного гласного. Его выпадение в двусложном окситонном совершенно недопустимо. И те крайне редкие случаи нуля вместо конечного u в четырех- и более-сложных окситонных словах, оканчивающихся на s(u) которые я наблюдал в произношении г. Токунага, — явление исключительное и, может быть, даже наносное: это — формы на суффикс -mas(u), которые говору д. Мие (как и суффикс -des(u)) чужды и проникают в него (при вежливой речи) только благодаря влиянию разговорной «койнэ» (т. е. Токиоского), и то сравнительно весьма редко. Во всяком случае это явление интересно, как использование нового признака окситонного типа для его, различения от баритонного: arima⌜su,[2] произнесенное как [arimas], отличается от orima⌞su, произнесенного как [orimas], по мелодии тем, что в первом повышение приходится на ⌜ma], а во втором на [ri].

Примечание. Я не касаюсь здесь эмфатического перемещения повышения в окситонных словах — с последней на предпоследнюю мору (что составляет обычную мелодию Императивов:

---

[1] Особенно хорошо эта элевация тона внутри последнего слога слышна при намеренном подчеркивании признаков окситонного типа, напр. при противоположении слов ha⌜na 花 и ha⌞na 鼻.

[2] Если бы это были не новейшие заимствования из койнэ, а туземного развития формы, мы имели бы aimasu, oimasu (с переходом *ri → *r′ → j).

например k^{w}i:naha^{r}re$_{\llcorner}$: — вежливый Императив от ku^{r}: «есть», o^{r}ki$_{\llcorner}$re — Императив oki^{r}: «встает», и вокативных предложений: например mi^{r}cu$_{\llcorner}$je — от женск. имени micu^{r}je, an^{r}ra$_{\llcorner}$: — «Анра!», ласкательно-уменьшительное от мужск. имени ara^{r}ta 新).

---

§ 19. Кроме создания различных оттенков (по высоте и силе) голосового тона, т.-е. ударяемости (музыкальной и силовой), от различного положения голосовых связок зависит еще целый ряд различий между звуками языка: именно, 1) работы гортани (и в частности особые уклады голосовых связок) образуют сами по себе звуки, причисляемые поэтому к категории *гортанных*; 2) особые работы гортани (и голосовых связок), присоединяясь к другим (ртовым) работам, дифференцируют ряды звуков иного (не гортанного, а ртового) образования.

§ 20. Та часть голосовой щели, которая находится между голосовыми связками, называется голосовой щелью в узком смысле слова или междусвязочной или связочной щелью, а та часть, которая находится между черпаловидными хрящиками, называется междухрящевой или хрящевой щелью. При шепоте бывает открыта междухрящевая щель, а междусвязочная закрыта; таким образом, выход воздуха из гортани происходит, но дрожание голосовых связок отсутствует.

При так называемом фальцете (фистуле) междухрящевая щель закрыта, и колеблется только средняя часть голосовых связок (открыта только часть междусвязочной щели). Можно закрыть как междусвязочную, так и междухрящевую щель, т. е. совершенно прекратить выход воздуха из гортани смычкой голосовых связок. Если такая смычка голосовых связок имеется перед началом какого-нибудь гласного, то он начинается с легко заметного на слух взрыва этой смычки (в фонетическом алфавите обозначением этого гортанного взрывного служит ʔ). В немецком языке такой взрыв сомкнутых голосовых связок обычен перед начальными гласными, например diese alte Eiche [di:zə

ˀaltə ˀaiçə], die innere und äussere Einrichtung [di ˀinərə ˀunt ˀɔisərə ˀainriçtuŋ]; возможен он также внутри сложных слов при известной самостоятельности второй (начинающейся с гласного) части такого сложного слова, напр., в Erinnerung [ˀerˀinərun].

В ряде же других языков этот гортанный (смычный) и взрывный согласный ([ˀ], по французски coup de glotte, по немецки Stimmbänderverschluss) играет роль самостоятельного согласного звукопредставления [т. е. может дифференцировать слова на таких же правах, как, напр., звук t, или звук k дифференцируют русские слова: *тон* от *он*, *школ* [škoĭ] от *шёл* [šoĭ] и т. п.]. Это имеет место, например, в Касимовском диалекте татарского языка, в арабском языке (как и в обще-семитическом праязыке), в финском (Suomi), латышском (а также — очевидно под влиянием латышского — в ливском), в датском, в некоторых китайских диалектах (— именно в диалектах, сохранивших, так называемый, «5-й тон» — 入 聲, который является ничем иным, как [ˀ] на конце слога), в тибетском, в тагальском, а также в некоторых кавказских языках, напр., в чеченском (где данный гортанный взрывный имеет даже два варианта — см. ниже):

1) Касимовский диалект татарского языка отличается, в фонетическом отношении, от др. тат. говоров прежде всего именно регулярной (почти без исключений) заменой всех заднеязычных согласных — k, g, q, x (точнее Ҳ), Ƅ (= ɔ̈), ŋ — через [ˀ] в любой позиции в слове. При этом, так как особенно частыми в словарном материале были звуки k, q, то большинство случаев Касимовского [ˀ] падает именно на случаи k → ˀ, q → ˀ. Например ˀaĭ «останься!» — из *qaĭ قال (отличается только наличием [ˀ] от aĭ «возьми!»),[1] ˀil ← *kel (тат. kil كيل) «приди!», ˀшĭaˀ ← *quĭaq (ср. узб. Ташк. quloq قولاق) «ухо», ˀшrˀ ← *qшrq (ср. узб. Ташк. qirq قرق) «40», хаĭˀ или хаĭшˀ ← ар. خالق «народ» [сохра-

[1] Гласный [a] в начале [aĭ] «возьми» начинается уже с раскрытой голосовой щели, [ˀa] в [ˀaĭ] «останься» — наоборот со смычки ее.

нение х ← в этом слове является исключением из закона о переходе заднеязычных в [ʔ] и объясняется, очевидно, влиянием письменности] и т. д. Пример на Ø (ع) → ʔ: alʔan ← آلغان «взявший», ʔalʔan ← قالغان «оставшийся»; сравн. ʔilʔin (*kel-gen ср. узб. kelgæn كيلگەن) «пришедший»; сравни itʔin ← *et-ken (ср. узб. -et-kæn ئېتكەن) прич. от вспомогат. глагола it-miʔ (*et-mek, — узб. ئېتمەك Ташк. -et-məq ئېتماق), ʔitʔin «ушедший» (← *ket-ken; узб. كېتكەن ketkæn): суффиксом прич. прош. является, таким образом, -ʔan/-ʔin. Спорадически [ʔ] появляется[1] и на месте других (не заднеязычных) согласных, напр., kumnaʔa-dan «из комнаты» (← рус. *комната* + -dan).

2) В арабском языке [ʔ] изображается знаком ʿ (так называемая «гамза» — по арабски هَمْزَة hamz-at-u-n, т. е. «сжатие», подразумевается: сжатие гортани), напр. اِبْنٌ ʔibnun [в классическом произношении и полном орфографическом написании], أَمْرٌ amrun «приказ», يَسْأَلُ jasʔalu «он спрашивает» (√sʔl سأل), قُرْآنٌ = قُرْآنٌ qurʔa:nun «Кор'ан» (√qrʔ قرأ), رَآهُ raʔa:hu «он его видел», صَحْرَاءُ ṣaHra:ʔu «пустыня». [Само собой разумеется, в обычном начертании начальная ʿ опускается (т. е. пишется امر вм. أَمْرٌ и т. п.), а в передаче [ʔa:] = آ через ~ знак ~ заменяет собою и ʿ и последующий ا. Таким образом начальный ا оказывается обозначением для [ʔa], [ʔi], [ʔu]; а ~ — нормальным обозначением [ʔa:]]. Как мы видим, [ʔ] может играть роль и первого, и второго, и третьего коренного согласного, т. е. с морфологической точки зрения является вполне нормальным согласным.

Впрочем необходимо заметить, что определение арабской *гамзы* как *глухого* гортанного смычного мы вправе относить лишь к позднейшей и современной эпохе, так как по показаниям арабских грамматиков в классическом ар. языке *гамза* причисляется

[1] При наличии особых (довольно сложных) условий, останавливаться на которых я здесь не буду.

к категории звонких согласных: см. «Ibn Jaʿîš, Commentar zu Zamachšarî's Mufaṣṣal», herausgegeben von Dr. G. Jahn, 2 B., 1886 г. — 1464,7 и 1465,8 (так как ʿ не входит в перечень глухих, она является звонкой — مجهور).

Примечания: 1) Из арабского языка [ʾ] проникает вместе с массой арабских заимствованных слов и в другие языки мусульманских народов, хотя часто это проникновение ограничивается только говорами интеллигенции, в частности мусульмански-образованной, изучавшей арабский язык. Так обстоит дело, напр., у узбеков и таджиков: образованные (особенно духовенство) произносят, напр., qurʾɔn, mæsʾælæ (узб. нов. орф. قورآن مەسئەله, тадж. قرآن مسئله), иллитераты же произносят qurɔn, mæsælæ. При этом ʾ произносится (или же выпускается) и в соответствии арабскому ع [Q] (т. е. ʾ и Q совпадают: или в ʾ, или же в нуле звука): šumʾæ или šumæ جومعه. Разумеется, особое звукопредставление [ʾ] имеет место (в произношении образованных узбеков и таджиков) только внутри и на конце слова (в šumʾæ, mæsʾælæ, qurʾɔn, mænʾ ← арабск. منع, šæmʾ ← جمع и т. п.), но не в начале слова.[1]

2) В сирийском диалекте арабского языка [ʾ] появляется также на месте прежнего q (ق), — ср. вышеописанное Касимовское явление (от которого, впрочем, здесь принципиальное отличие в том, что [ʾ] заменяет не всякий заднеязычный согласный, а только q). Впрочем это q → ʾ в некоторых говорах сир. диалекта (напр. на Ливане) отсутствует.

3) В финском (— Суоми; в эстонском [ʾ] уже отсутствует) [ʾ] встречается на конце слов, напр., annaʾ — «дай!» (эст. anna).

4) В латышском [ʾ] имеет специфические функции — участвуя

---

[1] Несмотря на то, что новая узбекская орфография регулярно употребляет начальное «немое ъ» (вместо ' в старой орфографии) перед гласной буквой: напр ئادام Ташк. ъадам (узб. стар. орф. и тадж. орф. آدم), ئات ot «лошадь» [тур. слово], ئيت et «мясо» [тур. слово], ئۈچ Ташк. uč «три», «лети!» [тур. слова] и т. д.

в системе акцентуационных различий, и специфическую позицию — внутри гласного (— долгого, оказывающегося благодаря [ʔ] прерывистым), напр. [ne͡ʔe] «нет», ta͡ʔas и т. д. (при этом долгие гласные с [ʔ], т. е. с «прерывистой долготой», противополагаются долгим гласным с восходящей или нисходящей мелодией; о происхождении лат. «прерывистой долготы» см. II часть — «Элементы сравнительной грамматики индо-европейских языков»).

5) Такое же [ʔ] внутри гласного встречается и в ливском языке, куда это фонетическое представление проникло, очевидно, из латышского (все ливы — двуязычны и окружены латышским населением). У Wiedemann'a (автора капитальной работы по ливской грамматике) эта «прерывистая долгота» не отмечается.

6) В датском [ʔ] — это так называемый «stød» (см. Jespersen «Lehrbuch der Phonetik»).

7) В китайском языке [ʔ] (при том, обычно, [ʔ] имплозивное, т. е. лишь с смыканием, но без взрыва гол. связок) на конце слога (после гласного, напр. в miʔ 蜜) имеется в тех диалектах (среднего и южного Китая), где конечные не-носовые смычные p t k уже исчезли, как таковые, заменившись именно гортанным смычным [ʔ].[1] Это и есть, так называемый, 5-й тон — 入 聲 (в Пекинском, Шаньдунском и др. северно-мандаринских уже исчезнувший).

8) В тибетском же языке [ʔ] в начале слога (перед гласным) выражается особой буквой (འ = ʔa в отличие от ཨ = a и ང = a ← *ŋa) и является с точки зрения фонетической системы VII века (эпохи изобретения алфавита Туми Самбода) особым, именно глухим гортанным смычным согласным; в новом же языке (с развитием высокого, среднего и низкого тонов гласных — в зависимости от категории, к которой принадлежал

---

[1] Чему в отдельных говорах предшествует конвергенция *t и *k между собой, следовательно *mit → mik и далее → miʔ (откуда в Пекинском, уже с утратой [ʔ], — mi').

предшествующий согласный) к этой характеристике присоединяется еще представление высокого голосового тона в следующем за [ʔ] гласном (— как и после всех древних «глухих непридыхательных смычных», напр. 𖨆 𖨅 и т. д.).[1] Аналогичное явление — образование делений тонов на низкие и высокие [上 平 и 下 平, 上 上 и 下 上, 上 去 и 下 去 聲][2] в зависимости от предшествовавших глухих (напр. *p, *t, *k... а также *ʔ) или звонких согласных (*b, *d и т. д.) имело место и в древне-китайском языке.

9) В тагальском (одном из малайских языков на о. Люцоне) [ʔ] встречается на конце слова — т. е. также как в финском или же в китайском 5-м тоне.

10) Наконец [ʔ] присуще консонантическим системам ряда (хотя далеко не всех) кавказских языков, из которых я остановлюсь, напр., на чеченском и даргинском, где имеются 2 особых звукопредставления (фонемы), являющихся вариантами [ʔ]: 1) нормальное глухое [ʔ], 2) соответствующий звонкий, т. е. звонкий гортанный смычный, который обыкновенно изображают в передаче чеченских слов через ар. ع — «айн»[3] [в «Грамматике даргинского языка» Л. Жиркова через ʕ],[4] почему я условно и буду называть данный тип звука — «чеченским айн'ом».

Примечание. Относительно гортанно-смычной работы в составе ртовых согласных (так называемых «гамзированных» согласных груз., мегрельского и др. кавказских языков) говорится отдельно — см. ниже.

---

[1] В отличие от низкого тона в а = 𖨂 или а = 𖨃 (← ŋa, напр. в Агван agwaŋ ← ŋag-dbaŋ букв «сильный голос»).

[2] Из которых только первая пара — да и то в совершенно видоизмененном физически виде — сохранилась в Пекинском (где 上 平 → ¯, 下 平 → ˊ) или в Мукденском (где в говоре Цзинь-чжоу-фу 上 平 → ˆ, 下 平 → ˊ).

[3] Несмотря на то, что в арабском ع [Q] является спирантом, а не смычным, см. § 23.

[4] Где данный звук трактуется совершенно правильно (— как звонкий *смычный*) и употребление для него видоизмененного знака ʕ есть не более, как транскрипционная условность.

Перечисленными примерами далеко не исчерпывается число языков, обладающих звукопредставлением [ʔ]. Это звукопредставление, в конце концов, оказывается не чуждым даже русскому языку, по крайней мере произношению уроженцев Прибалтики,[1] примером чего может служить мой собственный (Е. П.) индивидуальный говор. Именно, м. б. под влиянием немецкого языка, на котором я говорил в детстве, в словах с начальным гласным я нормально употребляю [ʔ]; когда же перед основой такого слова имеется согласный предлога (к, от и т. п.), гортанный смычный [ʔ] оказывается принципиальной границей между данным согласным и началом основы; получаются, таким образом, своего рода «гамзированные» согласные: [kʔac:u]=«к отцу», [atʔac:a] = «от отца» и т. д. В таких же случаях, как «в ад», «в атаманы», этот coup de glotte [ʔ], действуя как и прочие глухие согласные, оглушает собою (при медленном произношении, ибо в быстрой речи это [ʔ] я часто пропускаю) предшествующее v предлога (или «префикса»): [fʔat, fʔatamanш].

§ 21. Если же голосовая щель (как ее междусвязочная, так и междухрящевая части) открыта, и дрожания голосовых связок не происходит, но отверстие щели не слишком широко, то при прохождении воздуха получается трение его о края щели, и шум, который при этом происходит, дает звук, называемый гортанным спирантом [h]. Он имеется в немецком и английском языках, например, в немецких: Hand [hant], Hände [hɛnde], Himmel [himəl], hübsch [hypš], Huhn [hu:n], Geheimnis [gə'haimnis] и английских: high [hai], horse [hɔ:s], house [haus], how [hau], heart [ha:t], who [hu], whom [hu:m], childhood

[1] Очевидно, под немецким влиянием. Факт наличия начального [ʔ] в немецком произношении гласного Anlaut'а отразился, между прочим, на следующем «фонетическом» анекдоте рижского происхождения. Пьяный гимназист приходит домой и отец спрашивает его: Was hast du geessen (вм. gegessen)? Тот вместо ответа вынужден был икнуть, но быстро спохватывается и подхватывает [ʔ] икоты добавляя тотчас же слово, начинающееся на гласный: Apfelkuchen. [И равным образом далее, звук позыва к рвоте маскируется звуком [h] — в начале слова Hamburgerkringel].

[tšaildhud]. Нужно отличать этот звук от спиранта не гортанного, а заднеязычного — [x], который имеется в русском, напр. хата [xata]. Опущение звука [h] в английском, хотя довольно распространено, но считается вульгаризмом, не достойным подражания. Например, у Thackeray'a приводится воззрение, что для джентльмэна невозможно жениться на девушке, которая drops her h's [e'tš͡iz]. Интересно, что лица необразованные, говору коих свойственно такое опущение [h], часто при попытках быть корректными в языке, вставляют этот звук там, где не нужно, как это видно из такого анекдота: A barber, while operating on a gentleman expresses his opinion, that after all, the cholera was in the hair. «Then», observes the customer, «you ought to be very careful what brushes you use». «Oh, sir», replies the barber laughing, «I didn't mean the air of the ed, but the hair of the hatmosphere».

Во французском языке, как известно, буква h не произносится (этот звук исчез еще в вульгарной латыни, поэтому во всех романских языках мы не находим его следов, кроме традиционного изображения в письменности, например: лат. homo «человек», винит. падеж hominem — франц. on [ɔ̃], homme [ɔm], итальянск. uomo [uomo], испанск. hombre [ombre]). Однако, различают два значения этой буквы: h muette и h aspirée; h muette (напр., в homme) просто лишний, не имеющий никакого значения знак; его употребляют исключительно традиционно, подражая латинскому письму (например, в homme или в histoire, лат. historia); в том, что он не выражает никаких особенностей, связанных с началом тех слов, где его пишут, можно убедиться из того, что при homme и при histoire точно так же возможно élision в формах l'homme, l'histoire и liaison в формах mon histoire [mɔnistwa:r], les hommes [lezɔm], как и при каких-нибудь oncle, ivrogne (где нет буквы h).

Слова же, в начале которых находят так называемое h aspirée, отличаются от таких, как homme, histoire, тем,

что при них избегают делать, как élision, так и liaison. Поэтому, например, имеются la hâte [la a:t], vous haïssez [vu aise], les héros [le ero]. Однако, такое употребление буквы h никакой пользы не приносит уже потому, что рядом существует употребление этой буквы в качестве h muette, и следовательно, из письма нельзя почерпнуть указаний относительно того, нужно при данном слове делать liaison и élision или нет. Исторически появление таких слов как la hâte в отличие от l'homme (и следовательно различие обеих функций буквы h) объясняется следующим: после того, как латинское [h] уже исчезло из произношения, в старо-французском языке появилось новое [h] в словах, заимствованных из германского, куда относятся и слова hâte (старофранцузское haste), hair; этот звук распространился также на начало некоторых слов латинского происхождения, например haut < лат. altus и стал произноситься также в книжных словах, где в написание входила буква h; к таким словам принадлежит héros.[1]

Затем, через несколько поколений это [h] в свою очередь исчезло из произношения; но остался след его именно в отсутствии liaison и élision при словах, где оно раньше произносилось.

Однако, исчезновение [h], как самостоятельной фонемы, из французского языка не препятствует тому, что иногда слабое [h] произносится (но может и не произноситься) там, где встречаются два гласных звука, не разделенных согласными, напр. в fléau [fleʰo] или [fleo], poète [pɔ(ʰ)ɛt], la honte [la(ʰ)ɔ̃:t] и т. д.[2]

Кроме немецкого и английского, звукопредставление (фонема) h встречается еще, напр., в след. языках: арабском (где [h] изображается через ه ح), персидском (— ه и иногда ح, напр.

[1] В homme звука [h] не появилось, так как это слово не было книжным и его произношение без [h] неуклонно жило в устной традиции.

[2] Ср. ивн. те же условия факультативного появления начального ŋ в китайском современном языке (перед широкими гласными): как особая фонема нач. *ŋ уже не существует — совпав с нулем согласного, но зачастую может быть услышано в начале любого слога, начинающегося с широкого гласного.

в ﺷﻮ šɔ:h),[1] армянском (где h восходит к и.-е. *p и *s), грузинском (ჰ; в современном языке, однако, это h = ჰ, впрочем, уже исчезает из произношения), японском (ハ ヘ ホ в начале слова = ha he ho),[2] южно-китайском,[3] малайских, корейском (пишется ㅎ), в бурятском (где h ← монг. s, напр. haĵn ← ᠰᠠᠶᠢᠨ), в некоторых из турецких яз. (напр. в османском, азербайджанском, узбекском, и особенно в башкирском, а с другой стороны в туркменском), в ряде северно-кавказских, в финском (Suomi) и эстонском и т. д. и т. д.

В персидском главными источниками h служат: и.-е. *s (напр. в hæft هفت ← арийск. saptá ← и.-е. *septṃ)[4] и с другой стороны арабские заимствования.

В японском современное h восходит к *p через ступень *ɸ (тот же переход p → f или ɸ → h мы находим в армянском, в некоторых полинезийских языках [напр. api → afi → ahi «огонь»;[5] ср. яп. *pi → ɸi → Тоса hiᶠ: Киото çiᶠ: 火], в древнейшей истории части алт. языков — см. ниже); эта переходная ступень, — ɸ, сохранилась в Токпоском (и других нормально-японских говорах) только перед гласным u, но на перифериях японо-рюкюской территории (на северо-востоке, и с другой стороны в южной группе: отчасти на о. Кюсю и особенно в рюкюском) ɸ, или же его субститут f (в Аомори), сохранились и перед другими гласными: напр. Акита ɸago || Ток. hako «ящик», ɸada || Ток. hata «знамя» и т. д.; в Рюкюском говоре Нāфа имеются и

---

[1] Это конечное в слове h в ряде говоров исчезает: ﺷﻮ → šɔ (напр. в персидском языке в устах памирских народностей).

[2] Эти ha he ho (стандартного говора) восходят к *pa, *pe, *po; слоги же pi, pu дают здесь çi ɸu (в Тоса hi, hu).

[3] В соответствии сев.-китайскому x.

[4] Тот же переход и.-е. *s → h имел место в др.-греческом, армянском, ирландском.

[5] Ср. мал. apuj (тагальск. aᶠpuj). Совпадение с аинским api «огонь» и с нагасакским «детским словом» appu «огонь» делают возможным и сближение с яп. *pi (= *piᶠ·) → Ток. çi Киот. çiᶠ:, Тоса hiᶠ:, Рюк. (Нāфа) ɸi: [из *(a)puĭ], а также с глаголом aʷoŋ-u ← apu-ŋ-u 熾く, первым значением которого можно считать «раздувать огонь».

φ. и h (φa: «лист», ha: «зуб»), но в некоторых других Рюкюских говорах (наблюдавшихся Wirth'ом и проф. Невским) сохранилась даже первичная ступень — p. Кроме того в некоторых диалектах h заменяет собою s (напр. se → hi в сев.-вост.; спорадические случаи s → h в часто употребительных словах — и в Кнотском: ˈha˩ke ← ˈsa˩kai «небо», и в Нагасакском и др.). В турецких языках *h (из *f ← обще-алт. *p) исчезает в большинстве языков бесследно (исключение представляет узбекское h в høkyz Ташк. hokız «бык») и поэтому в ряде турецких языков — не-мусульманских или же мусульманских, но менее подвергшихся в фонетике персидскому языковому влиянию, звукопредставление h вовсе отсутствует (напр. в казакском языке, где h заимствованных арабских слов превращается в нуль). В других же (азерб., осм., тат. и т. д.) h проникает вместе с арабским и персидским религиозно-культурным словарем.[1] В особом положении стоят башкирский и с другой стороны туркменский языки: в башкирском h появляется и на месте тур. *s (в части случаев; в другой части *s → θ); в туркменском же, где заднеязычный глухой спирант (x или Ч) отсутствует, h оказывается единственным соответствием для арабских (и персидских отчасти) ﺣ ﻫ ﻩ (напр. перс. خانه → туркм. ha:na, перс. هر → туркм. her и т. д.).

Уже из вышеприведенных случаев (происхождения h в разных языках) можно заключить, что h весьма часто оказывается заменой 1) для f (или φ) [— из более древнего p], 2) для s. Третий источник — x (заднеязычный глухой спирант) констатируется, напр., в истории германских яз. (где h ← и.-е. *k, очевидно, через ступень *x; напр. в нем. *hund*ert ср. лат. *cent*um [kentum]), латинского яз. (где h ← и.-е. *g^h, очевидно через ступень x) и некоторых других. Это значит, что h является историко-фонетически-нормальным заместителем для различных (глухих) ртовых спирантов (f или φ, s, x), т. е. по мере «изнашивания» этих звуков (f или φ, s, x) они теряют свои характерные для них

[1] То же в узбекском, где h заменяет и арабск. ﺣ и арабск. ﺻ (в Ташкентском же говоре ﺻ совпадает не с ﺣ, но с ﺳ).

ртовые сужения, и от них остается только одно дыхание — с трением воздуха о голосовые связки (что и составляет шум, характерный для гортанного спиранта — [h]).[1]

§ 22. В большинстве языков [h] носит принципиальную характеристику *глухого* (гортанно-междусвязочного спиранта). Но возможен и звонкий, т. е. сопровождающийся образованием голосового тона, его вариант, который мы будем обозначать через [ɦ]. В значительной части случаев (разных языков) [ɦ] является лишь комбинаторным (именно интервокальным) вариантом звукопредставления (фонемы) [h]: это мы встречаем, напр., в бурятском, в японском — напр. Киотоском (где интервокальное h = ɦ встречается чаще всего на месте стандартного s в особых морфологических условиях, напр., в суффиксе -mah- ← -mas-, Subjectiv. -maho (-mañо) || Ток. -mañó:) и т. д. Но в некоторых языках мы находим именно фонему [ɦ] — в малорусском (где «г» = [ɦ]; ср. выше прим. стр. 35), в санскр. (ह) и т. д.

§ 23. Особая гортанная артикуляция наблюдается в гортанных спирантах, при которых принимает участие надгортанник (epiglottis) и которые можно поэтому называть «эпиглоттальными»; см. ниже в параграфе, посвященном надгортаннику.

Звуки эти в большинстве языков (в том числе во всех западноевропейских) отсутствуют, и известны нам лишь из языков семитских, хамитских и некоторых кавказских.

Наиболее известный пример их — это арабские ح[2] [глухой] и ع[3] [соответствующий звонкий спирант].

Таковы же др.-еврейские ח и ע. В практике МФА (= Международного Фонетического Алфавита) окончательный выбор знаков для ар. ح и ع еще не определился, и в настоящем курсе я

---

[1] Ср. переход ртовых смычных в *гамзу* — на пути к полному исчезновению согласного (см. выше).

[2] Называется обыкновенно «ха (или хэ) без точки» (в отличие от خ = [x], точнее [Ч]), по арабски же название буквы ح звучит [Ha] или [Hæ]. В русск. транскрипции ар. слов передавалось иногда через ҳ.

[3] Называется «айн» — по арабски [Qajn]. В русской транскрипции араб. слов передавалось через ғ или ʿ.

пользуюсь символами [H]—для ح и [Q] для ع—лишь потому, что эти знаки были предложены в оффициальном перечне символов МФА (см. Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции» Изв. Отд. Русск. яз. и сл. XVI (1911) кн. 4), вполне сознавая недостатки этих символов (известное неудобство транскрипционного употребления больших букв, а также непоследовательность в выборе Q для звонкого и притом спиранта). Однако, в качестве вполне условных (и временных) символов я допускаю H и Q — именно для данных звуков (арабского типа, т. е. спиранта), а для так называемого «чеченского[1] айн'а» (т. е. звонкого гортанного смычного: см. выше § 20) употребляю видоизмененную форму арабской буквы ع — именно ʕ (как у Л. Жиркова в его «Грамматике даргинского языка»).

Примечание 1. Следует обратить внимание на параллелизм в ар. буквах ه و ح ه: в то время как первые являются *гортанными* (эпиглоттальными), вторые (с добавлением точки) — соответствующими *заднеязычными* (глубоко-заднеязычными) спирантами — [Ч Ƙ] (т. е. звуками типа рус. «х» и рус. «г» в слове бога, только более *задними*).

Примечание 2. В дунганском письме арабскими буквами буква ع употребляется для дунганского (китайского) ɣ (см. ниже), которое, конечно, никакого сходства с арабским ع [Q], кроме того что оба являются звонкими проточными, не имеет.

§ 24. При более широком раскрытии голосовой щели, чем то, которое имеется при [h], заметного на слух трения воздуха о голосовые связки не происходит. При этом в виду ширины щели количество выдыхаемого воздуха значительно больше, чем при [h] (разумеется в равные промежутки времени). Так, мы выдыхаем много воздуха, когда дуем на что-либо, и при этом голосовая щель у нас широко раскрыта. Еще шире она раскрыта при быстром вдыхании воздуха (напр., при паузе в речи); это ясно уже из того, что здесь требуется быстро наполнить

[1] Или даргинского, аварского и т. д.

легкия, а быстро влить в какой-нибудь сосуд большóе количество жидкости (или воздуха) можно, разумеется, только при большом отверстии сосуда.

Количество выдыхаемого воздуха (в единицу времени), вообще, различно при различных звуках, и соответственно этому различно и открытие голосовой щели. Так при гласных воздуху выходит гораздо меньше, чем при согласных; и следовательно голосовая щель открывается шире при согласных, чем при гласных; между прочим, в этом состоит главная разница между гласным [u] и согласным [w], ртовые работы при которых могут быть сделаны очень сходными, и также—между гласным [y] и согласным [ɥ] (во французском lui = [lɥi]).

§ 25. Звуки [ʾ] [ʔ] (гортанные взрывные) и [h] [ɦ] [H] [Q] (гортанные спиранты), механизм которых исчерпывается работами гортани, называют гортанными. Но кроме этих самостоятельных звукопроизводных функций гортань еще присоединяет некоторые работы к работам других органов (при ртовых звуках), и различие этих присоединяющихся к прочим работам работ гортани создает определенные различия между отдельными звуками. Главным различием звуков по работам гортани является различие в зависимости от того, имеется ли при производстве данного звука голосовой тон (т. е. дрожание голосовых связок) или же его нет. Звуки, в которых голосового тона нет, называются глухими; звуки, в производстве которых голосовой тон участвует, называются звонкими. Звук, отличающийся от какого-нибудь глухого звука только наличием голосового тона, при одинаковости прочих работ, называется соответствующим звонким для данного глухого. Например, звук [z] будет соответствующим звонким для звука [s]; звук [v]—для [f] и т. д., как это видно из следующей таблицы, где в верхней строке приведены глухие, в нижней—соответствующие им звонкие:

p f t s š t͡s t͡š ç k x Ч Н
b v d z ž d͡z d͡ž j g ɣ Ƃ Q и т. д.

§ 26. Убедиться в звонкости (т. е. наличии голосового тона) данного звука можно разными способами. Возможно, напр., ощупать дрожание щитовидного хряща, передающее дрожание голосовых связок; можно, конечно, убедиться в этом и по кривой на кимографе. Наконец, можно пробовать петь какую-либо мелодию на данный звук (но эта проба применима только к длительным звукам, которые можно тянуть; таковы, напр. [f], [v], [s], [z], [š], [ž], [x], [γ], [n], [m], [r], [l] и гласные; но не мгновенные, каковы, напр. [p], [b], [t], [d], [k], [g]). Ведь пение на разные ноты состоит в изменении высоты голосового тона, и значит возможно только при наличии голосового тона. Потому, например, нельзя петь на звук [s], но можно на [z]. Аналогичным образом можно убедиться в том, что звуки [r], [l], [n], [m] — суть звуки звонкие, как и [a], [e], [o], [i] и вообще все гласные. Но, однако, и для этих звуков возможны соответствующие глухие. Так возможно произносить [r] без голосового тона, и такое произношение (т. е. глухое [r]) имеется в обычном произношении слов министр, шипр, шифр, алебастр (т. е. на конце слов после глухого согласного).[1] Глухое [l̥] в сходных условиях мы находим в быстром произношении слова Симфероп(о)ль, глухое [ʲ̊] в род. множ. мётл, глухое [l] во французских peuple [pœpl], cycle [sikl] (но надо иметь в виду, что возможно и произношение в виде [pœplœ], [siklœ]; в выражении peuple français это [œ] обычно, т. е. говорится [pœplœfrɑ̃:sɛ], поскольку в быстрой речи не исчезает и [l] — [pœpfrɑ̃:sɛ]); между прочим, этим французское произношение отличается от английского, в котором соответствующие слова

[1] Сообщение звуку [r] глухости от предшествующего согласного — результат ассимиляции. В русском глухие r r′ ɬ l′ (в министр, вепрь, метл, вопль) не являются самостоятельными звукопредставлениями (фонемами), а лишь комбинаторными (и даже комбинаторно-факультативными) вариантами (или «оттенками») звонких фонем r r′ ɬ l′. Но в некоторых языках возможны и принципиально глухие фонемы ɾ̥ ɾ̥′ ɬ l̥′. Например они (ɾ̥ ɾ̥′ ɬ l̥′) существуют в Мокшанском диалекте мордовского языка, глухое l имеется в тибетском (напр. в l̥a [или l̥ʰa] «бог»).

[pi:pl], [saikl] не утрачивают звонкости [l]. Можно легко научиться произносить и изолированные (т. е. не сопровождаемые другими звуками) глухие [l], [r]. Точно также могут существовать и глухие [n], [m]; глухое [m], напр., может быть произнесено в род. множ. драхм. Но эти звуки еще менее слышны, чем глухие [l], [r]. Глухое [m], например, равняется звуку обыкновенного дыхания через нос со сжатыми губами (и без прижатия языка к небу). Эти звуки, как и [l], [r], потому и не употребляются в большинстве языков в глухом виде в качестве самостоятельных фонем, что их акустический результат без голосового тона слишком слаб: они недостаточно слышны. Гласные также могут произноситься без голосового тона, например в виде шопотных гласных. Но акустический результат также очень слаб, если от гласного отнять голосовой тон. Поэтому глухие гласные встречаются только в зависимом положении (например в русском, японском, португальском, азербайджанском, узбекском и т. д.), напр., в неударенной позиции в русском топот,[1] или в южно-японском (Нагасакском) произношении слова ki$_{\llcorner}$ta «север», о чем свидетельствует и кривая (голосового тона) записанная мною на кимографе: в ней на все слово ki$_{\llcorner}$ta [= k'$_{\smile}$ita] имеется только 1 период волнистой линии, т. е. 1 период дрожания голосовых связок (с постепенным понижением голосового тона), приходящийся только на гласный a [это значит, что вся предшествующая часть слова: k'it—состояла из *глухих* звуков].

Примечание. Глухие гласные (вроде вышеуказанных), разумеется, служат этапом к выпадению данного гласного вообще (у последующих поколений). Так в японском при тех же условиях, как в слове ki$_{\llcorner}$ta, но не после [k'], а после спиранта: [s'] или [ç], мы встречаем уже не глухой гласный (i), но полный физический нуль гласного (напр. в Ток. -maśta, в Нагасакском произношении -maçta). В узбекском (Ташкентском) глухим гласным (факультативно чередующимся с нулем гласного) является

[1] Потеря вторым гласным звонкости — результат ассимиляции с соседними глухими звуками [p] и [t], а в японском kita — с глухими [k'] и [t].

ı — напр. в tıš → tš → čs, откуда с обратной подстановкой і возможен дублет čıš (تَنِس «зуб»); тоже в t(ı)šlæmɔq | č(ı)šlæmɔq «кусать», или в t(ı)šmɔq «падать» (из *tyš-mæk تُوشمك).

§ 27. В ряде языков есть тенденция против произношения звонких согласных на конце слова. Она объясняется склонностью не доделывать работу голосовых связок перед тем моментом, когда им предстоит перейти в состояние покоя. К таким языкам принадлежат русский (но не малорусский) и немецкий; обыкновенно произносятся без голосового тона все конечные согласные кроме [r], [l], [n], [m], [ŋ] (и в русском соответствующих мягких [r′], [l′] и т. д.), т. е. тех согласных, которые в глухом виде неудобны (по малой их слышимости) для использования в языковом процессе. Да и то, как выше указывалось, при особых условиях (после глухого согласного в русском) возможны и эти звуки без голосового тона (в министр, но не после гласного, как напр. в пар). Во французском же и в английском языке возможны на конце слова все (имеющиеся в составе данного языка) звонкие согласные. И подстановка глухих согласных вместо конечных звонких очень режет ухо англичанина или француза. Например, в английском надо соблюдать различие между конечными звуками слов: fife [faif] и five [faiv], safe [seᵘf] и save [seᵘv], niece [ni:s] и knees [ni:z], hiss [his] и his [hiz], sheath [śi:θ] и sheathe [śi:ð] или при группах согласных — между hops [hɔps] и hobs [hɔbz], fix [fiks] и figs [figz]. Во французском не надо смешивать например vif [vif] и vive [vi:v], russe [rys] и ruse [ry:z], cache [kaš] и cage [ka:ž].

Среди восточных языков в этом отношении наблюдается большое разнообразие: в одних оглушение конечных звонких столь же недопустимо, как во французском, — таков, напр., грузинский язык; в узбекском же, наоборот, конечные звонкие смычные (b, d, g) нормально оглушаются.[3] Как общее правило

---

[3] Спиранты же (в том числе и имеющие соответствующие глухие: z Ɣ) не оглушаются (qız, tɔƔ). Таково же положение дела, в общем, и в туркменском

(и то за исключением тагальского случая) можно указать, что конечные *имплозивные* смычные (не-носовые) (т. е. ^{p}, ^{t}, ^{k}) всегда бывают глухими, а не звонкими — это мы встречаем в языках корейском, аинском, южно-китайском (где уцелели конечные p t k). Неожиданным является различение звонкого от глухого в конечных имплозивных в тагальском языке (где напр. wa^{k} и tolo^{g} имеют *разные* конечные звуки: ^{k} [точнее q] и ^{g}, — глухой в первом слове и звонкий во втором).

§ 27а. Однако не во всех языках различение согласных по участию или отсутствию в них голосового тона выражается в таких 2 категориях *звонких* и *глухих*, какие мы имеем в русском, французском, турецких, японском (центрально- и южно-японском) и т. д. Так в северно-китайском (мандаринском), в частности в Пекинском говоре, вместо русской категории глухих (— p t k и т. д.) имеется — в классе смычных (включая аффрикаты) согласных — категория глухих *придыхательных* (p^{ʿ} t^{ʿ} c^{ʿ} č^{ʿ} ć^{ʿ} k^{ʿ}), о которой речь будет итти ниже (см. § 28), а вместо русской категории звонких (— b d g и т. д.) — категория непридыхательных, которые с точки зрения участия в них голо-

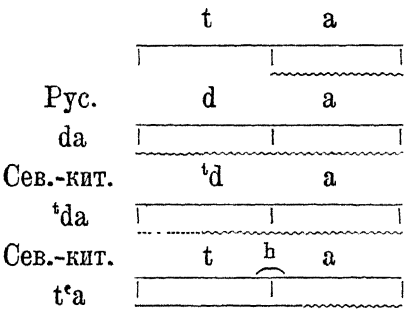
---

(где, напр., персидскому dærd درد соответствует dert درت, но конечные w ǯ ð ʒ Ɛ ɛ̀ сохраняют звонкость).

Впрочем надо заметить, что точная регистрация этого явления (оглушаемости звонких в конце слова, а также внутри слова перед глухими) в разных языках — принадлежит к труднейшим задачам описательной фонетики. Достаточно будет указать, что и в русских фактах (одного даже обще-русского говора интеллигенции), где казалось бы дело уже вполне выяснено, на самом деле имеется ряд промежуточных этапов и исключений. Действительно, как общее правило можно принять, что конечные *парные* (т.-е. имеющие к себе соответствующие глухие, как b:p, d:t, γ:x и т. д.) звонкие склонны оглушаться в исходе слова. Но 1) при некоторых из парных звонких это бывает регулярнее, чем при других: именно при смычных глухой постояннее, чем при спирантах (напр. ž), — что было совершенно правильно отмечено О. М. Бриком в его статье в «Поэтике» (Опояз); 2) оглушению (даже смычных) могут препятствовать некоторые комбинаторные и семантические условия: так оглушение часто отсутствует в коротких и редко употребляемых словах — напр. с и г [s'ig], (телеграфный) к о д [kod]. Факультативно же звонкий может сохраняться и в таких, напр., случаях, как намеренное противоположение слов «плод» и «плот»: «это не плот [płot], а плод [płod]». Конечно, [d] появляется в таких случаях не под влиянием орфографии, а из ассоциации косвенных падежей [pładá и т. д.].

сового тона, могут быть названы *полузвонкими*, так как занимают промежуточное место между русскими [p] и [b], [t] и [d], [k] и [g] и т. д. Именно, звуки этой категории, — непридыхательные полузвонкие, — ^{p}b ^{t}d ^{t}з ^{t}ž ^{t}ź (или ^{h}ɦ) ^{k}g, в независимой позиции, т. е. в начале слова (а это значит в 1-м слоге слова) произносятся с голосовым тоном, начинающимся не с самого начала смычки, а лишь в конце ее, так что звонким оказывается лишь конец самого согласного и переходный период (а в аффрикатах ^{t}з ^{t}ž ^{t}ź—спирантный элемент: z ž ź) между концом смычки и началом следующего гласного звука. Для дифференциации этой категории от противоположной ей категории глухих придыхательных (p^{c} t^{c} c^{c} č^{c} ć^{c} (или ɦ^{c}) k^{c}) этот переходный период—между концом смычки и гласным как раз и является существенным [ибо в полузвонких — он звонкий, а в придыхательных — глухой (= h)]; поэтому противоположение этих двух категорий оказывается вполне резкоощущительным, несмотря на то, что противополагаемые величины и не совпадают с русским различением звонких и глухих. Схематически эту разницу (между русскими и китайскими Пекинскими критериями различения) можно представить так:

Рус. ta (волнистая черта означает наличие гол. тона, прямая — отсутствие его):



Но такова характеристика полузвонких только в независимой позиции (в начале слова); внутри же слова (т. е. если данный слог является 2-м, 3-м и т. д. в слове), т. е. между гласными

(а в особенности после дифтонга на носовой n, ŋ) эти полузвонкие превращаются уже во вполне звонкие: ср. 白 ᵖbai, но 明 白 miŋbai; 哥 ᵏgʷə, но 大 哥 ᵗdágʷə 哥 哥 ᵏgʷógʷə и т. д. [Примеч. при этом аффриката ᵗz,—внутри слова ᵗz, может утрачивать свой смычный элемент, получая т. о. комбинаторно-факультативный вид z: напр. ᵖbi-zə → ᵖbiz(ï) 鼻 子].

Исторически вышеописанный характер северно-китайской категории полузвонких непридыхательных вполне гармонирует с происхождением ее из конвергенции древних звонких с глухими непридыхательными (*p × *b → ᵖb, *t × *d → ᵗd и т. д.).[1] А поводом к этой конвергенции можно считать наличие иноязычной этнической подпочвы в формации северно-китайского (мандаринского) диалекта. И если мы обратимся в поисках этой иноязычной среды (которая могла бы устранить из кит. фонетической системы тройственное различение смычных не-носовых: p b pᶜ, t d tᶜ и т. д., — заменив его парными категориями: ᵖb pᶜ, ᵗd tᶜ и т. д.) к ближайшему соседу мандаринского наречия — к корейскому языку [а также и к монгольскому, который, как мы уже говорили выше, — общего происхождения с корейским], то мы увидим, что как раз встреча (скрещение) древне-китайского консонантизма с такой консонантической системой, как корейская, именно и могла придать ему данный результат (конвергенцию звонких с глухими непридыхательными).

Именно, в современной корейской системе смычных мы имеем как раз 2 категории смычных (не считая геминантов и носовых [комбинаторно чередующихся со звонким неносовым вариантом в начале]): 1) глухих придыхательных (pᶜ tᶜ cᶜ [или ю.-кор. čᶜ] kᶜ), которые остаются таковыми во всякой позиции, и 2) не-придыхательных, состоящих в регулярном комбинаторном чередовании: глухой (непридыхательный) в начале слова и звонкий — внутри слова в интервокальной позиции[2] (это, следовательно,

[1] В шанхайском же (как и в яп. Го-он'е) эти звонкие и глухие непридыхательные различаются и поныне.

[2] На конце же слова этому соответствуют глухие имплозивные варианты: p t k. Перед носовым же — соответствующие имплозивные носовые: m n ŋ.

звукопредставления: p|-b, t|-d, c|-з [ю.-кор. ć|-ź], k|-g). Понятно, что если китайский язык (с его 3-мя древними категориями: p b pʿ и т. д.) воспринимался, на севере нынешнего Китая, населением, имевшим консонантические навыки, подобные (в данном отношении) современным корейским, то результатом именно и должна была быть замена 3-х китайских категорий *двумя*: категорией глухих придыхательных и непридыхательных (аберрирующих по моменту звонкости в зависимости от положения внутри или в начале слова). То же обстоятельство, что в конвергенцию вошли, в кит. словарном материале, и звонкие и глухие (*b и *p, *d и *t и т. д.) объясняет нам и промежуточное (—*полузвонкое*) качество рефлекса (Пек. ᵖb, ᵗd, ᵏg и т. д.) в независимой позиции.

Что же касается спирантов (бывших в древне-китайском парными: f v, s z, š ž, x γ), то они, следуя тому же принципу конвергенции (звонких с глухими), превратились в сев.-китайском (мандаринском) в не-парные глухие [так в совр. Пекинском мы имеем только глухие f s š ś x].

Кроме сев.-китайского, категория «полузвонких» известна в сев.-восточных японских говорах—в виде ᵖb ᵗd ᵗз ᵏg. Эти звукопредставления соответствуют 1) интервокальным глухим и 2) начальным звонким центральных говоров (напр. deta→ᵗdiᵗda), и противополагаются 1) звонким полуносовым ᵐb ⁿd ⁿз (соответствующим интервокальным звонким центр. говоров) и 2) глухим придыхательным pʿ tʿ cʿ kʿ (соответствующим начальным глухим и интервокальным глухим геминантам в центр. говорах). Причина такого Lautverschiebung,—очевидно, в аинской этнической подпочве сев.-вост. яп. диалекта, ибо в аинском отсутствует принципиальное различение парных глухих и звонких и интервокальное полузвонкое p в аинском apі («огонь») есть лишь комбинаторный вариант фонемы p; естественно, что аину, воспринимая японские слова, заменяли интервокальные глухие своими «полузвонкими» вариантами глухих фонем; при дальнейшем скрещении это произношение было воспринимаемо японским ухом уже так, что

интервокальный «полузвонкий» стал дифференцироваться от «вполне глухого» начального, который поэтому был отожествлен (в связи с утратой всяких долгот) с «вполне глухим» интервокальным долгим, или геминантом.[1] Для понимания же соответствия сев.-вост. «звонких полуносовых» Токийским интервокальным звонким (напр. ^{m}b в Акита ü^{t}zima^{t}zï^{k}go^{t}do^{m}ba || Ток. ućima-ćikotoba или ^{n}d в ϕa^{k}go^{n}da^{t}di || hakodate — назв. города) надо иметь ввиду, что парные звонкие (восходящие к до-японским комплексам «носовой + глухой») в обще-японском были именно *полуносовыми* mb nd и т. д. (что подтверждается и современной назализацией в начале интервокальных b d g в говоре Тоса, — в этом «санскрите японской диалектологии»). Естественно, что аину воспринимал эти древне-японские полуносовые именно как «носовой + смычный неносовой», что при дальнейшем скрещении и закреплло (если еще не усилило) назализацию интервокальных звонких ^{m}b ^{n}d ^{n}з[2] в северо-восточных говорах, тогда как в Токио и прочих диалектах она уже исчезла (за исключением Тоса — где назализация сохранилась в виде весьма слабого и не имеющего принципиальной психической ценности момента).

Кроме указанных сев.-китайских, корейских (где собственно вместо «полузвонких» мы имеем чередования глухих и звонких вариантов одного звукопредставления) и северо-восточно-японских фактов, «полузвонкие» смычные наблюдаются и в некоторых других языках: напр. в некоторых эстонских (внутри слова) и некоторых азербайджанских (в начале слова) говорах.

В общем же, это явление — редкое и, очевидно, такое противоположение глухих и звонких, какое мы имеем в русском, французском и в массе др. языков, является более удобным и выгодным с обще-фонетической точки зрения. Это не значит, однако, что пороги различения, т. е. критерии в оценке данного

---

[1] И далее для удобства (т. е. усугубления признаков) различения за ними был закреплен (по крайней мере в части говоров) признак аспирации; физический же зародыш аспирации при глухих (напр. k t) мы можем констатировать и в Токио.

[2] Вместо *$^{\eta}$g мы имеем просто носовой η (как и в Токио).

звука (— в качестве звонкого или наоборот глухого) должны быть вполне одинаковы в русском и во французском и в центрально-японском и т. п. языковых мышлениях. О том, что в деталях здесь разница есть, говорят хотя бы различные оценки сев.-китайских ᵖb ᵗd ᵏg и т. д. русскими, французскими, английскими и японскими наблюдателями: в то время как русский слух воспринимает эти звуки за *звонкие*, француз и англичанин слышит здесь *глухие*; то же восприятие (— в качестве *глухого*) получалось и у японцев о-ва Кюсю, за что говорит форма позднейших южно-японских заимствований из сев.-китайского: нагасакск. pe:roᵑ, pʲa:roᵑ (а также с переходом pʲ → kʷʲ и kʷʲa:roᵑ, kʷʲa:doᵑ) «гребная гонка в праздник 白龍» — из сев.-китайского ᵖbai-luᵑ 白龍 «Белый дракон».

§ 28. Другая модификация звуков по различию работ гортани состоит в создании различия между придыхательными и непридыхательными звуками. Так например, немецкие глухие согласные [p], [t], [k] произносятся с придыханием, т. е. с прохождением воздуха сквозь суженную как при [h] голосовую щель, особенно в следующих случаях: 1) в начале и середине слова перед ударенным гласным, напр. в Turm [tʰurm], Natur [naʲtʰu:r], 2) в конце слова перед паузой после ударенного гласного, напр. в Not [no:tʰ], Weib [vaipʰ]. Этим они отличаются от русских непридыхательных [p], [t], [k].

Из восточных языков категория придыхательных глухих смычных ($p^h = p^c$, $t^h = t^c$, $k^h = k^c$ и т. п.) встречается: в монгольском (но не калмыцком) — см. Ramstedt «Фонетика», в китайском (в Пекинском к категории глухих придыхательных принадлежат след. согласные: p^c t^c c^c $č^c$ $ć^c$ k^c; в русской транскрипции они пишутся просто как глухие: «п т ц ч ц(и) к»), в северо-восточных говорах яп. языка (напр. в Акита 秋田: p^c t^c c^c k^c; они соответствуют Токиоским начальным глухим p[1] t c(u) или

[1] Но не древнему (обще-японскому) *p [напр. в *pa 火 или *pa 歯], которое в Акита дает φ [а *p в сочетании с *i, т. е. *pi → *φi → šy (šy 火)].

ć(i) k, а также соответствующим геминантам в интервокальной позиции, напр. atte → at^{c}i), в санскрите и новоиндийских язз. (наряду с категорией звонких придыхательных — см. ниже), а также в ряде кавказских языков (грузинском, чеченском, абхазском, черкесском), где впрочем они представляют громадное отличие от типичных придыхательных (обладающих резко слышимым элементом h, как в китайском, монгольском и т. д.)[1]: в данных кавказских языках аспирация настолько незначительна сама по себе, что эти (грузинские, напр.) p^{c} t^{c} c^{c} и т. п. весьма близки к русским п т ц и т. д.; тем не менее эта категория противополагается именно по данной своей гортанной работе (раствору голосовой щели, обусловливающему элемент ^{h}, т.-е. придыхание [хотя бы и слабое]) другой категории глухих: так наз. «гамзированным» (или «смычно-гортанным») p$^{?}$ t$^{?}$ c$^{?}$ k$^{?}$ q$^{?}$ и т. п.

§ 29. Кроме глухих придыхательных [p^{h} t^{h} и т. д.] возможны и звонкие придыхательные, встречающиеся, однако, гораздо реже (они известны, главным образом, из санскрита [куда вошли из и.-е. праязыка] и новоиндийских живых языков)[2]. Они отличаются от глухих придыхательных звонкостью в обоих элементах: и в самом смычном и в последующем придыхании (т.-е. в гортанном спиранте); следовательно если p^{c} = p + ^{h}, то b^{c} = b + ɦ, (d^{c} = d + ɦ, g^{c} = g + ɦ и т. д.).

§ 30. Четвертой (после звонкости, глухой аспирации и звонкой аспирации) модификацией ртовых согласных посредством (дополнительной к ртовым работам) гортанной работы [или «артикуляции»] является образование «смычно-гортанных» или

[1] Относительно чеченских придыхательных можно указать, что в горных чеченских говорах элемент придыхания более значителен (с объективной, т.-е. физической точки зрения), чем в плоскостном наречии. Что же касается лезгинского, то здесь придыхательные обладают относительно-явственным моментом придыхания (h) уже потому, что лезгинский различает не 3, а 4 категории смычных: смычно-гортанный, звонкий, открыто-гортанный придыхательный и открыто-гортанный непридыхательный (напр t$^{?}$ d t^{c} t).

[2] Мнение B. Karlgren'a о том, что обще-китайские *ƀ, *d и т. д. были звонкими придыхательными, нельзя считать доказуемым.

«гамзированных» согласных [— «согласных с надгортанной экспирацией» по терминологии Н. Ф. Яковлева]. Эти согласные являются специфическими для кавказских языков (грузинского, мегрельского[1], абхазского, черкесского, чеченского, ингушского, аварского и др.)[2], при чем наиболее типичный вид их — это смычно-гортанные *глухие смычные* (и аффрикаты); p^{γ} t^{γ} c^{γ} $\check{c}^{\gamma}$ (= $\hat{c}^{\gamma}$) k^{γ} q^{γ} [— таков состав этой категории в грузинском; в абхазском же (в литературном диалекте) имеются: p^{γ} ψ^{γ} t^{γ} c^{γ} $c^{w\gamma}$ $\check{c}^{\gamma}$ $\hat{c}^{\gamma}$ k^{γ} k'^{γ} $k^{w\gamma}$ q^{γ} q'^{γ} $q^{w\gamma}$]. Характерный момент этой категории глухих смычных («гамзированных») состоит в том, что ртовая (губная, передне-язычная и т. д.) смычка сопровождается также смычкой (затвором) гортанной щели: и следовательно взрыв ртовой смычки осуществляется не посредством воздуха, прогоняемого через гортань из легких [ибо гортань-то как раз и оказывается закрытой], а посредством воздуха, имеющегося в ртовой камере — над гортанью (в этом и состоит «надгортанная экспирация»). Сама же гортанная смычка (coup de glotte, Stimmbänderverschluss, «гамза» = [ʔ]) взрывается уже потом [т.-е. в слогах начинающихся с «смычно-гортанного» согласного— при переходе к следующему за данным согласным гласному: [p^{γ}a] состоит таким образом из след. моментов: 1) момент двух смычек: ртовой и гортанной, 2) раствор ртовой (губной) смычки и выход (через губы) воздуха, имевшегося в ртовой камере над гортанью, 3) раствор гортанной смычки, 4) гласный a, с которым начинается и голосовой тон данного слога].

В некоторых, однако, языках (из западно-кавказских в нижне- и верхне-черкесском) смычно-гортанная артикуляция встречается и при спирантах.

Нечто похожее на кавказские «смычно-гортанные» согласные представляют собою и встречающиеся в моем индивидуаль-

---

[1] Для наблюдения типовых особенностей данной категории можно рекомендовать именно мегрельское произношение.

[2] Повидимому, смычно-гортанные (именно t^{γ} c^{γ} $\check{c}^{\gamma}$ p^{γ}) имеются и в американском языке Майя (см. Tozzer, A Maya grammar, стр. 19).

ном (русском, но под влиянием нем. языка) произношении сочетания «согласный + coup de glotte [ʔ]» — в таких случаях, как *к отцу* [kʔac:u], *от отца* [atʔac:a], *в ад* [vʔat fʔat], *в атаманы* [fʔatamanш].

§ 31. Наконец пятой из модификаций ртовых звуков в полости гортани является артикуляция так называемых «эмфатических» согласных, известных нам из семитских языков. Так как в их образовании принимает участие надгортанник (epiglottis), о них пойдет речь ниже — в параграфе, посвященном надгортаннику.

Сюда относятся, напр., арабские ط ظ ص ض [t̤ ð̤ s̤ z̤], т.-е. «эмфатические» (или «эпиглоттализованные»), из которых первые три соответствуют простым ت ذ س [t ð s], а четвертый, по указаниям арабских грамматиков, не имеет себе не-эмфатического соответствия в арабской системе согласных: это — латеральное (*л*- образное) z, или — наоборот — z- образное (т.-е. характеризующееся большим расходом выдыхаемого воздуха, а потому и присущим спирантам шумом) l. Кроме этих звуков к «эмфатическим» арабские грамматики причисляют также ق [q] и ل [l] слова الله «Аллах» (см. Н. Юшманов, ДРАН 1925, стр. 58).

Примечание. Диалектически ض переходит (очевидно в связи с сильным напряжением языковой работы при «эмфатических») в эмфатическое d, а s̤ (ص) в c(«ц»). Тем же сильным напряжением язычной артикуляции объясняется, видимо, и то, что при t̤ (ط) происходит более задняя смычка (— против более глубокого участка нёба), чем при t (ت).

В других мус. языках, куда попадают арабские слова с эмфатическими согласными, эти звуки, обыкновенно не сохраняются как таковые, а смешиваются с обычными свойственными данному языку согласными (исключения представляет, конечно, произношение лиц, специально изучавших арабский язык[1]). Так

[1] Хотя и в их произношении наблюдаются отступления от арабского оригинала: напр. отлично изучившие арабский язык узбеки произносят ط, ص и особенно ظ в виде лабиализованных, т.-е. в роде [tʷ (точнее t̤ʷ), sʷ, ðᶻʷ или

в узбекском, например, ط совпадает с [t], ص с [s], ظ и ض (как и ذ = ذ) с [z], то-есть

ط, ت, ت → ت
س, ص, (и ث = θ) → س
ظ, ز, ض (как и ذ = ð) → ز

§ 32. Наконец, крайне важны те функции гортани, которые вносят различия между частями слов по ударению. Но так как обыкновенно говорят об ударенных и неударенных слогах, то переходя к вопросу об ударении, нужно предварительно выяснить акустическое понятие слога.

В том, что наша речь естественно делится на отрезки, которые принято называть слогами, нет повода к сомнению. Нет также, в большинстве случаев, спора о числе слогов того или другого слова. Не нужно только исходить при этом из каких-либо предвзятых, например основанных на графике, мнений. Так в моем, напр., произношении слова министр три слога, а в слове жизнь (если только не произносится жисть) — два. Но по вопросу о том, в чем состоит признак отдельного слога, много разных затруднений.[1] Считать, что слогов в слове столько, сколько в нем гласных, неправильно, так как тогда окажется противоречие с числом слогов в министр, жизнь (министр отлично укладывается в стихи на правах трехсложного слова, а жизнь — двухсложного). Наконец, в сербском языке есть слова вроде срп «серб», прст «перст», которые, несомненно, составляют отдельный слог, а между тем в них нет гласного в нашем привычном понимании термина «гласный». Точно также китайское слово t'ṛ составляет 1 слог, а laut'ṛ

---

z^{w}, ð^{w}], а ض даже в виде [w] (вместо [l^{s}]; кроме того у них часто встречается смешение ظ и ض в одном [ð^{w}], которое часто наблюдателем будет оценено как w).

[1] Их не менее при вопросе о том, где граница между слогами; но этого сложного вопроса в настоящем курсе я не буду касаться.

«старик» — 2 слога. Ту же функцию имеет и санскритское ṛ в словах vṛkaḥ pitṛšu ṛg-vēda- и т. д.

Немецкое слово Linden [lindən] может быть произнесено без всякого следа гласного после [d]: [lindn] даже без отнятия языка от передней части неба, к которому передняя часть языка вплотную будет прижата за все время от первого [n] до второго; а, между тем, в этом слове будет и при таком произношении два слога. С другой стороны в немецком Haus [haus] — два гласных, но слог только один.

То, что обычно представление числа слогов связывается с представлением числа гласных, имеет ту причину, что гласному присуще некоторое акустическое отличие от согласного, состоящее в том, что гласный более звучный, т.-е. лучше слышимый звук, чем согласный.[1] Таким образом, в основу деления на слоги ложится различие звуков по звучности (Schallfülle, — не надо смешивать со звонкостью, т.-е. наличием дрожания голосовых связок; я уславливаюсь понимать под звучностью именно акустическое свойство — слышимость звука на большее или меньшее расстояние). Но важным оказывается не просто принадлежность звука к звучным или слабозвучным (иначе гласный звук, как принадлежащий к категории звучных звуков по сравнению с согласными, всегда образовывал бы слог, и слово Haus не могло бы быть односложным), а важна относительная звучность данного звука по сравнению с соседними (предшествующим и последующим). И слог можно определить, как отрезок (во времени) речи, снабженный увеличением звучности между двумя менее звучными моментами. И в каждом

[1] Можно ожидать возражения, что и согласный звук может быть хорошо слышим; особенно резко (и на далекое расстояние) слышится из глухих согласных звук [s]; им, например, останавливают идущего вперед человека, до которого этот звук иногда долетает через сильный уличный гул. Но все-таки потенциально звучность гласных гораздо больше, ведь криком (а кричать выгоднее именно на гласные звуки) можно достигнуть maximum'а звучности. И хорошая слышимость [s] состоит, собственно, не столько в силе, сколько в своеобразности составляющих его шумов, которые потому и выделяются от прочих окружающих шумов.

слоге, следовательно, должен быть звук, более звучный, чем моменты предшествующий и последующий. Этот звук называется слогообразующим.

Отсюда понятно, что если гласный окружен двумя согласными, то он будет образовывать слог. Если имеется гласный в начале слова, а после него согласный, то точно также: в слове Аня [an'a] первому гласному предшествует нуль звука и, следовательно, minimum звучности, а само собою разумеется, что между нулем или minimum'ом звучности, с одной стороны, и согласным звуком с другой стороны звук [a] будет составлять центр усиления звучности; то же самое применимо ко второму гласному этого слова, за которым опять следует нуль звука. Если встречаются два гласных рядом, то возможно различное произношение их: 1) возможно ослабление голосового тона во время перехода от одного гласного к другому, как это имеет место в русском аул [aul'], и тогда каждый из них будет слогообразующим, как составляющий усиление звучности после ее ослабления (так дело обстоит и при соединении конечного гласного с начальным гласным следующего слога, например в моя Аня [majaan'a]); двусложность сочетания двух гласных будет тем более бесспорна, если дело будет доходить до полной (хотя и чрезвычайно краткой) паузы между ними; 2) возможно тесное соединение обоих гласных без ослабления звучности во время перехода от первого ко второму; тогда один из гласных звуков[1] и именно тот, который обладает большей звучностью будет слогообразующим. В сочетании [au] более звучным является [a] и потому в немецком Haus [haus] [a] будет слогообразующим. В том, что одни из гласных будут более звучными, чем другие, можно убедиться на опыте: долетать на более далекое расстояние будут крики на одни гласные с меньшим усилием, чем на другие. При этом [a] и [o] будут

[1] Если же нет ослабления при переходе от одного гласного к тождественному с ним, напр. в [aa], то они сольются в один долгий гласный [a:].

более звучными, чем [i], [u]. Этим объясняется то, что в немецких односложных сочетаниях гласных [ai] в bei [bai], [au] в Haus и [ɔi] в Häuser [hɔizər] слогообразующими будут [a] и [ɔ], но не [i] и [u], которые являются неслогообразующими или неслоговыми (для отметки неслоговых гласных употребляется полукружочек над или под буквой).

Нужно отметить, что такие односложные соединения гласных называются дифтонгами, т.-е. двузвучиями.[1] Дифтонг называется нисходящим, когда слогообразующим является его первый элемент, и восходящим, если второй. Дифтонги обычны в английском и немецком языках, но во французском их нет [если не относить к (восходящим) дифтонгам сочетания [wa] [we] [wi] [qi] и т. п., о которых речь будет ниже — при обзоре французской звуковой системы].

Согласные также имеют различные степени звучности. Из них особой звучностью выделяются те звуки, которые выше, в § 26, были отмечены, как нуждающиеся в голосовом тоне для того, чтобы быть слышными. Это звуки — [n], [m], [ŋ], [r], [l] (и различные оттенки их, напр., мягкие [n′], [m′], [r′], [l′]). При них, как и при гласных, главным (т.-е. лучше слышным) составным элементом их акустической стороны является голосовой тон, — лучшее средство для производства хорошо слышных звуков из всех средств, имеющихся в языковом аппарате. В силу присущей им бо́льшей звучности они представляют сходство с гласными и более часто, чем другие согласные, являются в качестве слогообразующих. Примеры выше: министр, жизнь, серб. срп «серб», нем. Lind(e)n. В силу их звучности звукам [r], [l] и (их оттенкам) дается название сонорных согласных. Иногда под этим (данным по акустическому признаку) названием объемлются также звуки [n], [m], [ŋ] (и их от-

[1] От греч. δι- di «дву», φθογγή phthongē «звук». Соединение трех гласных в одном слоге называется трифтонгом, таково, напр., [iau], очень частое в китайском языке. Иногда (но редко) термин дифтонг применяют к тесному соединению двух согласных, напр. [ts].

тенки), которые называются обычно данным по физиологическому признаку именем носовых согласных. Прочие согласные представляют разные степени звучности в зависимости от следующего:

1) звонкие согласные более звучны, чем соответствующие глухие; эти последние менее звучны уже потому, что лишены самого сильного по акустическим результатам средства из всех средств языкового аппарата — голосового тона;

2) те согласные, при которых выход воздуха на время прекращается, менее звучны, чем те, при которых воздух выходит безостановочно. Таким образом, внутри глухих согласных [p] менее звучно, чем [f], [t] — менее, чем [s], [k] — менее, чем [x]; а внутри звонких: [b] менее звучно, чем [v], [d] — менее, чем [z], [g] — менее, чем [γ].

Из этого понятно, почему в сочетании [pst] слогообразующим является [s].

§ 33. После этого можно перейти к понятию ударения. Под ударением в языках русском, немецком, французском и английском разумеется ударение силовое или экспираторное,[1] состоящее в выделении одного из слогов слова путем более сильного голосового тона, чем при прочих слогах. Это выделение касается, главным образом, слогообразующего звука, но не исключительно: например, согласные ударенного слога бывают несколько отличны от согласных неударенных (и это сказывается на различной судьбе тех и других в истории отдельных языков). О тех средствах, которыми производится такое усиление, говорилось выше: сюда относится работа дыхательного аппарата (от силы выдыха зависит сила звука, этим объясняется название силового ударения экспираторным) и установка голосовых связок. В русском языке ударение неразрывно связано с долготой гласных; но этого нет в языках немецком, французском и английском, где ударенный гласный может быть и крат-

[1] От лат. exspiratio «выдыхание».

ким и долгим в зависимости от слова. Обыкновенно имеется одно ударение в слове, за исключением длинных слов, где возможны второстепенные ударения; но короткие слова иногда соединяются во фразе под одним ударением; обыкновенно этому сопутствует и объединение данных слов с семасиологической стороны, как выражающих одно понятие; таким образом, ударение и в этом случае (как и при нормальном распределении по одному ударению на слово) есть средство, используемое для целей семасиологических: им как бы штемпелюются куски речи, представляющие известную обособленность и самостоятельность. Языки, в которых ударение находится на определенном месте во всех словах, называются обладающими постоянным ударением. Таковы: французский (с ударением на последнем слоге), польский (— на предпоследнем), чешский и с другой стороны финский (— на первом), турецкие (в большинстве случаев — на последнем), монгольские (на первом). Впрочем, ввиду расхождения в месте ударения между языками монгольскими (— на первом слоге) и турецкими (— на последнем), а также показаний корейского языка, а до известной степени и самих монгольских и турецких, можно предполагать, что в обще-алтайском праязыке ударение принадлежало не только первому слогу (как предполагает Н. Н. Поппе на основании монгольского и на основании стабильности турецких гласных первого слога), но было *двухполюсным*, то-есть могло принадлежать или первому или последнему слогу (в зависимости от синтаксической позиции и прочих условий данного момента говорения). На это указывают следующие факты:

1) Такая «двухполюсность» (т.-е. чередование начального ударения с конечным) наблюдается в современном корейском языке: слово в изоляции и на конце фразы (где обыкновенно находится глагол [verbum finitum] или спрягаемая форма прилагательного) имеет начальное повышение; слово же, находящееся в начале или в середине фразы (в том числе перед паузой, искусственно делаемой в предложении [когда фраза обрывается по

средине] или на конце придаточного предложения), приобретает ударение *конечное* (на последнем слоге).[1]

2) В калмыцком языке я наблюдал (несмотря на силовое ударение на первом слоге) повышение голосового тона на последнем слоге отдельно произносимых слов, даже в том случае, если данный последний слог уже утратил свой гласный (передавший слогообразующую функцию носовому) — напр. при таком составе посл. слога, как sn̥, rn̥ и т. д. Кроме того в вопросительных предложениях я мог бесспорно констатировать случаи ударения именно на последнем слоге.

3) В турецких языках, имеющих обычно конечное ударение, возможна тем не менее эмфатическая депласация (перенос) ударения на первый слог, — напр. в узбекском в вокативных предложениях, напр. ǽхmæt (в Самарк. ǽhmæt) или (h)ɔj ǽхmæt «Ахмед!» «!ئاحمەد» [Есть и другие случаи аналогичной депласации (в частности в verbum finitum), наблюдавшиеся мною в узбекском и казакском языках].

Сравни эмфатическую депласацию (тоже с последнего слога на первый) во французском: напр. в [kɔšõ] — cochon «свинья!» (как ругательство), в [œ̃su døsu] — Un sou, deux sous «1 копейка, 2 копейки» (в выкриках уличных торговок) см. P. Passy, Petite Phonétique Comparée.

И вот подобно тому, как французское явление может исторически объясняться, как пережиток архаического (до эпохи Dreisilbengesetz'a) латинского ударения,[2] можно и в указанной турецкой депласации (т.-е. факультативном чередовании конеч-

---

[1] Может быть влиянием корейского языка (и данной именно черты) объясняется появление второго (синтаксического) повышения на конце слова в Satz-Sandhi в западно-японском говоре — Киото (см. «Психофонетические наблюдения над яп. диалектами. II»), напр. ˈaˌburaˈŋa..... вместо ˈaˌburaŋa (Nominativ. от ˈaˌbura 油).

[2] Мнение профессора Л. В. Щербы. Начальное ударение в архаической латыни указывается между прочим качественными переходами гласных непервых слогов (бывших в ту эпоху неударенными), напр. conficio вместо con + facio.

ного и начального ударений) видеть след обще-алтайской «двухполюсности» ударения.

Но кроме силового (или экспираторного) ударения в языках встречается так называемое *музыкальное* (или *тоническое*) ударение (или акцентуация), основанное на выделении части слова (слога, или части слога, или даже нескольких рядом стоящих слогов, как в западно-японском) по относительной *высоте* голосового тона. Музыкальное ударение существовало в обще-индоевропейском языке, и сохранило свой музыкальный характер в ведаическом санскрите, в древне-греческом языке, в литовском и латышском, а из славянских языков — в сербском. Кроме того муз. ударение известно напр. в китайском, тибетском (и в прочих «тибето-китайских» языках), аннамском, малайском, японском, аинском, многих африканских языках («банту» и других),[1] наконец в шведском (в виде позднейшего явления и наряду с системой экспираторной ударяемости).[2] В языках же русском, немецком, французском, английском и громадной массе других (напр. турецких и т. д.) нет определенного музыкального ударения, т.-е. нет определенной мелодии голосового тона для отдельных слов, и различия в высоте голосового тона используются лишь для таких надобностей, как выражение вопроса (— восходящая интонация) или сказуемости (нисходящая интонация — в русском напр.) или же различных чувств (т. е. синтаксизуются и эмфатизируются).[3]

---

[1] Для ознакомления же с африканскими явлениями укажу на книгу Panconcelli-Calzia «Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft» стр. 105 сл.

[2] А ввиде исключения мелодические различия могут служить для дифференциации слов (точнее — форм слова) и в эстонском, — см. ниже.

[3] Но качество этих синтаксических и эмфатических интонаций варьируется все таки, по разным языкам, и даже диалектам. Сравн. напр. узбекскую или же азербайджанскую «мелодию сказуемости»: обе отличаются, как одна от другой, так и от русской. Ср. Panconcelli-Calzia «Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft» S. 110. «Ein Hamburger fragt z. B., indem er im Hochton einsetzt, um am Ende des Satzes einen tief-hohen Sprung zu machen; der Hesse bewegt sich dagegen bei derselben Frage in mittel-tiefer Richtung und geht am Ende steil nach der hohen Lage; der Schwabe zeichnet

В системах муз. ударения следует различать системы «музыкального слогоударения» (Musikalischer Silbenakzent) и «музыкального словоударения» (Musikalischer Wortakzent).

Первое (музыкальное слогоударение — Mus. Silbenakzent) мы встречаем, напр., в китайском [это так называемые «тоны» (в Пекинском[1] их 4, см. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка»); кроме того в китайском существует и словоударение, но уже силовое, экспираторное], в тибетском, бирманском, сиамском, аннамском, латышском и сербском.

В таких системах («муз. слогоударения») принципиально различаемые мелодии голосового тона умещаются внутри одного слога[2] (в языках же с «Musik. Wortakzent'ом» это встречается лишь ввиде исключения — напр. в Киотоском говоре в противоположении *односложных слов* e˩: 繪 ˩e:˥ 柄 ˩eʟ: 餌).

В качестве примера систем «Musik. Sylbenakzent'a» приведу кратчайшую характеристику 1) муз. акцентуации кит. говора Цзинь-чжоу-фу 金州府 Фынтянской (Мукденской) провин-

---

sich durch den ausdrucklichen tief-hohen Verlauf aus (Fig. 154)». Что касается русской фразовой мелодики, то она особенно богата интервалами, т.-е. сильными повышениями и падениями голосового тона (в противоположность, например, английскому языку). Не мало специфического мы найдем и в интонациях отдельных русских диалектов: ср. напр. интонацию русских Семиречья, которая для нас настолько непривычна, что позволяет смешивать вопрос с утверждением (наблюдения проф. Петерсона).

[1] В других же говорах число «тонов» доходит до 8 (в Синьнинском же насчитывается 10 тонов, но из них четыре являются «жу-шэн'ами», т. е. представляют собой ничто иное, как осложнение 4 разных тонов заключительным [ʔ] т.-е. гортанной смычкой). Менее четырех тонов имеет дунганский говор (с 3 тонами: Пекинскому 1-ому и 2-ому соответствует один тон) и единичные Шаньдунские говоры (с совпадением обоих кратких тонов: 2-го и 4-го), приближающиеся, таким образом, к системе некоторых латышских говоров (но без «прерывистой долготы»).

[2] Обыкновенно эта мелодия явно слышна (и играет существенную роль в словоразличении) тогда, когда она приходится на экспираторно-ударенный слог (многосложного слова); но возможно бывает, все-таки, — хотя-бы и факультативное, — выявление мелодии и в неударенных в силовом (экспираторном) отношении слогах. Это тем более доказывает, что тут мелодия является внутренней принадлежностью данного слогопредставления, а не всего слова (многосложного).

ции, 2) муз. акцентуации в латышском говоре, обладающем наибольшим числом данных различений (по описанию А. П. Абель, op. cit.).

1. В говоре Цзинь-Чжоу-Фу различаются (при наличии экспираторной ударенности данного слога; в противном случае мелодия, присущая слогу, стушевывается)[1] след. 4 мелодических представления, характеризуемые также и количественным признаком — как «долгие» и «краткие» тоны:

1-ый тон (соответствующий Пекинскому «ровному» 1 тону): долгая или двойная, восходяще-нисходящая мелодия [ˆ], напр. t'a ˆ 他 «он» (Пек. t'a¯), ma ˆ 媽 и т. д.

2-ой тон: краткая или ординарная, восходящая мелодия [ˊ], напр. maˊ 麻 «конопля».

3-ий тон: долгая или двойная, нисходяще-восходящая мелодия [ˇ], напр. ma ˇ 馬 «лошадь».

4-ый тон: краткая или ординарная, нисходящая мелодия [ˋ], напр. maˋ 罵 «ругаться».

Примечание. Так как принадлежность кит. «тонов» к двум количественным категориям: долгих и кратких (по кит. терминологии 仄 平) мелодий, существовала и в эпоху создания канона кит. поэтической техники, и в кит. стихах чередуются именно не сами тоны, а категории тонов, то китайское стихосложение оказывается *метрическим* (как и древне-индийское, древне-греческое, персидское и т. д.).

2. В латышском говоре, описанном А. П. Абель, существует 3 вариации долгих слогов (с долгими гласными или дифтонгами):

1) с восходящей мелодией

2) с нисходящей мелодией

3) с прерывистой долготой, т. е. с [ˀ] посредине гласного — напр. [neˀe] «нет».

[1] Но может и выявляться — при особых на то условиях — напр. при чрезмерно отчетливом и медленном произношении всех слогов слова. Основанием для выявления (в таких случаях) определенной мелодии неударенного слога служит чередование одной и той же морфемы-слога между неударенной и ударенной позициями.

Краткие же слоги по мелодии не дифференцируются.[1]

Музыкальное словоударение (Musik. Wortakzent) присуще языкам: японскому, аинскому, тагальскому (и др. малайским), а также шведскому и норвежскому.

Приведу в качестве примера систему муз. акцентуации двух западно-японских говоров: Киото и Тоса (дер. Мороги). Восточно-японская же, именно Токиоская система акцентуации описывается ниже — в «Фонетической характеристике японского языка», третья же — южно-японская (наиболее простая система различений) уже описана выше (по говору дер. Мие Нагасакской префектуры).

Характеристика западно-японской системы музыкальной акцентуации.

(Акцентуация в Киото (k'o:to) и Тоса).

Слово определяется (в говорах Киото и Тоса) одним периодом высокого голосового тона на протяжении его звукового состава.

Единицей количественного измерения этого периода является мора — один краткий слог или половина долгого (при этом, специфическим отличием Киотоского от говора Тоса являются ограниченные определенной позицией случаи, когда повышение занимает лишь половину моры).

Место и длина «*высокого периода*» не предопределены каким-либо общим правилом. Он может занимать, как начало, так и середину, и конец слова (Киотоские примеры — ⌜a⌞bura, ha⌜ta⌞ke, naŋa⌜sa), с другой стороны — может состоять из двух и более рядом находящихся (смежных) мор (Тоса ⌜nama⌝⌞du «сом», ⌜atu⌝⌞i «толстый», — отлично от ⌜a⌞tui «жаркий»; Киото ⌜mame⌝⌞na «здоровый»; Тоса o⌜saked'a⌝⌞: — Praedicativus[2] от ⌜sake⌝ с пре-

[1] Как и в Токиоском и в Тосаском говорах яп. языка (см. ниже), или в тех из Шаньдунских кит. говоров, которые смешали 2-ой и 4-ый тоны.

[2] Следовательно o-sake-d'a: значит «это — вино», являясь эквивалентом Токиоск. osakeda, Киотоск. osakeja (в Нагасакском же в главных предложениях вместо Praedicativ'a — бессуфиксальный падеж).

фиксом o⌋-) и может наконец занимать весь состав слова (⌜ko-domo⌝, ⌜sake⌝, ⌜hana⌝ «нос» — отлично от ⌜ha⌊na «цветок»). В последнем случае мы имеем одинаковую высоту всех слогов слова, которое однако принципиально сознается состоящим из ряда *высоких*, а не низких слогов (или мор), так как при присоединении обязательно низких по тону аффиксов этот ровный по мелодии ряд слогов оказывается высоким (например, когда в говоре Тоса, к ⌜sake⌝ присоединяется o-⌋ и обязательно низкий по тону суффикс Additiv'a ⌊mo или Illativ'a — ⌊e, — ⌊o⌜sake⌝⌊mo «и вино», o⌋⌜sake⌝⌊e или o⌜sake⌝⌊: «в вино»). Слов, в которых не было бы высокой части, не существует (форманты безусловно не могут рассматриваться, как самостоятельные слова), хотя часто высокой из всего состава слова оказывается только одна мора в каком-нибудь долгом слоге (примеры ho:bo⌜:⌊ki заглавие известного классич. сочинения, ko⌜n⌊do, śi⌜m⌊bo «ось», ho⌜:⌊bo:-kara).

Примечание. О превращении слов с конечной высокой морой (в Киото) в слово сплошь из низких мор — под влиянием Satz-sandhi — будет сказано ниже.

Из сказанного вытекает возможность существования следующих акцентуационных типов различения двухморных слов:

1) Тип с повышением на первой море.

⌜ha⌊na «цветок», ⌜ne⌊ko «кошка», ⌜i⌊ke «пруд», ⌜ku⌊ri «каштан», ⌜to⌊ki «время», ⌜ma⌊me «боб», ⌜ku⌊mo «облако». Это тип, названный Meyer'ом[1] *akzent* 1, для которого им приводится кривая (fig. 3 на стр. 83) *tsuru* (bogensehne). Нормальным соответствием словам этого типа в Киотоском и Тосаском в других диалектах служат:

в Токиоском (и других восточных) — тип с ударением на втором слоге, которое не переходит на слог суффикса: Токиоск. ha⌜na «цветок» (Nomin. ha⌜naŋa, Subjectiv. ha⌜nawa Dat.-Loc. ha⌜nani), to⌜ki «время» и т. д.

[1] Ernst A. Meyer «Der musikalische Wortakzent im japanischen» — Le Monde Oriental, 1906, 77—86.

в Нагасакском — окситонный тип ha⌜na (hana⌜no, hana⌜:, han'a⌜:), to⌜ki и т. д.

2) Тип с высоким тоном в обоих морах.

⌜hana⌝ нос, ⌜uśi⌝ корова — бык, ⌜kaki⌝ назв. плода, ⌜kani⌝ (Тоса ⌜gane⌝) краб, ⌜kane⌝ деньги, ⌜sara⌝ тарелка, ⌜take⌝ бамбук, ⌜kući⌝ (Тоса ⌜kut'i⌝) рот.

По Meyer'y это — *akzent* 2, для него кривая Fig. 4 на стр. 83 op. cit. — *tsuru* (angeln). В Токиоском ему соответствуют «дзэнхэи» (см. мою работу «Муз. ударение в гов. Токио» Изв. Ак. Н. 1915, стр. 1617), т.-е. слова, переносящие ударение на последний слог суффикса: hana «нос» (hanaŋa, hanawa, hanani с факультативным повышением на -ŋa, -wa, -ni), а в Нагасакском — баритонные: ha$_{\text{L}}$na (hana$_{\text{L}}$no, hana$_{\text{L}}$:, han'a$_{\text{L}}$:) — ha$_{\text{L}}$na ha na$_{\text{L}}$no ha na $_{\text{L}}$:

и т. д. То же соответствие в глагольных формах Praesens'a:

Киото и Тоса ⌜iku⌝ «идет» || Токио iku || Нагас. i$_{\text{L}}$ku

Киото и Тоса ⌜kiru⌝ «одевает» (не смешивать с ki⌜ru «режет») || Токио kiru || Нагас. *ki$_{\text{L}}$ru → ki$_{\text{L}}$: (в гов. деревни Мие).

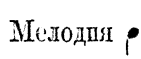
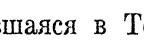
3) Тип с первой низкой и второй высокой морой. Он не отмечен Meyer'ом.

a⌜sa конопля, ka⌜sa колпак, no⌜do горло (происходит из *$_{\text{L}}$no⌜mito⌝), ka⌜me ваза, u⌜su ступка, u⌜mi море, i⌜ma «теперь», ku⌜zu «ветошь». В Тоса слова этого типа не отличаются по мелодии от следующего типа (в Casus indefinitus), но характерным их признаком служит то, что при присоединении суффикса, способного чередоваться по высоте тона (т.-е. способного быть — после конечной высокой моры основы — тоже высоким, каковы, например, суффиксы -ga, -no, -ɲi, социативное -to, суффикс Sybjectivi *pa и др.), повышение простирается вместе с последним слогом основы и на суффикс: так от a⌜sa «конопля»:

Nomin. a⌜saga⌝, Subject. a⌜sa ← a⌜sawa⌝ ← *a⌜sa-pa⌝, Dat.-Loc. a⌜saɲi⌝, Accus. a⌜sa ← a⌜sao⌝.

Те же падежи от no⌜do «горло»:

no⌜doga⌝, no⌜da ← no⌜dowa⌝,
no⌜dopi⌝, no⌜do ← no⌜do-o⌝.

Мелодия  в подобных трехморных комплексах, сохранившаяся в Тоса, может восстанавливаться в качестве общезападно-японской (а также обще-японской), и замена ее Киотоской мелодией  (точнее , ибо Киотоские asa⌜ŋa, asa⌜wa, asa⌜ni произносятся с постепенным повышением от первого к третьему слогу) является новшеством.

В Токиоском в словах этого типа соответствует повышение на 1-м слоге (⌜kasa, ⌜usu, ⌜umi, ⌜nodo), но Токиоское a⌜sa «конопля» составляет исключение — слово, повидимому, заимствовано из западного диалекта.

В Нагасакском соответствием служит окситонный тип (ka⌜sa, u⌜su, u⌜mi и т. д.), в котором совпали — из 4-х обще-японских типов двухморных слов — три, т.-е. все кроме предшествующего (*⌜pana⌝ «нос» → Киото и Тоса ⌜hana⌝ || Нагасаки ha⌊na с баритонной мелодией).

То же соответствие в глагольных формах Praesentis: Киото и Тоса no⌜mu «пьет» || Токио ⌜nomu || Нагасаки no⌜mu, Киото и Тоса ki⌜ru «режет» || Токио ⌜kiru || Нагасаки ki⌜ru → ki⌜: (говор дер. Мие).

4) Киотоский (отсутствующий в Тоса) тип с нисходящим повышением на второй море. Первая мора — низка, на второй голосовой тон сильно повышается, чтобы тотчас же опять упасть к концу этой моры. Мору, на которую приходится это нисходящее повышение, я буду обозначать циркумфлексом ^. У Meyer'a op. cit. это — Киотоский *akzent* 3; кривая для него — *tsuru* (kranich).

asâ утро, curû журавль, kamê черепаха, kuzû мука аррорут, kaŋê тень, kumô паук, sarû обезьяна.

На основании некоторых корейских соответствий, (а также

на основании некоторых других этимологий) нисходящее повышение можно считать рефлексом исчезнувшего конечного носового): [1] asâ ‖ кор. acam «утро», curû ← turû ‖ кор. turum «журавль».

В Тосаском отличие нисходящего повышения от простого уже утратилось, но сохранился обусловленный им (— в силу того, что суффикс продолжает собою тон последнего элемента основы —) низкий тон следующего суффикса, почему следовательно склонение a⌜sa ← asâ «утро» — *a⌜sa⌞ga (из *asâga), a⌜sa⌝⌞ni (из *asâni) и т. д. отличается от склонения a⌜sa «конопля» a⌜saga⌝ a⌜sani⌝ и т. д. во всех падежах, суффиксы которых способны чередоваться по тону (т.-е. быть высокими или низкими в зависимости от последней моры основы). Другой пример этого различия — диалектический (Тосаский) Casus temporalis (дефективный по употреблению падеж) на -r'a от a⌜sa (← asâ) «утро» и i⌜ma (*i⌜ma) «теперь» — a⌜sa⌞r'a «утром», но i⌜mar'a⌝ «теперь». В Токиоском и Нагасакском, естественно, не сохранилось никаких следов «нисходящего повышения» и слова этого типа отражаются одинаково с предшествующим — Токио ⌜asa «утро», Нагасаки a⌜sa «утро» (из *asâ); Токио ⌜curu «журавль», Нагасаки cu⌜ru «журавль» (из *turû).

Перечисленные четыре типа двухморных слов сохраняют значимость и в том случае, если слово состоит не из двух кратких, а одного долгого слога. При этом в Киотоском в данные четыре типа входят все односложные слова, — как те, которым и в Токиоском соответствует долгий слог, так и те, киотоская долгота

[1] Допуская таким образом ауслаутные носовые для дояпонской эпохи, предшествовавшей формации общеяпонских парных звонких (b, d, g, z), получается возможность объяснить появление звонких на месте глухих в начале второй части Compositi (в интервокальной позиции, как в Тосаск. turi-za:, Ток. curi-sawo удочка из turi + sawo «удильный шест», или в so-date из so + tate) морфологическим обобщением тех случаев, где первая часть Compositi оканчивалась на носовой, вошедший в формацию звонкого вместе с начальным глухим второй части (напр. m-k в *asam-kaро > asagawo название цветка, где *asam «утро») и заменившийся — при изоляции данной морфемы (т.-е. вне Compositi) — нисходящим повышением (*asam → asâ «утро»).

гласных которых является вторичной — в результате диалектического удлинения всех одноморных основ (ср. аналогичный процесс в рюкюском). Таким образом в Киото двухморными являются не только hoː (из Го-он'ного *poɸu, или Кан-он'ного *paɾu ← кит. *faɾ) — «закон», hoː (из *paɯ ← *paM ← кит. *faɳ), «сторона», но и hoː: «парус» (Токио ˩hoː), hoː: «колос» (Токио ˥hoː). Для случаев последнего рода я буду, однако, при обозначении Киотоской долготы условно употреблять не двоеточие, а точку вверху строки (ho·), имея под этим в виду, что образованные киотосцы склонны сокращать данные долгие гласные под влиянием стандартного языка (и орфографии). В Тоса же удлинение таких гласных свойственно только одному акцентуационному типу и не относящиеся к нему случаи соответствий с Токиоской одноморной основой также одноморны и потому мелодически не дифференцируются, пока не даны суффиксальные формы. Поскольку же, однако, суффиксальные падежи выясняют акцентуационные различия этих основ и в Тоса, мы вправе считать, что в обще-западно-японскую эпоху односложные основы мелодически дифференцировались даже несмотря на краткость их гласных (подобно тому как краткий слог был достаточным субстратом для представления «нисходящего повышения» на конце двусложных основ). Ясно, однако, что дифференциация эта была исторически-неустойчивой (так как представление мелодии внутри краткого гласного только указанными двумя случаями — в односложных, напр. *pî «день, солнце» и на конце двусложных основ, напр. asâ «утро» — и ограничивалось) и для диалектического развития представлялись возможными два пути: удлинение слога, обеспечившее в Киотоском сохранность мелодической характеристики этого слога, или же утрата ее, имевшая место в случаях сохранения краткого гласного в Тосаском.

Киотоские примеры односложных основ:

1) Тип с нисходящей мелодией: ˥toː: погода, ˥to˩: десять, ˥sa˩i игральная кость, ˥ho˩ŋ книга; ˥çi˩· день, солнце, ˥e˩· корм.

ˈha$_{\text{L}}$· лист, ˈha$_{\text{L}}$· зуб (два последние слова — гомонимы в Киото и Тоса, но различаются по акцентуации в Токио и Нагасаки), ˈna$_{\text{L}}$· имя, ˈke$_{\text{L}}$· волос, ˈne$_{\text{L}}$· цепа. В тех примерах, где стандартный (respective Токиоский) язык имеет краткий гласный (ˈçi$_{\text{L}}$· «день, солнце», ˈe$_{\text{L}}$· «корм» и т. д.), образованные киотосцы также обычно сокращают слог и склоняют, таким образом, вместо ˈçi$_{\text{L}}$·-ŋa, ˈçi$_{\text{L}}$·-wa, ˈe$_{\text{L}}$·-ŋa, ˈe$_{\text{L}}$·-wa — ˈçi$_{\text{L}}$ŋa, ˈçi$_{\text{L}}$wa, ˈe$_{\text{L}}$ŋa, ˈe$_{\text{L}}$wa. Точно такая же акцентуация присуща этим основам и в Тосаском: ˈhi$_{\text{L}}$ga, ˈhi$_{\text{L}}$wa «день, солнце», ˈe$_{\text{L}}$ga, ˈe$_{\text{L}}$wa «корм» и т. д. При изоляции же (т.-е. в Casus indefinitus) основы hi день, e корм и пр. не имеют в Тоса мелодической характеристики.

2) Тип с ровным (высоким) голосовым тоном: ˈho:˥ закон, ˈsaŋ˥ три, ˈoŋ˥ самец; ˈçi·˥ памятник, ˈe·˥ рукоятка, ˈkɪ·˥ дух, ˈho·˥ парус, ˈko·˥ дитя, ˈgo·˥ пять, ˈku·˥ девять, ˈka·˥ комар, ˈi·˥ желудок (*wi), ˈći·˥ кровь, ˈto·˥ дверь. У образованных киотосцев и в Тосаском основы ˈçi·˥ памятник, ˈe·˥ рукоятка (в Тоса hi, e) и т. д. склоняются в виде ˈçiŋa˥ (Тоса ˈhiga˥), ˈçiwa˥, ˈeŋa˥ (Тоса ˈega˥), ˈewa˥ и т. д.

Поскольку трудно разобраться в восточных и южных соответствиях для предыдущего типа, постольку для данного определенно констатируется соответствие с неударенными одноморными основами в Токиоском ($_{\text{L}}$e рукоятка, eŋa, ewa и т. д.) и с баритонными в Нагасакском ($_{\text{L}}$je — je$_{\text{L}}$ga, je$_{\text{L}}$wa).

3) Тип с восходящей мелодией: kˈoˈ: сутры, ʒuˈ: десять, oˈŋ милость, haˈi легкие, çiˈ· огонь, eˈ· картина (*we), kiˈ· дерево, hoˈ· колос, koˈ· мукá, oˈ· хвост (*wo), niˈ· два, taˈ· рисовое поле, teˈ· рука, meˈ· глаз, juˈ· кипяток. В Тоса при этом акцентуационном типе мелодия изолированной основы сохраняется (благодаря удлинению гласного в Casus indefinitus): hiˈ· огонь, eˈ· картина, таким образом, дифференцируется от hi день или hi памятник, e корм или e рукоятка. Суффиксальные падежи, однако, как и у образованных киотосцев: hiˈga (Киото çiˈŋa), hiˈwa, eˈga (Киото eˈŋa), eˈwa. В Токиоском одноморным основам этого типа отвечают ударенные (ˈçi, ˈe, ˈki; — ˈçiŋa, ˈeŋa, ˈkiŋa — Nom.

от огонь, картина, дерево). Сравни поэтому, например, *Токиоские* ⌜kiŋa Nom. «дерево» и $\overline{\text{kiŋa}}$ (факультативно ki⌜ŋa) Nom. «дух» (от ⌞ki) или ⌜çiŋa Nom. «огонь» и $\overline{\text{çiŋa}}$ (факультативно çi⌜ŋa) Nom. «солнце» (от ⌞çi).

4) Тип с нисходящим повышением на второй море или с восходяще-нисходящей мелодией долгого слога (я не берусь решить, присуще ли нисходящее повышение только второй море или же три последовательных периода голосового тона: низкий → высокий → низкий, приблизительно могут быть количественно равными): Киото ho:̂ щека, aî индиго (в Тоса a⌜i — Nominativ. a⌜i⌞ga; сравни с a⌜i < a⌜ju название рыбы, где Тосаская форма Nominativi звучит a⌜iga⌝).

Тип этот чрезвычайно редок и так как он образуется исключительно из стяжения в один долгий слог двусложных основ с конечным нисходящим повышением (ho: из *poρô, aî из awî), то одноморные соответствия ему в стандартном языке, понятно, невозможны. В Тоса этот тип отсутствует, но a⌜i индиго сохраняет признак своего происхождения из aî (*awî) в склонении (a⌜i⌞ga, не a⌜iga⌝), тогда как ho⌜: щека вполне отошло к предшествующему типу (ho:⌜ga или ho⌜:ga⌝, в Киото же ho:̂⌞ŋa).

Как видно из сказанного, средства акцентуационного словоразличения в Тоса не расчитаны на представление одноморного слова, что и понятно, если вспомнить чрезвычайную редкость и морфологически-аномальный характер слов, состоящих из одного краткого слога. В числе их могут быть или Casus indefinitus от небольшого числа одноморных именных основ или же Nomen verbale от нескольких глаголов (si, ki приходить, ki одевать, mi, de, i, e). Но Nomen verbale в Тоса, в отличие от Киото (где данные однослоги удлинены), не употребляется в императивном значении, а Casus indefinitus имеет минимальные функции (как и в других говорах за исключением южных). Поэтому понятно что основы в роде hi- «день», hi- «памятник» усваиваются из суффиксальных форм ⌜hi⌞ga, ⌜hi⌞wa (день) и ⌜higa⌝, ⌜hiwa⌝ (памятник) и т. д. и

Casus indefinitus hi в современном мышлении вторичен по отношению к этим суффиксальным формам. В Токиоском, как я указывал в статье «Муз. ударение в гор. Токио», при аналогичном различии ударенных и неударенных одноморных основ только в склонении (ˈçi- и ˌçi- — в ˈçiŋa, ˈçiwa и $\overline{\text{çiŋa}}$, $\overline{\text{çiwa}}$), есть возможность намеренной дифференциации их и в Cas. indef.: одно çi — абсорбируется из ˈçiŋa, ˈçiwa с характером высокого и экспираторно ударенного слога, другое — (из $\overline{\text{çiŋa}}$, $\overline{\text{çiwa}}$) в качестве низкого и слабого.[1] Но в тосаском ˈhiˌga и ˈhiga˥ первые слоги (ˈhi) одинаково характеризуются, как высокие, и потому не представляют столь благоприятных условий для дифференциации. Тем не менее она оказывается все-таки допустимой, так как в самом исходе слога hi в составе ˈhiˌga «день» наблюдается некоторое понижение, немного предваряющее низкий тон следующего слога, а hi в составе ˈhiga˥ «памятник» сохраняет высокий тон на всем протяжении гласного, и моему объекту, уроженцу Morogi в Тоса, удалось фиксировать и сохранить в изолированном произношении эти оттенки. Социальная ценность этого намеренного различения, однако, ничтожна: оба оттенка hi оцениваются слушающим, как фонетически одинаковые, и потому ассоциируются с обоими смысловыми представлениями; он начинает улавливать дифференциацию только тогда, когда сам сознательно ищет ее признаков и фиксирует таким образом деталь, бывшую до тех пор ниже его порога звукоразличения. Но в этом случае намек на понижение тона, если он только уловлен, понимается слушающим так же, как и произносящим, т.-е. ассоциируется непременно с hi — в ˈhiˌga «день» (а не с ˈhi-ga˥ «памятник»),

---

[1] Параллели для таких потенциальных словоразличений можно указать и в русском (великорусском); напр. пруд и прут, плод и плот *могут* произноситься с разными конечными согласными (d и t) под влиянием ассоциации с d и t косвенных падежей; другой пример: дифференциация неударенных гласных в *она мила* и *она мела*. Конечно, для осуществления этой (факультативной) дифференциации нужны особые условия: когда, напр., учитель диктует: «это — не плот, а плод», и т. п.

в чем легко бывает убедиться посредством диктовки между двумя объектами.

Что же касается основ третьего типа (hi⌜· — hi⌜ga, hi⌜wa «огонь»), то их принципиально отличная интонация (низкий по отношению к следующему слогу тон) не могла остаться незамеченной, но и не могла выразиться при изоляции основы иначе, как посредством удлинения гласного — ибо это прием, обычный для Тосаского в случаях потребности сохранить семантически-существенный акцентуационный признак. Сошлюсь для подтверждения (того, что Тосаский пользуется удлинением гласного, чтобы сохранить семантически-существенную мелодию этого гласного) на долгий гласный в Accusat. от a⌜sa (*asâ) «утро» — a⌜sa$_{\text{L}}$: из a⌜sa$_{\text{L}}$o, тогда как обычно стяжение a с суффиксальным o дает краткое a (например Accusat. от a⌜sa «конопля» — a⌜sa ← a⌜sa-o⌝ «коноплю»).[1] Другой пример, sa⌜ra$_{\text{L}}$: (из sa⌜-ru$_{\text{L}}$wa) — Cas. Subjectiv. от sa⌜ru (sarû) «обезьяна», но в ⌜mida⌝ ← ⌜midu-wa⌝ (Cas. Subj. от «вода») и в jo⌜ra ← jo⌜ru-wa⌝ (Cas. Subj. от «ночь») мы видим краткий гласный a. Третий пример: суффикс Conditionalis *-e-(p)a дает a (с мягкостью предшествующего согласного), если оба его слога принадлежали к низким по тону, и a:, если глагольная основа предполагает повышение на *-e-суффикса: ⌜jo$_{\text{L}}$b'a < *⌜jo$_{\text{L}}$b-e-(p)a (от ⌜jobu⌝ звать), но jo⌜m'a$_{\text{L}}$: < jo⌜me$_{\text{L}}$(p)a (от jo⌜mu читать). Четвертый пример: суффикс Praedicativi — *⌜de-$_{\text{L}}$a дал -d'a (Токио -da, Киото -$_{\text{L}}$ja) после конечного низкого, но ⌜d'a$_{\text{L}}$: после конечного высокого элемента основы: ⌜ha$_{\text{L}}$nad'a < *⌜pa$_{\text{L}}$na-de-a «это — цветок», a⌜sa$_{\text{L}}$d'a <

---

[1] Подобные формы Accusativi, совпадают и с Cas. indefin. и с Cas. Subject (asa ← asa-wa). Констатировать эти правильно-фонетически развившиеся Accusativ'ы и Subjectiv'ы Тосаского диалекта было не легко, так как они наличны только в синтаксическом Sandhi (Acc. — a⌜sa ka⌜ru «жнет коноплю», Subject. — ⌜hana⌝ ⌜ta$_{\text{L}}$kai «нос высок (т.-е. велик)»), перед паузой-же готовы проясниться в морфологически-подновленные дублеты a⌜sao⌝, ⌜hanawa⌝. Существование этих кратких форм тем не менее бесспорно — именно как Accus. и Cas. Subject., но не Casus indefinitus.

asá$_{\text{L}}$-de-a «это — утро»; но ⌜hanad′a⌝$_{\text{L}}$: < *⌜pana-de⌝$_{\text{L}}$-a «это — нос»; a⌜sad′a⌝$_{\text{L}}$: < *a⌜sa-de⌝$_{\text{L}}$-a «это — конопля».

Тот же фактор — стремление сохранить семасиологически — нужную интонацию — здесь удлинил и гласные восходящих однослогов: основ типа ki⌜· > ki⌜: «дерево» и т. п.

Переходя к словам из трех и более мор, важно отметить, что Киотоский в противоположность Тосаскому сильно упростил акцентуационное разнообразие трехморных комплексов, допустив замену их начального или конечного двусложного повышения односложным (т.-е. поставив вместо и вместо). Таким образом благодаря первому из этих упрощений (→) в Киотоском совпало два типа именных трехсложных основ, различающихся в Тосаском: ⌜a$_{\text{L}}$mura масло и ⌜nama⌝$_{\text{L}}$du сом — в Киотоском ⌜a$_{\text{L}}$bura, ⌜na$_{\text{L}}$masu и исчезло различие между двумя акцентуационными типами прилагательных: ⌜si$_{\text{L}}$roi белый, ⌜a$_{\text{L}}$tui «жаркий» и ⌜aka⌝$_{\text{L}}$i «красный», ⌜atu⌝$_{\text{L}}$i «толстый» — в Киотоском ⌜śi$_{\text{L}}$roi, ⌜a$_{\text{L}}$kai, ⌜a$_{\text{L}}$cui «жаркий» и «толстый» (подробнее об этом явлении в моей статье «Акцентуация японских прилагательных с двухсложной основой» в Изв. Ак. Н. 1917 г.). Эта конвергенция (двусложного начального повышения с односложным) не повела, однако, к полному исчезновению слов типа в Киотоском, так как данная мелодия () сохранялась, если была обусловлена акцентуационными признаками составных частей слова, например, в падежах с обязательно низким тоном суффикса (таковы м. пр. Illativus, Additivus, Limitativus, Attributivus, Comparativus и один из Praedicativ'ов, суффиксы которых -e|i, -mo, -made, -na, -jori, -ja не чередуются по тону в зависимости от последнего элемента основы, а бывают низкими после всяких основ) от ровных двусложных

основ, например ⌜hana⌝-i, ⌜hana⌝⌞mo, ⌜hana⌝⌞ja, ⌜mame⌝⌞na («здоровый» Attributivus от ⌜mame⌝ «здоровье»).

Переход же ˈ˥˥ > ˈˈ˥ (пример: Тоса o⌜sagi⌝ — Киото usa⌜ŋi заяц) является частным случаем минимализации многоморного конечного повышения (до одной моры), которая проведена была с безысключительностью и сделала многоморные периоды высокого тона на конце слова совершенно невозможными в Киотоском.

Таким образом вместе с изменением Cas. indef. *u⌜saŋi⌝ > usa⌜ŋi, высокий период был сокращен до одной моры и в суффиксальных падежах: *u⌜saŋi-ŋa⌝ > usaŋi⌜ŋa, *u⌜saŋi-wa⌝ > usaŋi⌜wa (при низком тоне суффикса *u⌜saŋi⌝⌞e > usa⌜ŋi⌞:, *u⌜saŋi⌝⌞mo > usa⌜ŋi⌞mo). Другой пример: комплексы, состоявшие из первого низкого и прочих высоких слогов, именно представлявшие сочетание префикса o⌟- (обязательно низкого по тону) с ровной высокой по тону основой (например Тосаские o⌜sake⌝, o⌜maturi⌝), получили в Киотоском повышение только на последней море: osa⌜ke, omacu⌜ri (суффиксальные падежи: osake⌜ŋa, omacuri⌜ŋa, osake⌜wa, omacuri⌜wa, но при обязательно низком по тону суффиксе — osa⌜ke⌞mo, omacu⌜ri⌞mo).

Описанное частичное устранение многоморных повышений в Киотоском (представляющее переходный этап по отношению к Токиоской системе исключительно одноморных повышений)[1] являлось конвергенцией представлений многоморных и одноморного повышений и именно в качестве таковой отразилось на физическом составе новой мелодии. Так Киотоское ˈ˥˥ в противоположность Тосаскому (⌜a⌞mura) произносится в сущности с постепенным понижением от первого слога к третьему через промежуточную высоту второго, т.-е. в виде ˈ˥˦, являясь сле-

[1] В частности факультативное повышение на последней море токиоских дзэнхеев есть результат конвергенции ровной мелодии (Киото ⌜kodomo⌝) с доминирующим в Киото конечным одноморным повышением (usa⌜ŋi).

довательно компромиссом между мелодиями ˥˦˦ (Тоса ˥a˩mura) и ˦˥˦ (Тоса ˥nama˧˩du), к смешению которых данный Киотоский рефлекс (˦˥˦ в ˥a˩bura, ˥na˩mazu) и восходит. Оговорив эту комбинаторную «полуповышенность» соседней с повышением моры в Киотоском (имеющую место, как при понижении, так и при повышении голоса на протяжении слова, следовательно и при ˦˦˥ = ˦˥˥, например, в naŋa˥sa < *na˥ŋasa˧˩), я не считаю нужным отмечать ее в транскрипции, символы которой я употребляю исключительно с психофонетическим значением.

Как видно из сказанного, Тосаский существенно показательнее Киотоского для восстановления обще-японской акцентуации, так как изменения в нем коснулись лишь мелодии слога, а границы между высокими и низкими слогами в общем не передвигались, что можно подтвердить рядом примеров из морфологии. Здесь следует назвать, однако, еще один (хотя и факультативный) сдвиг, допускаемый Тосаским в мелодии слога: повышение, начинающееся со второй моры долгого слога и простирающееся на следующий слог (или ряд слогов), факультативно опаздывает на одну мору, т.-е. может начинаться только со следующего слога: таким образом нет, например, принципиальной разницы между акцентуациями k'o˥:ga˧˩ и k'o:˥ga — Nomin. от k'o˥: «сутры (кит. цзинъ)», o˥ŋga˧˩ и oŋ˥ga — Nomin. от oŋ «милость», (но при следующем низком по тону слоге такое опаздывание, конечно, недопустимо: k'o˥:˩mo «и сутры», o˥m˩mo «и милость»).

Все вышесказанное имеет ввиду акцентуацию изолированного из контекста слова. По крайней мере для Киотоского[1] я мог констатировать, что мелодия слова может несколько модифицироваться:

I. Влиянием Satz-sandhi; сюда относится следующее явление: конечная «единственно высокая» мора слога перед высоким нача-

[1] Тосаских явлений я здесь не затрагиваю; укажу, что в общем Тосаские мелодии константнее Киотоских — в случаях эмфаза и Satz-sandhi.

лом следующего слова (в том числе и перед словом с ровной мелодией) бывает обыкновенно низкой, хотя проясняется в высокую при малейшей паузе между этими словами. Таким образом создается особый род (факультативно) ровного по мелодии слова, отличный от обычных ровных тем, что состоит из ряда низких (а не высоких — как в нормальных «ровных» словах типа ⌜hana⌝ нос) слогов (факультативно — из ряда низких кроме последнего), например ⌞haśiŋa⌟⌜sarani⌝ «палочки (для еды) на тарелке», при паузе же между обоими словами haśi⌜ŋa ⌜sarani⌝.

II. Влиянием эмфаза; я недостаточно уяснил себе значение этого фактора. Замечу только, что 1) конечный слог может приобретать факультативное повышение при паузе *внутри фразы*, например ⌜a⌞bura⌟ŋa — Nom. от ⌜a⌞bura «масло» может произноситься с вторым эмфатическим повышением как бы вроде ⌜a⌞bura⌜ŋa; 2) в некоторых морфологически-сложных комплексах, произносимых без эмфаза с одним повышением (и потому считаемых за одно слово), при эмфазе развивается второе повышение на определенном для каждого отдельного случая месте. Сюда относятся, следовательно, Neo-compositа, составной элемент которых факультативно проясняется (синтаксически и акцентуационно) на степень самостоятельного слова.

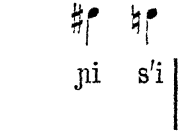
Физическая сторона западно-японской акцентуации (в противоположность материалам по восточно- и южно-японской) мною не фиксирована в форме цифровых (микроскопических) подсчетов инструментально-записанных кривых, так как непосредственной надобности в этом для общей характеристики данной акцентуационной системы не ощущалось.[1]

Интервал между высоким и низким периодами, поскольку я определял его по слуху, колеблется между полутоном и квинтой. Для Тосаского правильная квинта, кажется, является нормой при идеальной фонации, т.-е. при намеренно-отчетливом

[1] Хотя сырой материал инструментальных записей (кривые гол. тона через гортанную капсюлу) был мною в изобилии собран по обоим говорам — в Психологической Лаборатории Токиоского Университета.

выполнении произносительного намерения с целью выявить звуковой состав слов.

Но при этом слог, непосредственно предшествующий падению голоса на квинту, сам немного (приблизительно на полутон) понижен: так, например, Тосаское ˈnisiˈ˩buŋ [— с палатальным n, и с палатализованным s, т.-е. точнее: ɲisʲibuŋ] название местности — имеет такую мелодию:



т.-е. fa диэз (малой октавы), fa, si (большой октавы) — для мужского голоса.

Что касается до силового момента, то связь его с повышением, характерная для Токиоского, в западно-японском более чем сомнительна, и ни в каком случае не является принципиальной. Например, Киотоское ˈha˩pa я нередко воспринимал с «ударением», т.-е. с более сильной экспирацией на втором (т.-е. на низком или музыкально неударенном слоге), хотя перевес силы на этом слоге я никак не мог назвать значительным и хотя опять-таки это восприятие силовой ударенности второго слога отнюдь не было обязательным (для всех повторений слова).

Наиболее ясен силовой момент при минимуме длины высокого периода, т.-е. при Киотоском нисходящем повышении: например, asâ «утро» определенно оценивается, как ударенное на втором слоге.

Выпадение гласных наблюдается, как в низкой, так и в высокой части слова,[1] хотя надо заметить, что в Тосаском явление это наблюдается в очень и очень слабой степени. При падении

[1] Благоприятствующие факторы для падения гласных: их узость (и ı), соседство с глухими, позиция после спиранта или аффрикаты. В Токио к ним смело нужно присоединить неударенность (в последнем слоге Токиоских «дзэнхеев» выпадение гласного также невозможно, — ибо это слог — факультативно ударенный). В Нагасакском — при наличии тех же факторов (— благоприятствующих падению гласного: его узость, соседство с глухими, постспирантная или постаффрикатная позиция), участие в этом деле акцента — тоже несомненно, но требует специального описания (см. выше).

гласного в единственно-высоком слоге, мелодия выражается посредством нисходящего повышения в следующем слоге, напр., Киотоск. śtô < ⌜çi⌞to «человек».

Для иллюстрации приведу по образцу акцентуированной записи текста для говоров Киотоского и Тосаского (деревни Мороги):

I. Перевод на Киотоский говор общеизвестного текста «Солнце».[1]

o⌜çi⌞:saŋ. o⌜çi⌞:saŋŋa ⌜iwa⌝⌞hatta {или ⌜ju:⌝⌞niwa}. { ate⌜no ⌜na⌞•wa / ⌞ateno⌟ ⌜na⌞•wa }[2] ⌜çi⌞•t̀ci:masu.[3] { (w)ate⌜wa ⌜hora⌝ / ⌞(w)atewa⌟ ⌜hora⌝ }[4] { ⌜ki⌞rakira ⌜śitemasse⌝ / ⌜ki⌞rakiraśitemasse }[5] ⌞atewa⌟[6] ⌜çi⌞ŋaśikara ⌜aŋarimasu⌝⌞noja ⌜hośite⌝ ⌞ateŋa⌟[7] ⌜aŋaruto⌝ jo•⌜ŋa ⌜akeru⌝⌞nodosu. ⌞ateno⌟ ⌜a⌞kai ⌜ki⌞ŋkiŋśita[8] me•⌜de madô᷈o ⌜no⌞soite[9] o⌜ki⌞nnaraŋ ⌜ź̀i⌞kokujato ⌜śiraśitaŋemasu⌝. o:kiŋ⌜ka ne⌜bo⌞ke ⌜neteru⌝⌞nonara[10] ⌞atewa⌟ ⌜çika⌝⌞raśimaheŋ okîśite ⌜hatara⌝⌞itari ⌜ho⌞ŋ᷈o

[1] Текст этот принято брать за образец при фонетических записях на разных языках; так в журнале «Maître Phonétique», напр., можно найти записи этого текста на многих языках (эта стандартизация текста удобна потому, что позволяет обходиться без печатания перевода).

[2], [4], [6], [7] Окситонное слово (ate⌜-no «мой, мое», ate-⌜ŋa, ate-⌜wa «я») тесно (без паузы) примыкающее к следующему слову с начальной высокой морой, обычно утрачивает свое конечное повышение (⌞ateno⌟ и т. д.).

[3] Вместо ⌜çi⌞t̀ci masu может быть произнесено ⌜çi⌞• ⌜t̀ci:masu⌝ (← -te-iimasu): для последнего слога у меня отмечено конечное звонкое u (как и ниже в словах ⌜kabuttemasu⌝, ⌜teraśimasu⌝, ⌜śimasu⌝). Вообще в Киотоском u (после спиранта), повидимому, несколько устойчивее, чем в Токио (наибольшая же устойчивость кратких u, i встречена была мною в Тосаском).

[5], [8], [21] -śitemasse⌟ вм. ⌜śitemasse⌝ (из site-(w)imasu-se) и -ś(i)ta ← ⌜si⌞ta (Praeter. от ⌜suru⌝) — грамматикализация форм от ⌜suru⌝ (с утратой собственного повышения), которая часто встретится и ниже: напр. ⌜źikusaśi⌝-⌞mo-śimasu вм. ....-⌞mo ⌜śimasu⌝.

[9] В обычном темпе вместо z (в nozoite) произносится, по общему (для интервокальной позиции) правилу, спирант z : nozoite. См. ниже «Фонетический состав японского языка».

[10], [22] Дублет (свойственный эмфатическому произношению) — ⌜neteru⌝⌞no ⌜na⌞ra [просубст. прич. от Perfectiv. от ⌜neru⌝ + грамматикализованный Conditionalis от na⌜ru); подобный же эмфатический дублет — с прояснением второго ударения — в дублете te⌜ra⌞nan⌜da⌞ra (Conditional. Praeteriti Negativi).

jon⌜da⌞ri ⌜iŋokima⌝⌞wattari[11] ⌜surujo⌝⌞:ni ⌜çikatteru⌝⌞nojaŋana. ⌜ću⌞:te ⌜na⌞: ⌜e⌞rai ⌜ta⌞bi^{w}o[12] ⌜śimasse⌝ ⌜te⌞ŋ^{j}^{w}o su⌜:⌞tto ⌜ta⌞bisuruno:su.[13] ćo⌜tto⌞mo ʒittô ⌜śi⌞teśimahеŋ.[14] ⌜so⌞jakedo[15] ⌜me⌞ttani { ⌜kutabureruko⌝⌞tomo / śin⌜do⌞ikotomo } arâsimahеŋ. ⌜a⌞tamani⌜wa[16] ⌜ka⌞mmuri^{w}o ⌜kabuttemasu⌝ ⌜ki⌞rakiraśiṭa { ⌜çi⌞karino / ⌜çikarino⌝ }[17] ⌜ka⌞mmuridosu. ⌜hośite⌝ ⌜kono⌝ ⌜çi⌞kari^{w}o { do⌜ko⌞imo / doko⌜i⌞mo }[18] ⌜kaśi⌝⌞koimo ⌜okuttagemasu⌝⌞noja. ki⌜·de⌞mo ⌜i⌞^{j}edemo ⌜mizuno⌝ ⌜u^{j}ede⌝⌞mo ⌜teraśimasu⌝. (w)ate⌜ŋa ⌜terasuto⌝ nan⌜de⌞mo minnâ ⌜pi⌞kapiṭka ⌜ucuku⌝⌞śi(:) me:ma⌜su. { a⌜ko⌞: ⌜śitaŋeru⌝⌞śi / ⌜a⌞ko(:)⌜śitaŋeru⌝⌞śi } ⌜atata⌝ko(:)śiṭaŋeru. ate⌜wa nan⌜de⌞mo ⌜atatamemassa⌝⌞ke[19] ⌜na⌞:⌜kuda⌝⌞moŋja ⌜koku⌝⌞mocu^{w}o[20] ⌜ʒikusaśi⌝⌞mośimasu.[21] (w)ate⌜ŋa { или ataśi⌜ŋa } ha⌜ta⌞keja te⌜ra⌞nandara[22] nani⌜śi⌞tocu ha^{j}èśimahеŋ.

---

[11] Вместо iŋoku в Киот. есть и специфический (вульгарный) дублет ɣŋoku (ср. рюк. ɣźućи-ŋ, Ток. uŋoku).

[12] ⌜ta⌞bi «путешествие», tabi «яп. чулки».

[13] Можно было бы сказать и tabi-suru-no-dosu.

[14] Реально осуществляется (благодаря падению i) ввиде śtèśimahеŋ (с нисходящим повышением на te).

[15] -ja в so-ja-kedo — суфф. Praedicativi, экв. Т. -da, Тоса -d′a$_{J}$ / -d′a$_{L}$: (в Нагасакском же [гов. Мие], в главных предложениях, этому суффиксу соответствует нуль, в придаточных же — ′ai ← -de-aru).

[16], [20] atamani-wa, как и kokumocu-wo были произнесены с эмфатическим повышением на последнем слоге: ⌜a⌞tamani⌜wa, ⌜koku⌝⌞mocu⌜wo.

[17] Genitiv. (как и в других говорах) может факультативно (примыкая к след. слову) получать ровную мелодию.

[18] Оба суффикса (Illativi -i̱ и Additivi -mo) требуют низкого тона; поэтому «правильным» дублетом является do⌜ko⌞imo. Второй же дублет (с повышением на i) объясняется, м. б., аналогией к мелодии простых Additiv'ов (на -⌞mo) от окситонных основ.

[19] -sa⌝⌞ke, -ha⌝⌞ke — варианты ⌜sa⌞kai, — киотоского эквивалента токиоского -kara («ибо»), тосаского -kiɲi или -keɲi, нагасакск. -keŋ, -keŋka. После низкой моры, -sake (и др. фонетические варианты) факультативно утрачивает повышение на sa (resp. ha).

[21] См. [5].

[22] См. [10].

II. Образец акцентуированной записи текста по Тосаскому говору дер. Мороги: ⌜kamideɳ⌝ 神田 «Божье поле»

⌜kor'a⌝ on⌜nas'i⌝ ⌜to⌞sademo ⌜me⌞ttaɲi ⌜mi⌞eɳ. ⌜morogi-mu⌝⌞rato ⌜sono⌝ ⌜tonarino⌝ ⌜hiro:kamu⌝⌞rata[1] i⌜maɲi⌝ ma⌜da mu'kas'i⌝⌞no ⌜hu⌞:ga ⌜nokott'o⌝⌞ru.[2] ha⌜ru sa⌜ɳ⌞gatu ta⌜ja ⌜ja⌞maga ⌜daibu⌝ a⌜o⌞:nattatokiɲi ⌜to⌞k'o ⌜ha⌞katte i⌜ɲo 'ueɲa⌝⌞: ⌜ikaɳ⌝.[3] ⌜sonoma⌝⌞eɲi ⌜it'ibaɳsa⌝⌞kie ⌜ka⌞misamae ⌜s'in⌝⌞deruɲi[4] i⌜ɲo ⌜ueru⌝. ⌜muranou⌝⌞t'iɲa ⌜ud'igami⌝⌞to[5] ⌜ju⌞:te ta⌜tta hi⌜tto⌞tu ⌜sonomu⌝⌞rao[6] ⌜mamoru⌝ ⌜ka⌞misamaga a⌜ru. ⌜sono⌝ ⌜ka⌞misa-manotameɲi a⌜rutoko⌝⌞roɲi na⌜kamano⌝ to⌜t'iga⌝[7] a⌜tte ⌜koreɲa⌝ z'i⌜kiɲi⌝ ⌜jo⌞tte go⌜koko⌝ ⌜ueru⌝. ⌜ma sa⌜ɳ⌞gatuɲa e⌜i ⌜hi⌞o ⌜e⌞ro:de[8] ⌜taueno⌝ ⌜hi⌞o ⌜kimeru⌝. ⌜sorekara⌝ ⌜kor'o⌝ ⌜ueruɲa⌝ ⌜morogimu⌝⌞rano ⌜it'ibu⌝⌞rakuno ⌜mo⌞ɳga[9] min⌜na⌞: de⌜ru. ⌜mo-

---

[1] Из ⌜hi⌞ro-oka «Широкий холм» + ⌜mu⌞ra-to-wa

[2] Perfectiv. (из nokotte-oru).

[3] Conditional. Negativi (ueп'a:) + Negativ (ikaɳ — «не идет, — нельзя») дают Necessiv'ный оборот: «надо сажать = если не сажать, нельзя».

[4] s'inderu — экв. sonaeru «преподносит». В Тоса Praesens (как и некоторые другие формы verbi finiti) имеют полное склонение на правах имен (со значением Nomen actionis) [ср. напр. ku⌜ro ma⌜tu «ждет прихода»: kuro Accusat. из kuru-o].

[5] Уд(з)игами — местное божество, покровитель деревни. В Мороги таковым является Хатиман.

[6] Дублет (фонетически-правильный для Тоса) — ⌜sono-mu⌝⌞ra со стяжением ra-o → ra.

[7] t'i в Тоса (вм. токиоского ći) вполне соответствует русскому *ти* Для русского не-тренированного слуха, впрочем, разница между t'i (в Тоса) и ći (в большинстве яп. говоров) останется неуловленной. Ср. ниже о «*ти*» в русской транскрипции яп. слов.

[8] Gerund. (деепричастие) от ⌜e⌞rabu «выбирает».

[9] it'i-buraku-no moɳ-ga «люди одного околодка (buraku)». Мороги делится на 7 buraku, являющихся, собственно, отдельными, друг от друга отграниченными поселками. Интересно, что и между этими buraku есть некоторые диалектические различия (гл. обр. в формах словаря), стоящие в связи с социальными различиями: так в бедных рыбачьих поселках Ниси-тобара и Хигаси-тобара, расположенных на самом берегу моря, влияния стандартного языка незаметно, и потому уцелевают те диалектические термины, которые в центральном «бураку» (Хон-мура) уже вытеснены койнэизмами.

rogimu⁷ₗrao ⌜nanabu⁷ₗrakuɲi ⌜waₗkeru. ⌜sonde⁷ ma⌜ineŋ⁷ ⌜hitobu⁷ₗrakudutu ⌜ka:ride¹ ⌜jaru⁷.

⌜konoto⁷ₗki ⌜s'iŋkaŋga⁷ ⌜ino⁷ₗr'os'ite ⌜kaₗmisamae o⌜miₗk'o[1] ⌜s'in⁷ₗderu. ⌜se:kara⁷[2] ⌜muranoi⁷ₗekara ⌜aₗtumeta[3] ⌜koₗmede { ⌜meₗs'o ⌜taₗite / ⌜meₗs'otaite } ⌜kor'o⁷ ⌜jigi⁷ₗtte daⱼη⌜goto⁷ ⌜mot'ito:⁷ ⌜kos'ira⁷ₗete[4] ⌜koreₗmo ⌜kaₗmisamae ⌜s'in⁷ₗderu. ⌜korega⁷ su⌜muto⁷ ⌜kos'iraet'aₗ:tta ⌜got'iso:⁷ ⌜kute⁷[5] ⌜sak'o⁷ no⌜:de⁷[6] { ⌜iₗwau / ⌜juₗwau }. so⌜koₗe ⌜kiₗta ⌜kodomora:ɲa:⁷ ⌜mot'ito:⁷ daⱼη⌜go:⁷ ⌜ho:t't'aru⁷.[6] ⌜hiₗruno ⌜meₗs'iga su⌜nₗdar'a[7] ⌜sorekara⁷ miⱼn⌜naₗ:ga ⌜deka⁷ₗkeru. ⌜konoto⁷ₗkiɲa ⌜waₗkais'imo ⌜musu⁷ₗmemo ⌜kiₗre:na ⌜kimono(:)⁷ ⌜kiₗ:te[8] ⌜akaₗ⁷i ⌜tenogojo⁷ ⌜kaₗbutte[9] ⌜otoₗ⁷ka ⌜kos'iₗ⁷e[10] ⌜h'o:taₗ⁷ηo[11] bu⌜rakuraₗ⁷ite[12] ⌜onaₗ⁷ga ⌜taₗsuk'o ka⌜kete⁷[13] te⌜:wa⁷[14]

---

[1] Accus. от o-⌜miₗkɪ — водка, употребляемая в качестве жертвоприношения.

[2] Стяжение из sore-kara.

[3] Praeteritum от ⌜atu⁷ₗmeru «собирает». По общему правилу, глаголы, имеющие (в Praes.) высокое **начало** слова, в форме Praeteriti сужают этот высокий период до меньшего числа слогов (здесь до одного ⌜aₗ), но обязательно на самом начале слова. Под эту формулировку подойдут и Praeterita (и Gerundia) от «ровных» (в Praes.) глаголов — напр. ⌜aₗketa от ⌜akeru⁷ и т. п.

[4] По той же формуле ([3]) объясняется ⌜kos'iraₗ⁷ete — Praeter. от ⌜kos'iraeru⁷ «изготовляет, готовит». Как мы видим, акцентуация спряжения в Тоса представляет значительно больше разных подтипов, чем в Киото, где все виды акцентуации Praesentis сведены к двум («ровным» и «окситонным»).

[5] От ku⌜: «ест». В диалектах ku-u вовсе не имеет уничижительного оттенка («жрать»), как в Токио.

[6] От no⌜mu «пьет».

[7] Modus Dativus — из ho:tte-jaru, — от ⌜ho:ru⁷ «бросает».

[8] От ⌜kiru⁷ «одевает». [9] От ⌜kaₗburu «надевает на голову».

[10] В отличие от токиоского, киотоского и прочих, тосаский сохраняет различение i и e после гласного: поэтому суффикс Illativi звучит здесь, как и в других случаях, — -ₗe (в Киото было бы kośi).

[11] Низкий финальный тон в h'o:taŋo (Accus от ⌜h'o:taₗ⁷η) ассоциируется с представлением самой данной основы (где на η = N приходится понижение), тогда как в предшествующем слове (⌜kos'iₗ⁷e) понижение тона **морфологизовано**, — ассоциируясь с представлением **падежного** суффикса -ₗe.

[12] От bu⌜rakurasu⁷. [13] От ⌜kaₗkeru.

[14] Это один из весьма редких случаев, когда на суффикс Illativi **поневоле** (вопреки его принципиальной характеристике) приходится высокий (а не низ-

ˈho˩soi teˈokˈoˀ[1] ˈsa˩gete[2] ˈsoreˀ˩:wa ˈkamidanoˀ neˈbatutˈoˀ[3] ˈippaiˀ ˈiretˈaˀ˩:ru. ˈsorekaraˀ zeˈjo[4] ˈso˩rocte[5] hoˈkanobuˀ˩ra-kue ˈosˈikaketeɪkuˀ.[6] ˈmitˈideˀ ˈotoˀ˩ko: ˈmi˩tuketarˈa[7] ˈotoˀ˩koga toˈkomaˀ˩ete[8] ˈsakˈoˀ ˈnomaˀ˩seru. suˈn˩darˈa ˈonaˀ˩goga ˈta˩-gono[9] ˈtu˩tˈo ˈkaoˀ˩jara ˈa˩sˈijara ˈgotaˀ˩idˈu:[10] iˈppaiˀ ˈnuruˀ. ˈsonnajisˈiteˀ aˈsa˩kara ˈbamˀ˩made[11] hoˈ:˩bojioru ji˩ŋˈgˈo ˈowaˀ˩eru.[12] ˈkonnajiˀ ˈmikkaˀ { ˈtuduˀ˩kete ˈjaruˀ / ˈtuduˀ˩ketejaru } . ˈkorega˩ haˈru˩no[13] ˈkamideŋˀ ˈmaturidˈaˀ˩:. ˈkoŋkoˀ (или oˈsˈɪmaikoŋkoˀ).[14]

Перевод. Божье поле. — Это даже в Тоса редко встречается; но в Мороги и в соседней с ней деревне Хироока еще до

кий) тон: Illativ. от teˈ: «рука» 1) должен иметь низкую первую мору te-˩ и повышение на второй (т. е. на суффиксе), что требуется самим представлением данной основы, 2) наоборот, в силу общей характеристики Illativ'a, тон суффикса должен быть низким. Это противоречие разрешается в пользу лексической ассоциации, в жертву которой приносится морфологическая: Illativ. от teˈ: звучит teˈ:. Поэтому и второй суффикс -wa (ибо здесь сложный падеж: Illativ. — Subjectiv) получает, по общему правилу «гармонии тонов», высокий тон: teˈ:waˀ.

[1] Accus. от te-ˈokeˀ «ведерко» (te- / teˈ: + o˩keˀ)

[2] От ˈsageruˀ. Здесь: «взяв (в руку)».

[3] ˈkamida-noˀ neˈbatuˈtɪˀ «глина с божьего поля»; kami-da — синоним kamideŋ.

[4] Accus. от zeˈi (не ze:, так как в Тоса дифтонг ei различается от e: долгого) «множество, толпу».

[5] От ˈsoroˀ˩eru.

[6] Из ˈosˈɪkaketeˀ (от ˈosˈɪ-kaˀ˩keru) + ˈɪkuˀ.

[7] Cond. Praet. от ˈmi-tuˀ˩keru «замечает» — из miˈru и ˈtu˩keru.

[8] От toˈkomaeruˀ «схватывает» (|| cukamaɪru).

[9] ˈta˩go «ведерко», синоним teoke.

[10] «Все пять частей тела» (голова, руки, ноги).

[11] В ˈbamˀ˩made («до вечера») понижение на 2 последних слогах обусловлено принципиально-низким тоном суффикса ˩made, а в предшествующем слове aˈsa˩-kara («с утра») — наоборот особенностью основы: aˈsa˩- из *asâ.

[12] niŋgˈo — Accus. от niˌŋˈge (|| niŋ-ŋeŋ) «человек» (китаизм, первоначально со специфическим буддийским значением). Вместо owaeru в Токио было бы okkakeru «преследуют».

[13] Суффикс с низким тоном, ибо haˈru˩- («весна») — из *parû (Киот. harû || Ток ˈharu)

[14] koŋko (или o-sˈɪmai-koŋko) употребляется (особенно детьми) как формула окончания рассказа или сказки (— своего рода «аминь»).

сих пор остался (этот) древний обычай. Весной в марте, когда поля и леса («горы» — ˹ja˩ma ‖ Ток. ja˹ma) совсем позеленеют, нужно назначить время и сажать рис (i˹ne). Перед этим прежде всего сажают рис для приношения божеству. В деревне имеется только одно божество, охраняющее (именно) эту деревню под названием Удигами (Удзигами). [Примечание. В Мороги — это Хатиман]. В известном месте есть общественная земля (nakama-no tot'i) предназначенная для этого божества, и на ней сообразно (˹jo˩tte от ˹joru˺) сезону (z'i˹ki) сажают разные хлеба (go˹koku˺ — 5 основных злаков). Теперь же, в марте, назначают (решают) день посева риса, выбрав (для этого) хороший день, и вот на этот посев выходят все люди с одного из околодков деревни Мороги. Дер. Мороги делится на 7 околодков («бураку»), и вот каждый год работает один из околодков по очереди (ka:ride).

В это время жрец (синтоистский — ˹s'iŋka˩ŋ˺) совершает молебствие (˹no˺˩ri) и божеству преподносится вино. Затем варят кашу (— ˹me˩s'i; «кушаньем» здесь является именно каша из разварного риса) из риса, собранного по домам деревни, и приготовляют «данго» и «моти», — это тоже преподносится божеству. По окончании этого празднуют за едой ранее приготовленных угощений и питьем вина (сакэ). Подошедшим сюда детям бросают «моти» и «данго». По окончании обеда все выходят наружу. В это время молодые люди (˹wa˩kai-s'i или -s'u) и девушки одевают красивые платья, на голову надевают красные платки, и мужчины привешивают себе к пояснице «хётан» (˹h'o:ta˺˩ŋ, т.-е. выдолбленную тыкву), а женщины, подвязав рукава [˹ta˩suke — шнурки для подвязывания рукавов на спине], берут в руки узенькое ведерко и накладывают в него до-полна глины с «божьего поля». Затем, толпой отправляются в другие околодки. Если по дороги они увидят (заметят) мужчину, то мужчины схватывают его и поят вином. Затем женщины мажут ему глиной из ведерка и лицо, и ноги и все тело. Таким манером они преследуют людей повсюду с утра до вечера. Так продолжается 3 дня. Это — весенний праздник «божьего поля». Конец (koŋko).

§ 34. Сверху гортань может закрываться грушеобразным хрящиком, укрепленным тонким концом во внутреннем углу кадыка над голосовыми связками. Он называется надгортанником (epiglottis). При глотании надгортанник, следуя за движением языка, опускается и закрывает вход в гортань, так что пища скользит по его поверхности в пищевод.

При арабских ع ع [H Q], и эмфатических [t s z^{1} ð] надгортанник, приближающийся к голосовой щели, участвует в звукопроизводстве — см. ниже «Характеристику консонантизма арабского языка».

Сравни Panconcelli-Calzia «Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft», стр. 47: «Bei dem gepressten Einsatz bewegt sich der Kehldeckel auf den Eingang des Kehlkopfes zu, ohne ihn völlig zu erreichen. Die Stimmlippen geben einen tief klingenden Ton. Der ganze Kehlkopf hebt sich. Der mit diesem Einsatz gebildete Laut klingt gequetscht und gepresst. Der gepresste Absatz findet statt, indem die Stimme zu Ende geht. Die Araber bezeichnen diesen Einsatz bzw. Absatz mit ع».

Там же стр. 51 относительно «эмфатического» t: «Schon das unbewaffnete Ohr hört bei der Explosion des t (= [t̤] в нашей транскрипции) einen eigentümlichen kurzen Schlag, der nur vom Herunterklappen des Kehldeckels herrühren kann».

Итак при арабских ع ع [H Q], как и при «эмфатических» согласных (ط ص и т. д.) имеет место приближение надгортанника к голосовой щели (хотя и не вплотную), а значит и трение воздушной струи о надгортанник. Поэтому звуки ء ع [H Q] можно называть «эпиглоттальными», а «эмфатические» ط и т. д. — «эпиглоттализованными».

§ 35. Пространство над гортанью называется зевом (pharynx). Из зева есть проход в полость носа и (ниже) в полость рта. Границей между полостью рта и проходом в носовую полость является подвижное мягкое небо или небная

занавеска (velum palati), главная функция которой состоит в открытии и закрытии прохода из зева в полость носа. При опущении небной занавески проход этот открывается, при ее поднятии (при котором край небной занавески прижимается к задней стенке зева) закрывается. Различие в положении небной занавески является очень важным для качества производимых звуков. При ее опущении, воздух, выходящий из гортани, может выходить через полость носа, и это прохождение всего (если нет выхода через рот) или не всего выдыхаемого воздуха через нос служит причиной отличия так называемых носовых звуков от неносовых. Носовыми могут быть как гласные, так и согласные. При первых воздух выходит, как через рот, так и через нос. Всякий неносовой гласный можно (хотя и не с одинаковым удобством) сделать носовым, оставив все прочие условия, кроме положения небной занавески, одинаковыми.

И те люди, которые «говорят в нос», т.-е. не подымая, как следует, небной занавески, обладают, конечно, и носовыми гласными. Носовой характер звука, т.-е. различаемое на слух отличие от соответствующего неносового гласного, может быть больше или меньше в зависимости от степени опущения небной занавески (в связи с чем изменяется, конечно, и количество выходящего через нос воздуха). При французских носовых гласных, — их четыре: [ɛ̃], [ɑ̃], [ɔ̃], [œ̃] — опущение небной занавески значительное. В связи с этим интересно отметить, что все эти 4 гласных являются гласными широкими по расстоянию языка от неба. Узких же носовых гласных [i], [u] и даже [e], [o] во французском (кроме диалектов) нет. Объясняется это тем, что удобнее соединять опущение небной занавески с большим раскрытием рта (что сопровождает более широкие гласные), иначе можно бояться (при сильном опущении мягкого неба), что проход между мягким небом и языком будет слишком узок. И мы видим, что французский язык постепенно избавился от узких носовых гласных, заменив их широкими: [in] > [ɛ̃], например в vin < лат. vinum, prince < лат. principem, fin < лат. finem (о том, что

раньше был узкий гласный [i] свидетельствует традиционная орфография: *i* + *n*). Точно также [e], за которым следовал принадлежащий к тому же слогу носовой согласный, изменилось в более открытый звук [ɑ] с носовым характером, например, в следующих словах: vent < лат. ventum, sentir < лат. sentire, tempête < лат. tempestas.

Носовые гласные, присущие французскому языку, отсутствуют в немецком и английском. Потому англичане и немцы заменяют во французских словах носовые гласные через сочетания: неносовая гласная + [*ŋ*], произнося, например, dans [dã] как [da*ŋ*]. Такого произношения во французском следует избегать. Носовые гласные отсутствуют и в русском языке в качестве самостоятельных фонетических элементов (фонем), но в некоторых случаях они могут быть произносимы, как заместители имеющихся в намерении простых гласных. Таковы, например, гласные слов мама [mama], няня [n'an'a]. В них первое [a] произносится с опущенной небной занавеской потому, что такое положение неба требуется как для предшествующего, так и для последующего согласного звука; и следовательно носовой характер этого звука — результат ассимиляции к соседним носовым согласным.

Кроме французского носовые гласные имеются в польском, португальском, некоторых китайских диалектах, чеченском и некоторых других языках.

§ 36. Крайне важную и почти во всех языках используемую роль играет небная занавеска при производстве согласных звуков. На первом месте стоят носовые смычные согласные, т.-е. те, при которых при открытой для выдыхаемого воздуха носовой полости (— потому они носовые) прекращен выход воздуха через рот путем смыкания ртового прохода (— потому они и смычные). Таким образом, существенным моментом для смычных носовых является прохождение воздуха через нос при отсутствии его выхода через рот. Однако, при этом крайне важно, до какой границы все-таки полость рта наполняется выдыхаемым воздухом, т.-е. какая часть ртовой полости участвует в образовании

звука, составляя, вместе с открытой носовой полостью, так называемую звукопроизводную камеру.

§ 37. Если смычка имеется только на крайнем конце ртовой полости, т.-е. на выходном ее отверстии — губах, то звукопроизводная камера при смычном носовом состоит из всей полости рта и полости носа. Так обстоит дело при образовании звука [m]. Обе губы вплотную прижаты одна к другой (т.-е. образована губно-губная смычка), так что прохода между ними нет, и, следовательно, воздух не выходит изо рта: выход его из легких совершается через полость носа; в этом можно убедиться, если при длительном произношении [m] поднести к ноздрям руку или пушинку. При этом выходящий из носа воздух соприкасается с тем воздухом, который наполняет полость рта, и это обстоятельство — наличие единой наполненной воздухом камеры (которая только очень сложна по форме, состоя как бы из двух сообщающихся коридоров — ртовой и носовой полостей) — создает характерный для [m] акустический результат. Нужно только помнить, что сам по себе тот звук, который при выдыхании воздуха создается внутри этой ртово-носовой звукопроизводной камеры, очень слаб и усиливается до хорошей звучности только при присоединении голосового тона (см. выше — § 26, о глухих носовых). Таким образом звук [m] мы можем охарактеризовать с точки зрения звукопроизводных работ как согласный смычный губной носовой (можно еще прибавить звонкий, но это обыкновенно при носовых уже подразумевают). Как уже говорилось, слово смычный означает наличие смычки, препятствующей выходу воздуха только из полости рта, и не нужно из соединения слов смычный и носовой думать о наличии какой-либо смычки внутри носовой полости или около входа в носовую полость (такое ограничение термина смычный в применении только к закрытию ртовой полости спереди, конечно, условно). Слово же губной применяется к звуку [m] потому, что работают губы: они образуют ту смычку, которая является крайней границей наполненного воздухом ртового коридора

звукопроизводной камеры; это сближает [m] с другими губными (точнее губно-губными) [p], [b].

§ 38. Но если ртовый коридор звукопроизводной камеры короче, т.-е. если смычка, составляющая преграду для выхода воздуха, помещена более вглубь рта, то это отражается и на акустическом характере звука, который тогда не будет [m]. Если эта смычка устроена передней частью языка, прижатой к переднему концу твердого неба (т.-е. около верхних зубов), то получается звук [n]. Звук этот называется смычным переднеязычным носовым (что он звонкий — обыкновенно подразумевается). Переднеязычным он назван по участвующему в его образовании активному органу — языку и в частности передней части (кончику) языка. Этот признак сближает его, следовательно, с переднеязычными неносовыми смычными [t], [d]. По пассивному же органу, участвующему в смычке, звук [n] (как и звуки [t], [d], у которых смычка одинаковая с [n]) можно было бы назвать передненебным (так как пассивным органом, участвующим в смычке, т.-е. органом, который служит одной из смыкающихся поверхностей, но сам для достижения этого смыкания активного движения не совершает, служит передняя часть неба около верхних передних зубов) или же зубным и зазубным (в эти понятия — зубной и зазубной — может быть внесено различие; к [n] применимо то, что говорится ниже — в § 48, о месте смычки при [t]).

Звукопроизводная камера при звуке [n], следовательно, состоит, как и при [m], из двух сообщающихся между собой коридоров — полостей носа и рта, но при [n] один из этих коридоров — ртовый — короче, чем при [m], так как границей его служат не губы, как при [m], а кончик языка и передняя часть твердого неба.

Являясь звуками смычными, [n] и [m] вовсе не обязательно должны быть взрывными, т.-е. сопровождаться взрывом образуемой при них смычки (что является уничтожением преграды, препятствовавшей выходу воздуха через рот). Разумеется,

если за [m] и [n] следует гласный звук, разжатие (взрыв) смычки неизбежно, так как гласный должен произноситься с открытой для прохода воздуха полостью рта. Таково, например [m] в слове мать [mat′], [n] в слове наш [naš]. Но можно делать, можно и не делать разжатие смычки на конце слов сам [sam], сон [son]. Точно также можно, не делая взрыва, произносить очень долгое [m] (мммм...) или [n], протягивая их хотя-бы полминуты, и затем прекращать звук, так и не раскрыв рта. Воздух выходит только через нос и этого (при наличии голосового тона) вполне достаточно для акустического результата. Но тянуть без взрыва долгие неносовые смычные глухие [p], [t] с тем, чтобы от этого получился акустический результат, нельзя: если мы и будем устраивать, напр., в звукосочетании [ap:a][1] с долгим [p], чрезвычайно продолжительную смычку, то во время ее мы имеем просто акустическую паузу, и слуховое впечатление получается только при взрыве смычки.

Так как при [m] смычка такая же, как при звуках [p] и [b], а при [n] такая же, как при звуках [t] и [d], то это можно символически выразить в виде пропорций:

$$[m] : [p] = [n] : [t] \ldots (1)$$
$$[m] : [b] = [n] : [d] \ldots (2).$$

В пропорции (1) первый член каждого отношения отличается от второго наличием: 1) звонкости, 2) прохода воздуха через полость носа. А в пропорции (2) — только наличием прохода воздуха через полость носа.

§ 39. Кроме [m] и [n], возможны и другие носовые смычные согласные, отличающиеся от [m] и [n] по форме полости рта. Сюда относятся звуки [m′] и [n′], т. е. «мягкие» м, н слов мять [m′at′], няня [n′an′a]. В них, несмотря на одинаковость места смычки с соответствующими «твердыми» [m], [n], форма полости рта отлична от формы полости рта при этих последних, так как средняя часть языка при «мягких» является

[1] По-русски нужно было бы написать аппа.

приподнятой к небу (среднеязычное сближение, о котором см. ниже).

К этим звукам применимы, например, формулы:

[m′] : [m] = [n′] : [n] = [p′] : [p] = [t′] : [t] и т. д.
[m′] : [b] = [n′] : [d]; [m′] : [p] = [n′] : [t].

Кроме того, возможны другие носовые смычные, отличающиеся от [m] и [n] по месту образования смычки. Сюда относится, например, звук [ŋ], образующийся путем прижатия задней части языка к задней части неба (т.-е. такой смычки, которая имеется при звуках [k], [g]). При этом звуке, следовательно, ртовый коридор звукопроизводной камеры короче, чем при прочих носовых — [m] и [n]. Но нужно иметь в виду, что смычка может быть производима разными пунктами задней части языка и против разных пунктов задней части неба, в зависимости от чего изменяется и звук. Если смычка образована около самого края заднего неба, то получается так называемое глубокое (или глубокозаднеязычное) [ŋ], при котором ртовый коридор в звукопроизводной камере совершенно отсутствует, — воздух из зева поступает в полость носа, не сообщаясь при этом с воздухом в полости рта.

Если же смычка устроена более впереди, например, на границе твердого неба с мягким, то получается менее глубокое [ŋ], при котором участвует в составе звукопроизводной камеры и некоторая часть ртового коридора.[3]

Звук [ŋ] имеется в немецком и английском языках (но не в начале слова). В немецком письме он обозначается через ng (например lange [laŋə], lang [laŋ], singen [ziŋn]) или через n перед k (например в Bank [baŋk], denken [deŋkn]).

[1] В турецких (сингармонистических) языках встречаются обыкновенно два варианта [ŋ]: более глубокий (т.-е. более задний) в словах заднего состава (с гласными [a], [o], [u] [ɯ]) и менее глубокий (более передний) в словах переднего состава с гласными [e], [æ], [ø], [y], [i]. В случае надобности первый из них (более глубокий) можно обозначать знаком [ŋ̟] — в отличие от более переднего [ŋ]. Но пока потребности в таком уточнении транскрипции не встречается, я употребляю один и тот же знак ŋ в типовом его значении.

*

Впрочем в некоторых говорах имеются произношения ng внутри слова как [ŋg] (следовательно l a n g e — [laŋgə]) и конечного ng как [ŋk] (следовательно l a n g — [laŋk]).

В английском [ŋ] обозначается обыкновенно или через ng или через n. В конце слова всегда пишется n g (например, l o n g [lɔŋ], морфема i n g [iŋ] в c o m i n g, d o i n g etc.), внутри слов тоже иногда ng, например в s i n g e r [siŋəʳ], а буква n употребляется для передачи звука [ŋ] перед буквами k и g (в этом случае g читается как отдельный звук [g] — после [ŋ]), например t h i n k [θiŋk] f i n g e r [fiŋgəʳ].

Среди восточных языков [ŋ] в независимой позиции (т.-е. не только в положении перед заднеязычными [k], [g], а в качестве самостоятельного звукопредставления перед разными другими звуками и в конце слова) встречается довольно часто: напр., в санскрите, большинстве турецких языков кроме османского (напр. в узбекском ﻁﻮﯕ tɔŋ «заря»; по новой орфографии ŋ пишется ﻍ), корейском, китайском, японском, малайском, полинезийских и меланезийских, а также в ряде финских и других языков.

В современном Пекинском случаи [ŋ] ограничиваются, правда, конечным в слоге ŋ («нъ» в старой русской транскрипции), который является не согласным, а конечным неслоговым элементом дифтонга (напр. aŋ, iŋ и т. д.) — см. ниже «Фонетическую характеристику китайского языка». Но в обще-китайском языке имелся и *вполне согласный* *ŋ в начале слога: напр. в *ŋu «5» (чему соответствует тибетское *lŋa), откуда Пек. [u] (или [ⁿu]) — с исчезновением *ŋ, а в Кантонском — [ŋ] (с исчезновением гласного *u); японское же (Го-он'ное) соответствие дает go, т.-е. переход кит. *ŋ → яп. g, — благодаря невозможности в японском звука [ŋ] в начале слова.

Но падение начального *ŋ (в *ŋu → u и т. д.), т.-е. смешение (конвергенция) начального *ŋ с представлением гласного начала слова (*ŋa × a → a, *ŋi × i → i и т. д.), обусловило возможность *факультативного* появления [ŋ] (или [ⁿ], т.-е. слабого ŋ) перед

начальным гласным (за исключением узких гласных) уже в любом слове — как в таком, где раньше был *ŋ, так и в таком, которое начиналось в древности прямо с гласного: напр. 愛 ai̯ [— яп. чтение ai, что указывает на отсутствие *ŋ в обще-китайской праформе] может произноситься и в виде ai̯ и в виде ŋai̯ = [ⁿai̯]. Частота появления такого (психо-фонетически не учитываемого) [ŋ] колеблется — в мандаринском наречии — по отдельным говорам: насколько я заметил, наиболее характерны в этом отношении Мукденские говоры.[1] В японском Токиоском (и Киотоском) имеются два [ŋ], принадлежащие к принципиально совершенно различным звуко-представлениям (фонемам): одно из них — согласный [ŋ] в начале слога (только не в начале слова), соответствующий звуку g в южных говорах и g = [ⁿg] (— с очень слабым и неосознанным элементом ⁿ) в Тосаском: напр. Токио и Киото aŋo 脚, Нагасаки ago, Тоса ago = [aⁿgo]; другое — это неслогой конечный элемент дифтонгов (aN oN iN eN uN) в независимой позиции (— на конце слога) или же перед заднеязычным: напр. ᶜoŋ 恩 o͞ŋ 音, ᶜoŋ-ŋa o͞ŋ-ŋa, ᶜoŋ-kaga и т. д. [см. ниже «Фонетическую характеристику японского языка»].

В других же говорах встречается и N̥ = [ŋ] слоговое (в зависимой позиции: перед заднеязычным согласным), напр. Киотоск. ŋ̍ŋok-u — вульгарн. дублет к iŋok-u (Ток. uŋoku).

Происхождение второго из этих звуков, — ŋ = N на конце слога, ясно: это ŋ (в современном произношении) заменило собой *n которое принесено было на японскую почву китайскими заимствованиями с конечным n (на месте общекитайских *n и *m), а затем стало появляться (из редукции слога *nu) и в японских слогах, напр. в Negativ. *sen → seŋ (= se-N) из классич. *se-nu.[2]

---

[1] Среди которых возможна и дальнейшая эволюция: уподобление этого [ŋ] звукопредставлению n, и следовательно переход ai̯ → ⁿai̯ (благодаря конвергенции *ŋa × a) → nai̯ (благодаря конвергенции ⁿ × n), напр. náiši «любит» (вместо áiši).

[2] Сравни *mu → M (откуда далее u, а в рюкюском нуль) в Subjonctiv. *siramu → siraM { → яп. sirau → śiro: → рюк. śira.

Происхождение же чисто-согласного (антевокального) ŋ (в ガ゛ ギ゛ グ゛ ゲ゛ ゴ゛ внутри слова), отсутствующего в южной группе (и в Тоса), допустимо объяснять конвергенцией до-японского *ŋ и общ-японского *g = *ᵑg (получившегося из «нос. + *k» в таких случаях как asam-kaɾo → asa-ᵑgaɾo → Ток. asaŋa˜o): в части говоров рефлекс этой конвергенции унаследовал качество от *ŋ (в восточных, сев.-восточных и бо́льшей части западных), а в другой части — от *g (откуда южное g [в ago и т. п.]).

Примечание 1. Отсутствие чисто согласного ŋ в южных и в Тоса дает возможность появления и антевокального варианта ŋ = N (это ŋ отличается слабостью заднеязычной смычки от Токиоского ŋ в aŋo), напр. в Тоса o.ŋo[1] — Accusat. от oŋ (音 или 恩), Нагасакск. jama ŋuje⌜no ← jama-no-ue-no 山 ノ 上 ノ [-*no- в Compositis дает -N-, которое перед гласным произносится ввиде ŋ (как здесь: в jama-ŋ-uje-⌜no)].

Примечание 2. Отсутствие согласного ŋ и соответствующего «мягкого» ŋ′ (в ギ゛ヨ, ギ゛ヤ, ギ゛ユ) в Тосаском говоре открывает дорогу для эволюции n′ → ɲ (см. ниже). В Токио же этого не бывает, так как ɲ могло бы совпасть с ŋ′ (т. е. утратилось бы различение ニ ヨ и ギ゛ヨ, ニ ヤ и ギ゛ヤ и т. д.).

В громадном большинстве языков, где есть фонема [ŋ], она все-таки не встречается в начале слов (что и понятно с общефонетической точки зрения: малейшее несоответствие во времени между взрывом смычки [при нач. ŋ] и началом голосового тона уже делает ŋ неслышимым). Исключение представляют, напр. малайские (а также полинезийские и меланезийские) языки и «тибето-китайское» семейство.[2] Но и там, и там фонетическая эволюция частично приводит к устранению этого звука в начальной позиции. Так Манильский говор тагальского языка имеет уже начальное [o] — вместо [ŋo] в говоре Batanga.

Исчезновение нач. *ŋ в китайском уже указывалось выше [u ← ŋu (тиб. (l)ŋa) «5»]. И то же самое мы встречаем и в ти-

[1] Черта · обозначает слоговую границу.

[2] Африканских языков я здесь касаться не буду.

бетском: письменное *ŋag-dbaŋ ныне произносится уже ввиде agwaŋ («сильный голос», отсюда и монгольское имя Агван).

Кроме перечисленных возможен еще носовой с р е д н е я з ы ч н ы й [ɲ], т. е. такой, при котором смычка образована средней частью языка (т.-е. местом, находящимся между пунктом, устраивающим смычку при [n], и пунктом, устраивающим смычку при [ŋ]), против средней части неба. Таков французский звук, передаваемый в орфографии через gn, напр. в a g n e a u, o i g n o n. (См. о нем ниже в очерке французской звуковой системы). Акустически он похож на русское [n′], но есть и некоторое отличие от этого звука. Из восточных языков [ɲ] имеется в китайском (напр. в «ню» [ɲiu] 牛 «корова»), в Тосаском говоре японского языка (вместо Токиоского n′), в якутском и некоторых других.

К этому же типу относится и венгерское «ny» и сербское њ. Весьма вероятно, что тот носовой, который дал начальный j в турецких языках — в таких случаях как ja:z || кор. n′лram (см. выше), также звучал (в эпоху, предшествующую переходу в [j]) в виде *ɲ.

Кроме «носовых» согласных в некоторых языках (хотя и весьма редко) встречается категория «звонких полуносовых»: m͡b n͡d ŋ͡g (или ᵐb ⁿd ᵑg); при них, следовательно, поднятие нёбной занавески происходит внутри согласного (внутри периода смычки). Сюда относятся «звонкие полуносовые» северо-восточных японских говоров (см. выше; «полуносовыми» были и общеяпонские з в о н к и е *b = m͡b *d = n͡d и т. д.) и современного тибетского языка (ག, ད, བ and т. д.). Кроме того факультативную чередуемость между носовым и неносовым звонким (m | b, n | d . . .) можно указать для корейского языка и Амойского диалекта китайского языка (то же нужно предполагать в китайском источнике Кан-он'а, так как обще-китайское m → Кан-он b, n → d и т. д.).

Наконец в южно-американском ботокудском языке суще-

ствуют недифференцированные «звонкие или носовые» смычные фонемы m|b n|d... (один и тот же комплекс один раз может быть воспринят наблюдателем как ama, другой раз — как aba, и т. д.).

Конечные «глухие носовые» («mh, nh, ngh» в транскрипции) сантальского и других языков в юго-восточном углу Азии представляют собою лишь ту особенность, что голосовой тон прекращается раньше, чем прекращается выход воздуха через нос; раскрытия же ртовой смычки не происходит и эти звуки принадлежат, следовательно, к категории «имплозивных».[1]

§ 40. На средине краевой дуги мягкого нёба имеется мясистый отросток, который легко можно видеть в зеркале и который носит название *язычка* или *маленького язычка* (лат. uvula, франц. luette, нем. Zäpfchen). Звуки же, образуемые им, называются *язычковыми* или *увулярными*.

Этот орган слишком мал, чтобы сам по себе он мог устраивать касанием своим о язык полный затвор ртового прохода (т.-е. препятствие для выхода воздуха через рот). Потому смычные увулярные звуки войдут, собственно говоря, в категорию заднеязычных *велярных* (от velum palati «мягкое нёбо»), при которых местом касания языка оказывается свод мягкого нёба, а в его составе, следовательно и язычек (uvula).[2]

Самостоятельная роль язычка таким образом исчерпывается устройством неполной преграды внутри струи выдыхаемого воздуха. Обычнее всего встречается это в соединении с дрожанием язычка, т.-е., когда струя воздуха выводит язычек из состояния покоя и продвигает на некоторое расстояние вперед, после чего он опять возвращается в прежнее положение, чтобы снова быть из него выведенным. Так образуется *язычковое* или *увуляр-*

---

[1] Т.-е. имеющих лишь имплозию (смычку) — без эксплозии (взрыва).

[2] В элементарном курсе фонетики я считаю позволительным не останавливаться на принципиальном различии «заднеязычных» (типа [k]) и «велярных, или увулярных» (типа [q]) в зависимости от того, какой орган оказывается — в том и другом случае — активным (— задняя часть спинки или же velum).

ное r, которое может быть и звонким [R] и глухим [Я]. Оно имеется в индивидуальных произношениях различных языков, напр. русского (где такое [R] — одна из разновидностей «картавых» р; глухое же [Я] произносится такими картавящими людьми на конце слов министр, смотр), немецкого, английского (так называемое Northumbrianburr). Оно встречается иногда и во Франции, где, однако, преобладают другие сорта r: или 1) переднеязычное дрожащее [r], очень распространенное в провинции, или 2) «парижское» r grasseyé—т.-е. увулярное недрожащее [ʁ], которое отличается от [R] отсутствием дрожания язычка. Характерным для [ʁ] оказывается трение воздушной струи о помещенный поперек ее язычок; струя эта, однако, не приводит язычок в дрожание, и потому акустический результат исчерпывается соединением указанного шума от трения с голосовым тоном. Слабость воздушной струи при парижском [ʁ], зависящая, конечно, от малого количества выдыхаемого воздуха, придает этому звуку акустическое свойство, приближающее его к гласным звукам (ведь при гласных воздуха расходуется меньше, чем при согласных, и шумы, создаваемые прохождением воздуха через полость рта, слабее; они даже плохо слышны без голосового тона).

Отсюда мы можем ожидать в будущем и полной утраты парижского [ʁ], хотя бы и в известных только позициях.

Среди восточных языков преобладают, однако, случаи не увулярного, а переднеязычного «Р» [r] (— разных вариаций — см. ниже). О двух «р» в армянском см. в соответствующем приложении (о звуках армянского языка).

Зато весьма часто встречаются звуки акустического типа «Х» и «Г» (глубоко-заднеязычные спиранты), при производстве которых принимает известное участие и язычок (увула), почему их можно называть также и «увулярными». Это — ḫ ḫ арабского и турецких языков, которые — чтобы подчеркнуть их глубоко-заднеязычный и в то же время увулярный характер, я позволю себе обозначать теми же знаками [ʜ] [ʁ], что и недрожащие

увулярные «Р» (глухой и звонкий). Участие увулы в звукопроизводстве этих ɹ̝ ɹ̞ обусловлено тем, что ввиду поднятия весьма глубокоотстоящего пункта задней части языка, образуемое этим поднятием сужение верхней своей стенкой имеет как раз конец мягкого неба и увулу; а следовательно трение выдыхаемого через это сужение воздуха происходит как раз об увулу (и с другой стороны о выпяченную кверху глубокозаднюю часть спинки языка), чем и вызывается особый присущий этим звукам (ɹ̝ ɹ̞ = [ʁ ʏ]) акустический эффект, состоящий в хрипящем (или как будто напоминающем царапанье) оттенке спирантного шума.

Не трудно убедиться, что разница между увулярным «Р», — если оно перестает быть дрожащим, — и звуком типа ɹ̞ (т.-е. глубокозаднеязычно-увулярным звонким спирантом) весьма не велика. За это говорит и наблюдаемое в известных немецких говорах полное смешение (конвергенция) [R] и [ʏ (т.-е. ɹ̞)], иначе говоря немецких «r» и «g», благодаря чему в данных говорах совпадают, напр., слова Wahren [va:Rən (при увулярном «r»)] и Wagen [va:ʏən], — в одном [va:ʏən].

Однако, рассмотрение звуков этого типа (ар. ɹ̝ ɹ̞ = [ʁ ʏ]) мы отложим до изложения всей серии заднеязычных согласных.

Примечание. Тагальское (велярное) k, со смычкой против увулы, при переходе к проточному характеру (— в интервокальной позиции), получает акустический характер именно увулярного «р» [ʁ], и потому русским, напр., ухом склонно восприниматься иногда как [Я] и квалифицироваться как звук типа «Р».

§ 41. Язык по своим звукопроизводным функциям занимает настолько первенствующее положение по сравнению с прочими органами, что в ряде языков слово, означающее язык в смысле органа употребляется также со значением языкового процесса вообще, и также отдельных языковых систем, объединяющих известные человеческие общежития (напр.: русский, польский, испанский языки). Так обстоит дело с рус. язык, греческ. glossa, лат. lingua, франц. langue, анг. tongue, тур. til, dil.

Язык, благодаря массе заключенных в нем мускулов, может до чрезвычайности менять свою форму. При этих изменениях формы языка, в состоянии наибольшего поднятия (или выпячивания) оказывается одна или другая часть языка, и эта часть языка и оказывается, обыкновенно, наиболее важной для звукопроизводства. В зависимости от того, какая часть языка (кончик его, середина, или же самая задняя часть) является приподнятой и таким образом наиболее существенной для образования данного звука, возможно деление звуков, образуемых языком, по месту образования: на звуки, образуемые кончиком языка, звуки, образуемые серединой языка, и звуки, образуемые задней частью языка. Но не нужно забывать, что не только тем, какая часть языка выше всего поднята, обусловливается различие звуков; форма языка (в том числе уклад не столь высоко поднятых его частей) также имеет значение. И, наконец, крайне важно то, в чем состоит функция приподымаемой части языка: представляет ли она полную смычку с небом, — смычку, препятствующую, следовательно, выходу воздуха изо рта, или нет; если нет, то, может быть, приподнятием данной части языка к небу образована щель, о края которой при наличии сильного выдыха может происходить трение выдыхаемого воздуха; или может быть данная часть языка приводится струей воздуха в дрожание, что дает особый акустический результат. Все это составляет деление звуков, образуемых языком, по способу образования.

§ 42. Эти два деления: по месту и по способу образования могут быть применены также и к тем звукам, при которых главная работа совершается не языком, а другим активным органом, например, губами. Если мы назовем с точки зрения деления по месту образования те звуки, при которых главной работой является работа той или иной части языка, язычными, то придется назвать губными те, при которых главная работа совершается губами (или только одной губой). Равным образом можно говорить о звуках гортанных (таковы например [ʔ], [h]) и увулярных ([R]).

Деление по способу образования должно быть принимаемо в расчет, как при противоположении гласных звуков согласным, так и при классификации согласных. Именно, необходимым условием гласных звуков является отсутствие смычки в полости рта и следовательно свободное истечение воздуха изо рта; в некоторых же согласных обязательно должна иметься (хотя бы на некоторое время) смычка, преграждающая выход воздуха через полость рта. И значит, если мы разделим звуки языка по способу образования на смычные и несмычные, то внутри первого класса будет часть согласных (напр. [p], [t], [k], [b], [d], [g], [m], [n], [ŋ]), а внутри второго — несмычных — все гласные и кроме того часть согласных.[1]

При классификации согласных, деления по месту и способу образования пролпвают свет почти на все главные отличия одного звука от другого, и потому в следующих §§-фах, я буду исходить в характеристике каждого отдельного согласного из совмещения этих делений (т.-е. от ответов на вопросы: 1) каков данный звук по месту, 2) каков он по способу образования) и только потом переходить к прочим, уже второстепенным особенностям работ данного согласного.

При рассмотрении же гласных звуков дело обстоит сложнее. Во-первых, при многих гласных ответ на вопрос о месте образования бывает затруднителен: ведь при всех гласных играет крайне важную роль положение языка, и потому все гласные следует назвать язычными; но, с другой стороны, при многих гласных крайне важным является и участие губ (таковы [o], [u]); затем, при некоторых гласных не легко бывает определить, какая часть языка играет наиболее важную роль — есть гласные, при которых затруднительно сказать, каким местом язык больше всего приближен к небу (таково русское [a]). Во-вторых, чрезвычайно важную роль при гласных играет форма языка, требующая иногда сложного описания и нередко даже с трудом определимая.

[1] О противоположении гласных согласным вообще см. ниже § 51.

§ 43. Понимая под различием места образования различие по тому или другому активному органу, совершающему главную работу для данного звука (ср. § 41), мы можем различать следующие классы согласных по месту образования:

1) губные согласные (образуемые губами или одной губой), сюда относятся, например, [p], [b], [m], [f], [v], [ɸ], [w];

2) переднеязычные, образованные кончиком или самым началом спинки языка; это, например, [t], [d], [n], [s], [š], [r], [ɾ], [t͡s], [t͡š];

3) среднеязычные, образованные средней частью спинки языка; это, например, [j] и соответствующий глухой [ç] — см. § 25, а также смычные [ɲ] [ƫ] [ɲ] и боковой (латеральный) $\left[\begin{smallmatrix}l\\ʎ\end{smallmatrix}\right]$;

4) заднеязычные, образованные задней частью спинки языка; это, например, [k], [g], [ŋ]; о подразделении заднеязычных на неглубокие и глубокие см. ниже;

5) увулярные, это, например, [R] (см. § 40);

6) гортанные, это, например, [ʔ] и [h].

Звуки классов 2), 3) и 4) можно называть общим именем язычных согласных.

§ 44. По способу же образования возможны деления согласных на:

1) Смычные, т.-е. такие, при которых образуется полный затвор, препятствующий прохождению воздуха через полость рта. Например к смычным относятся: [p], [b], [m], [t], [d], [n], (о [ts] и [tš] см. ниже), [k], [g], [ŋ] и [ʔ].

2) Щелинные, т.-е. такие, при которых работа активного органа состоит в устройстве не смычки, а лишь сужения, так что воздух имеет возможность выходить изо рта, но на пути своем встречает сужение прохода (воздух испытывает о стенки этого прохода трение, которое и является источником характерного для данного согласного шума).

К щелинным относятся например: [f], [v], [ϱ], [w], [š], (о [Ɣ] см. ниже), [j], [ç], [x], [h].

Щелинные иначе называются еще спирантами (от лат. spiro «дышу»), дыхательными, придувными или проточными.

3) Дрожащие, при которых активный орган находится в состоянии дрожания, т.-е. совершает ряд последовательных движений взад и вперед.

К дрожащим относятся [r] и [R] (см. § 40). Кроме того возможен губной дрожащий звук, который передается в русском письме через бррр..., если он звонкий, и через тпррр..., если он глухой.

4) Боковые или латеральные (от лат. latus, lateris «бок»), т.-е. такие щелинные, при которых проход воздуха имеется по бокам (или с одного боку) смычки. Таковы различные виды звуков л: русские [l], [l'], нем., франц. и англ. [l]; итальянск., сербск., якутск. $\left[\begin{smallmatrix}l\\j\end{smallmatrix}\right]$. Кончик языка образует смычку, как при [t], но края языка опущены, и потому воздух имеет выход по краям (или с одного края) смычки.

5) Аффрикаты или сложные согласные,[1] — состоящие из тесного соединения смычного с щелинным, одинаковых по месту образования. Таковы [t͡s] (= русск. ц), [t͡š] (= русск. ч). Вступившие в соединение [t] + [s] одинаковы по месту образования, и тот и другой согласный — переднеязычны. Точно то же в соединении [t] + [š].

Может возникнуть вопрос: почему употребляется особый термин для комбинации двух звуков, почему не удовольствоваться характеристикой обоих элементов ([t] и [s], или [t] и [š]) в отдельности. И, с другой стороны, если уже придуман термин для комбинации: смычный + щелинный, то почему его не употреблять для всякой комбинации смычного со щелинным, то почему его не

[1] Иногда их называют согласными дифтонгами, см. примеч. к § 32 на стр. 113.

применять к таким комбинациям, как [ks], [pš] и т. д., а только к тем, где оба элемента одинаковы по месту образования? Ответ на это двоякий: 1) в русском ц (= [t͡s]) и ч (= [t͡š]) связь обоих элементов более тесная, чем в сочетаниях [ks] в Александр или [ks'] в Ксения: [t͡s] как и [t͡š] сознаются в виде единого звука (фонемы, см. ниже) и, как таковые, могут противополагаться неслитным соединениям тех же элементов в отсыпать [atsɯpat'] и в под шапкой [patšapkaj]; 2) возможность такого объединения обоих элементов в едином представлении звука имеет и физическую причину: при последовательном соединении смычного со щелинным, одинаковых по месту образования, нет надобности в каких-либо особых установочных работах для второго элемента — нужен лишь взрыв смычки, имеющейся при первом элементе, только требуется, чтобы за взрывом не было стремительного отхода активного органа (при [t͡s] и [t͡š] — передней части языка) от места смычки, а, наоборот, чтобы этот орган по дороге задержался на некоторое время в том положении, которое нужно для данного щелинного ([s] или [š]).

Однако, несмотря на то, что громадное количество языков говорит именно в пользу вышеприведенного понимания термина «аффрикаты» (— ввиде тесного соединения смычного и спиранта, лишь одинаковых по месту образования, — потому именно, что в громадном количестве языков фигурируют в качестве единого согласного звукопредставления именно лишь такие соединения, но не kš ps и т. п.), в отдельных единичных случаях встречаются и иного состава сложные согласные, — состоящие из неодинаковых по месту образования смычного и спиранта, — которые, с психофонетической точки зрения (в качестве единого согласного звукопредставления), также могли бы претендовать на термин «аффриката».

Случаи эти, повторяю, весьма редки. Наиболее типичным из них является дунганское звукопредставление t͡fʿ, восходящее к мандаринскому čʿ (= t͡šʿ) перед губным (слоговым или неслоговым) гласным (u), напр. в t͡fʿu 出 ← čʿu («чу» в русской тран-

спирации) [развитие это: $t\widehat{f}^{\varsigma}(u) \leftarrow t\widehat{s}^{\varsigma}(u)$ вполне параллельно переходу $f \leftarrow š(u)$ напр. в fi←šuị 水 «вода»; переход этот — переднеязычного спиранта в губной, перед губным гласным — наблюдается и в других кит. говорах].

Кроме того, сюда можно было бы (с известными оговорками) привлечь и северо-восточно-японские сочетания ks, fs или ^{f}s (в части Аоморийских говоров), напр. kṣta 北 «север» (← $k^{\varsigma}ita \leftarrow kita$), Аомори fsï 火 «огонь» (← ọi ← *pi).[1]

§ 45. Пять перечисленных в предшествующем §-е классов согласных по способу образования могут быть различным образом сближаемы друг с другом.

Так, классы 1) и 5), т.-е. смычные и аффрикаты могут быть объединяемы, как смычные, или затворные в широком смысле слова, т.-е. как звуки, в которых имеется смычка на пути выдыха воздуха из легких через рот, и в этом смысле могут противополагаться всем прочим классам согласных и всем гласным (ср. § 42). Щелинные имеют близкое сходство с латеральными; и, наконец, щелинные, латеральные и дрожащие можно объединить под общим представлением проточных (в широком смысле) согласных.

Кроме того нужно помнить, что по акустическому признаку и по сходству в гортанных артикуляциях латеральные объединяются с дрожащими, а иногда и носовыми смычными, под именем сонорных согласвых, см. § 32.

§ 46. Мы условно понимали под различием места образования различие в активном органе, совершающем главную работу данного звука. Но нужно считаться также с различиями в пассивных органах, а эти различия не всегда зависят от различий в активных. Положим, до известной степени место пассивного органа уже определяется из того, каков активный. Если активный орган — кончик языка, то ему естественнее и легче всего

[1] В других же Аоморийских «огонь» уже просто si (из fsï), в Акита же śy [губная работа перешла от согласного к гласному, что становится понятным в связи с конвергенцией *pi → śy 火 и śu(N) → śy(ŋ) 春 (Кан-он)].

производить работу (приподыматься, образуя смычку или сужение) против той части неба, против которой он лежит в нормальном (спокойном) положении, т.-е. против передней части твердого неба — около верхних передних зубов.

Некоторых же пунктов неба, например, края мягкого неба (где язычок) коснуться кончиком языка даже невозможно. Но, во-первых, встречаются в звуках отдельных языков такие работы, при которых кончик языка занимает довольно далеко отстоящую от его спокойного положения позицию. Так он может приходить в соприкосновение (устраивать смычку) с верхней губой,[1] или наоборот может загибаться назад до средней части неба.[2] И, во-вторых, даже небольшие различия в месте пассивного органа (при тождественности активного) могут дать ощутительные акустические различия.

Остановиться следует 1) на различии пассивного органа при губных, 2) при переднеязычных согласных.

§ 47. Говоря о губных, мы должны различать с одной стороны такие звуки, как [p], [b], [m]; с другой стороны такие, как [f], [v].

Различие между ними состоит не только в способе образования ([p], [b], [m] — смычные, а [f], [v] — щелинные), но и в том, что органами, участвующими в звукопроизводной работе, при первых являются обе губы (нижняя может рассматриваться, как активный орган, так как она совершает больше движений, чем верхняя), а при вторых — нижняя губа (активный орган) и верхние зубы (пассивный орган). Потому для первых употребляется название: губногубные, а для вторых — губнозубные согласные. Но можно произносить, вопреки русским привычкам, и губногубные щелинные ([φ], [w]) и губнозубные смычные ([π], [β], [μ]).

---

[1] Получается звук, на слух средний между p и t; о наличии этого звука в одном из американских языков говорит Jespersen (Lehrbuch der Phonetik).

[2] Это имеет место, например, при китайском «какуминальном» ʐ («эрл» в русской транскрипции).

Из этих звуков особенного внимания заслуживают губно-губные спиранты ([ɸ̞ w]), и в частности звонкий, — [w], встречающийся (в замену [v] в русском) в громадном ряде восточных языков.

Укажу прежде всего, что транскрипционный символ [w] я позволю себе употреблять с родовым значением для всякого из вариантов губно-губного звонкого проточного. А вариантов этих встречается много и они обладают такими крупными отличиями, что объединение под одним символом [w] английского, напр., [w] в w a r [wɔ:] и японского [w] в [ˈware˥] возможно только условно — при наличии подробного описания звука в фонетическом описании данного языка. Отмечу следующие варианты:

1) w = осогласненное или неслоговое u (= u̯), отличающееся, следовательно, от [u] слогового только гортанной работой (и значит бо́льшим расходом выдыхаемого воздуха в единицу времени). При этом налицо — и сильная губная работа, и поднятие задней части языка (как при [u]). Примечание. Соответствующий глухой — [ʍ] имеется в английском, напр. в w h i c h [ʍiĉ].

Такое w = u̯ имеется, напр., в китайском (— в числе вторых элементов слогового представления, напр. kʻu̯ai̯, u̯ai̯; см. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка»), в тибетском (напр. wa «лисица»), арабском (وقت waqt), а также в турецких и ряде других.

2) Японское w (в слоге wa) — с весьма слабой губной работой, состоящей в том, что нижняя губа (а верхняя обыкновенно не работает) подымается немного выше края нижних передних зубов, оказываясь таким образом внешней границей ртового резонатора (но не выпячивается вперед).

Примечание. Та же слабая губная работа имеет место при глухом — [ɸ̞] (в ɸ̞u), а также при гласном [u] японского типа (с весьма слабой лабиализацией и недостаточным поднятием языка, почему характерный тон японского [u] оказывается сравнительно весьма высоким).

3) Один из факультативных вариантов испанского [b], см. ниже.

4) Абхазское «губно-дорсальное» w̆ (ᲂ в Абхазском Аналитическом Алфавите).

Примечание. Соответствующий глухой — «губно-дорсальное» [ʍ̆] = шᲂ в Абхазском Аналитическом Алфавите. К губным проточным иногда причисляется и абхазский звук сложной (комбинированной) артикуляции — [Qʷ] = ꙋ в Абхазском Аналитическом Алфавите, но он, конечно, не может считаться вариацией w и строго говоря, его следует относить к лабиализованным (см. § 47 а) гортанным, а не губным согласным.

См. ниже «Фонетическую характеристику абхазского языка».

§ 47а. От губных (или лабиальных) согласных следует отличать согласные лабиализованные, т.-е. «огубленные»: такие, которые по основной работе принадлежат к другой категории по месту образования (к заднеязычным, переднеязычным и т. д.), но сопровождаются также губной (w-образной) работой, как дополнительной.

Встречаются «лабиализованные» согласные фонемы сравнительно в немногих языках. Наиболее частыми звукопредставлениями этого рода являются лабиализованные заднеязычные: kʷ gʷ (и ŋʷ). Они имеются, например:

1) в южных (включая Рюкю) и северо-восточных японских говорах — главным образом в словах кит. происхождения (Нагасакск. kʷaśi 菓子, gʷaсп 月), но частично проникают (как фонетическое новшество) и в чисто-японские, напр. Нагасакск. (говор дер. Мие) ⌜kʷa «тутовое дерево» 桑 (из kuwa ← *kupa), ⌞kʷa «мотыка» 鉏 (← kuwa ← *kupa). Тут они развивают даже соответствующие «мягкие» (палатализованные) варианты: kʷ′ = kᶣ, gʷ′ = gᶣ (повинуясь общей схеме чередований «твердого» и «мягкого» согласных), напр. Dativ.-Loc. kʷ′a⌜: (=kᶣa⌜:), Instrumentalis kʷ′a:⌜re (=kᶣa:⌜re; из *kuwa-e-de) — от ⌜kʷa 桑; Dativ.-Loc. kʷ′a⌞: (=kᶣa⌞:), Instr. kʷ′a:⌞re (=kᶣa:⌞re) — от ⌞kʷa 鉏 [ср. тот же принцип чередования в Dat.-Loc. jam′a⌜:,

Instr. jam'a:ʳre от jaʳma]. Рюкюск. пример: mi:kkʷa «слепой» (← mekura).

В центральных же японских говорах эта категория звуков уже исчезла (но на прежнее их существование указывает орфография).

Кроме японского заднеязычные лабиализованные известны еще в вотском, абхазском (где впрочем есть и другие ряды лабиализованных — см. ниже); имелись они, очевидно, и в индоевропейском языке (напр. в *kʷetu̯ōres «4», откуда лат. quattuor, ср. греч. гомеровск. πίσυρες [*kʷ → p] и аттич. τέσσαρες). Наиболее богатым лабиализованными согласными фонемами является абхазский язык, обладающий след. фонемами этой категории (в абжуйском наречии): $c^{ʔ w}$ $з^{w}$ $c^{ʿ w}$ $k^{ʔ w}$ g^{w} $k^{ʿ w}$ $q^{ʔ w}$ $Ӡ^{w}$ $Ъ^{w}$ $Н^{w}$ и Q^{w} (или же $Q^{ч}$) [в знаках Абх. Аналит. Алфавита: t̥ᵒ d̥ᵒ ǯᵖ kᵒ gᵒ qᵒ kᵒ q̇ᵒ ǧᵒ ẖᵒ ẉ].

§ 48. Если мы будем произносить последовательно ш и с [šsš̄s̄s], мы убедимся, что активным органом при обоих звуках является кончик языка,[1] но положение, занимаемое им при том и другом звуке, различно. При [s] он образует сужение с самой передней частью неба — у самого края верхних резцов, при [š] он более загнут кверху и образует сужение с более задней частью неба. Такую же разницу в положении языка мы имеем и при аффрикатах [t͡s] и [t͡š] (она обусловлена разницей в положении языка при вторых элементах этих аффрикат — [s] и [š]).

Условимся называть звуки, произносимые с поднятием кончика языка к самому краю зубов (как [s], [t͡s]), звуками I-го этажа, а звуки, произносимые с поднятием кончика языка к более задней части твердого неба (как [š], [t͡š]) — звуками II-го этажа (их называют обычно к а к у м и н а л ь н ы м и от лат. cacumen «вершина»). Так как при звуке [t͡š] первый компонент аффрикаты имеет смычку II-го этажа, то при некотором навыке

[1] По крайней мере у громадного большинства русских [š] корональное, а не дорсальное, т.-е. образуемое кончиком языка, а не спинкой; последнее нужно считать диалектическим.

мы можем научиться выделять этот первый элемент из сочетания [t̆š] и произносить его отдельно или перед гласным. Он будет отличаться от простого русского [t], как и от [t], выделяемого из [ts], только принадлежностью к звукам II-го этажа, т.-е. какуминальностью. Эта черта обозначается в фонетическом письме точкой под буквой — [ṭ]; соответствующий звонкий будет [ḍ], соответствующий носовой — [ṇ].

Этот какуминальный характер свойствен английским переднеязычным [t], [d], [n], чем они отличаются от соответствующих русских, немецких, французских. В некоторых же индийских языках (в том числе и в санскрите) на лицо обе разновидности каждого звука: [t] и [ṭ], и [d] и [ḍ], [n] и [ṇ], сознаваемые как отдельные фонемы.

§ 49. Выше (в § 41) упоминалось о том, что общая форма языка может иметь влияние на акустический результат звука. Так, например, спирант [s] и спирант [θ] (глухое — «hard» th напр. в thin [θin]) являются одинаковыми и по способу (они — щелинные), и по месту (они — переднеязычные) образования и даже по пассивному органу (они могут быть произносимы около одного и того же пункта неба). Различие между ними создается именно особой формой языка: при [s] язык сдавлен с боков и образует вид желобка с несколько приподнятыми краями, по которому проходит узкая, сосредоточенная, сильно бьющая струя воздуха. При [θ] это образование желобка отсутствует, поверхность языка как-бы распластана (конец языка приподнят к небу с той же формой, какая ему присуща при спокойном положении), струя воздуха от этого получается широкая, разбросанная. Такая же разница находится и между соответствующими звонкими: [z] и [ð] (звонкое — «soft» th, напр., в англ. thou [ðau]).

Кроме английского звуки типа [θ], [ð] имеются еще в языках испанском («c(i)», «-d»), арабском (ث ذ), туркменском (где θ ð заменили собою обще-турецкие s z, и потому пишутся через س ز), башкирском (—наряду с s ← c ← о.-тур. *č, и редким z), шугнанском, бирманском, и в единичных японских говорах (напр.

ǰ^{ž} в говоре Ёнэдзава в слоге ǰ^{ž}ï ← *ri, *ju, напр. ǰ^{ž}ïǰ^{ž}ï «лилия» ← juri, joǰ^{ž}ja «ресторан» ← r′o:rija); кроме того Тосаские s z, обладающие слабым сибилянтным (свистящим, s-образным) шумом, в сущности сильно напоминают θ ð, почему их следовало бы писать [s^{θ} z^{ð}].

Перечисленные звуки разных языков не являются, однако, вполне тожественными друг другу; это — разновидности одного общего типа звуков θ ð.

Разница между русскими [s] и [š] тоже отчасти состоит в различии формы языка, не исчерпываясь указанным в § 48 различием по месту пассивного органа; но вопрос этот очень сложен и потому может быть опущен в элементарном курсе. Оставляя за символом [š] родовое значение — для звуков акустического типа «Ш», отмечу, что кроме š коронального (т.-е. образуемого кончиком языка), как в нормальном русском произношении «ш», встречается еще существенно отличный вариант — дорсального «ш» (— знак [ś]), образуемого поднятием передней части спинки (dorsum) языка. Долгий вариант дорсального ś, т.-е. [ś:] мы встречаем в Московском произношении «щ» (но в говоре петербуржцев, в частности в моем лично, «щ» есть комбинация двух звуков [šč] = «шч»).

Благодаря тому, что при дорсальном [ś] поднимается к нёбу *спинка* языка, а это близит акустическое впечатление данного звука с категорией палатализованных (т.-е. «мягких» — см. ниже), [ś] воспринимается русским ухом — по сравнению с š корональным — как «мягкий» согласный. Но строго говоря, можно было бы различать «мягкий» и «твердый» варианты в обоих сортах «ш» (и у дорсального, и у коронального). напр.:

[š] корональное («твердое») — рус. ш, вотское ш = š в составе аффрикаты «ӵ» = t̤š

[š′] корональное («мягкое») — вотск. ш = š′ в составе аффрикаты «ч» = t′š′

[ś] дорсальное (сравнительно «твердое») — английское sh

[ś'] дорсальное («мягкое») — японское ś (в śi シ śa シャ śo シュ śu ショ), польское ś.

Примечание. Этот вариант, — [ś'], фактически оказывается близким к русскому [s'] = «сь».

Пятый вариант, вернее вариант четвертого варианта ([ś']) имеется напр. в Мукденском гов. кит. языка в виде [ś^{ę}].[1]

Но различение этих вариантов в транскрипции проводить оказывается излишним (достаточно охарактеризовать имеющийся в данном языке звук в фонетическом описании), так как в одном и том же языке встречается обычно или 1 или (реже) 2 звука типа «ш», но не 4 или 3.

Два звукопредставления (— коронального и дорсального) «ш» имеются напр. в санскрите (श् и ष्), во многих говорах татарского языка (ş и ş̱), в китайском (š и ś resp. ś^{ę}), а также в тех русских говорах, где «щ» = [ś:].

§ 50. На различиях в форме языка основано также противоположение русских «мягких» согласных соответствующим «твердым». Именно, благодаря наличию второстепенной работы, присоединяющейся к главной характерной для данного звука работе и состоящей из приподнятия к средней части неба средней части языка (той части, которая образует сужение при [j]), ряду звуков (именуемых «мягкими») сообщается акустический результат, отсутствующий в ряде соответствующих «твердых» т.-е. таких согласных, при которых главные работы те же самые, что и у «мягких», но вышеуказанная второстепенная отсутствует. Таким образом звук [p] (папа) противополагается звуку [p'] (пить, пять), звук [b] (баба) — звуку [b'] (бить, бяка), [m] (муж) — [m'] (мять) и т. д.:

[f] (Фауна) — [f'] (Филин, фяля)
[t] (тот) — [t'] (тина, тетя, тюль)
[d] (дом) — [d'] (диво, дядя)
[n] (ныть) — [n'] (Нил, нюня)

[1] См. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка».

[s] (сам, сыт) — [s′] (сила, семь, семга)
[z] (зонт) — [z′] (зима, зябнуть)
[r] (рама) — [r′] (прямо)
[l] (лом) — [l′] (лед)
[k] (кот) — [k′] (кит, Кяхта)
[g] (гром) — [g′] (гимназия, гетры, гяур)
[x] (хата) — [x′] (хитрый).

Звуки [š] (шум), [ž] (жать), [t͡š] (чудо) и [j] (я, ель, елка, есть, юн, вьюн) не имеют в русском соответствующих пар. Из них последний — [j] вообще не может иметь соответствующей пары, т. е. соответствующего «твердого» потому, что та работа, которая при прочих мягких, является второстепенной и составляет лишь их отличие от «твердых», при (j) оказывается главной: ведь [j] согласный среднеязычный, и если мы устраним имеющееся при нем поднятие средней части языка, то никакого согласного уже не будет.

Надо заметить, что в фонетике принято называть это характерное для «мягких» согласных поднятие средней части языка к небу — среднеязычным сближением или палатализацией (от лат. palatum «небо»), почему и сами мягкие согласные называются осреднеязыковленными или палатализованными (в отличие от непалатализованных «твердых»). Но такие согласные, как [j], где поднятие средней части языка — работа не второстепенная, а главная, — уже не осреднеязыковленные, а среднеязычные. Среди среднеязычных возможны и смычные неносовые (воспринимаются на слух, как нечто среднее между [k′] и [t′], [g′] и [d′]), и спиранты ([j], [ç]) и носовой (франц. gn в agneau, oignon, régner) и латеральный (итальянское, южно-французское мягкое l).

Кроме русского категория парных (т.-е. соответствующих «твердым») «палатализованных» согласных звукопредставлений ([p′ t′ s′ и т. д.]) встречается еще: во многих других славянских языках, напр. в польском (но не в сербском, где есть лишь па-

латальные [а не палатализованные] [h] [ḥ] [ⱼ] [ɲ] = сербск. «h ḥ љ њ»), в японском (во всех говорах кроме Рюкюского[1] и части северо-восточных), восточно-финских (напр. в мордовском и вотском), а также в ирландском. В большинстве же языков эта категория (а следовательно и «парность» консонантизма по «мягкости» и «твердости») отсутствует, хотя в соседстве с передними согласными (в особенности перед [i]) согласные и могут принимать — во многих языках — комбинаторный «мягкий» или «полумягкий» оттенок (но это уже будет не отдельная фонема, а лишь комбинаторный вариант нормальной «твердой» фонемы).

Кроме того надо заметить, что в ряде языков, не обладающих категорией «палатализованных», встречаются *палатальные* сонорные: [ⱼ] [ɲ]. Это имеет место, напр., в южно-французском (в сев.-французском же ⱼ → j), итальянском, калмыцком, восточно-лужицком и др.

Экскурс. Об обозначении японских палатализованных согласных в русской практической транскрипции. Совпадение между фонетическим строем русского языка, с одной стороны, и японского — с другой, состоящее в наличии категории парных «мягких» т.-е. палатализованных согласных,[2] делает для русской практической транскрипции японских слов не только позволительным, но и обязательным использование в данных случаях (— т.-е. для передачи «мягких» согласных в яп. словах) тех же графических приемов, какими передаются русские «мягкие» в аналогичной позиции. Вот почему, в составлении общепринятой ныне

---

[1] В рюкюском некогда также существовали парные «палатализованные» или «мягкие» согласные (появившиеся, как и в японском благодаря волне китайских заимствований, где например *kⱼ давало яп.-рюкюск. k′ и т д.), но фонетическая эволюция привела к их уничтожению (напр. *k′ × *t′ → ć, *g′ × *d′ → ź, *r′ → d в нач. слова напр. r′u:k′u: 琉球 → рюк. du:ću:, и т. д).

[2] Наличие этой категории упустил из виду Edwards в своем Etude phonétique de la langue japonaise, что и является одним из двух основных пробелов этой работы [у Edwards'a k′a, например, трактуется и транскрибируется как kja и т. д.].

русскими японологами[1] практической транскрипции (изложенной в «Трудах Яп. Отд. Общ. Востоковедения» № 1, 1917), я счел необходимым совершенно изгнать те приемы, которые представляли слепое подражание западно-европейской транскрипции (вроде «*nio* или *nio* = Ромадзи *ryo*», «*sio* = Ромадзи *sho*» и т. д.), и передавать японские слоги с «мягкими» согласными так, как пишутся по-русски русские слоги с соответствующим (или ближайшим к японскому) «мягким», т.-е. палатализованным согласным. Получились следующие соответствия (между написаниями в Ромадзи и в русской транскрипции): *kya kyu kyo* = *кя кю кё*, *gya gyu gyo* = *гя гю гё*, *shi sha shu sho* = *си ся сю сё*, *chi cha chu cho* = *ти тя тю тё*, *ji ja ju jo* = *дзи дзя дзю дзё*, *nya nyu nyo* = *ня ню нё*, *hya hyu hyo* = *хя хю хё*, *rya ryu ryo* = *пя пю пё*, *bya byu byo* = *бя бю бё*, *mya myu myo* = *мя мю мё*, *rya ryu ryo* = *ря рю рё*. [В качестве же дублетного приема, поскольку употребление буквы ё (и особенно ē Ё Ē) встретит типографские затруднения, допустимо вместо *кё гё сё* и т. д. писать *кьо гьо сьо* и т. д. — в виду принципиального тожества звуковых ассоциаций (в русском графическом мышлении) между комплексами «буква парного согласного (напр. *н*, *с*, *т*) + *ё*» и «буква парного согласного + *ьо*»]. Особых замечаний требуют, впрочем, написания *ти тя тю тё*, так как русская транскрипционная практика (до моей транскрипции) употребляла здесь буквы ц или ч (ци или чи, ця и т. д. вплоть до цио чио вм. моего *тё*). Тем не менее можно доказать, что выбор *ти тя тю тё* (для яп. ćі ća ću ćo = Ромадзи *chi cha chu cho*) является здесь единственно возможным, как продиктованный объективными фонетическими данными (соотношением между русской и японской системами согласных).

В русской языковой системе t′ оказывается без сомнения ближайшим соответствием к японскому звуку (ć), имея с ним ту

---

[1] За исключением (вполне, разумеется, естественным) двух авторов прежних транскрипционных систем — проф. Позднеева и Спальвина. Отмечу, впрочем, теоретическое признание «транскрипции Японского Отдела» профессором Позднеевым — в 1916 и 1917 гг.

общую черту, которая является наиболее существенной принципиальной характеристикой их обоих: как русское t′ (= *ть*, или в t′i = *ти* t′a = *тя* и т. д.), так и японское ć принадлежат к парным мягким фонемам [в группе глухих переднеязычных затворных]. Объективное (физическое) сходство — между рус. t′ и яп. ć — продолжаю усматривать далее и в присущем обоим этим звукам аффрикатном характере, — ибо рус. t′, именно с объективной точки зрения, также содержит, вслед за смычным, известный спирантный элемент, т.-е. может быть представлено как t′$\overset{\smile}{}$s′ [тогда как яп. ć = t′$\overset{\smile}{}$ś]. Правда, в японском (в Токиоском и в большинстве говоров) звуке спирантный элемент этот более значителен; и для русского t′ *вполне точным* эквивалентом будет лишь соответствующий Тосаский звук [в Тоса 𛀀 = t′i т.-е. вполне равно русскому *ти*]; токиоское же (или представленное большинством говоров) ć будет точно соответствовать польскому или белорусскому звуку (ć). Но поскольку разницу между Тосаским и токиоским корреспондентами (t′ ‖ ć) свободно игнорирует русский (не тренированный) слух, постольку и против графического отожествления токиоского ć с русским t′ не возникает никаких возражений с точки зрения требований, предъявляемых к практической транскрипции [где задачей, ведь, является не объективная характеристика звука, а именно выявление ближайше соответствующих друг другу различений в двух соизмеряемых системах звукопредставлений — в данном случае японской и русской]. Наконец можно и эмпирически — путем фонетического эксперимента — убедиться, что в русском языковом мышлении восприятие японского ć ассоциируется именно с звукопредставлением t′. Я лично помню, напр., что приступая к практическому изучению японского языка и будучи в то время совершенно свободен от влияния какой-либо транскрипции, я без всяких колебаний отожествлял яп. 𛀀 с русским *ти* и не подозревал о наличии какой-либо разницы между обоими слогами. Разумеется, этот транскрипционный выбор («*ти*» для яп. ći) можно защищать лишь с точки зрения подлинно-русского

языкового мышления: для немца, говорящего по-русски и произносящего *ти* с «твердым» t (—ti вм. t'i), пропадает основной мотив выбора написания *ти* (вм. *ци* или *чи*). Равным образом у латыша, обнаруживающего в русской своей речи влияние фонетики родного языка (латышского), вместо t' (палатализованного переднеязычного) можно рассчитывать услышать ћ (палатальное, т.-е. среднеязычное); а этот звук японцем может быть оценен и как k' (т.-е. палатализованный заднеязычный): следовательно в соответствии русскому написанию *ти* будет воспринято キ (k'i), в соответствии русскому написанию *тя* — k'a и т. д. Но понятно, что в выработке русской транскрипции я должен был считаться с обще-русской нормой, а не со случаями индивидуального смешения звуковых систем. С другой стороны, надо оговорить, что если бы в языке, для которого создается практическая транскрипция, существовали бы различения в роде ti — t'i и т. п. (как в китайском: ср. t'i̯æn 天 и ć'i̯æn 錢, или в Нагасакском говоре д. Мие, где различаются t^{s}a: и ća:), то решение должно было бы быть иное.

Особого рассмотрения заслуживают заднеязычные согласные — именно в восточных языках (арабском, турецком, грузинском и др. кавказских и т. д.), где эта категория делится на 2[1] под-категории по месту образования: 1) *неглубоких* — и 2) *глубоких* заднеязычных.

При первых (не-глубоких, каковы напр. арабск. ك [k], тур. ک [k], گ [g]) приподнимается к нёбу сравнительно не-глубоко отстоящий участок задней части спинки языка — лежащий против границы твердого и мягкого нёба или даже против твердого нёба.

При вторых же (глубоких, каковы напр. арабск. ق [q], турецк. ق [q], туркменск. начальное ڭ [ɢ], арабск. غ [Ɣ], арабск. и турецк. خ [Ɣ]) приподнимается к нёбу значительно более даль-

[1] А иногда более чем 2. Но на таких случаях (имеющих место, напр. в некоторых кавказских языках) я позволю себе здесь не останавливаться.

ний участок задней части языка,—лежащий против мягкого нёба. Поэтому, с точки зрения противолежащего языку органа, первые называются иногда «твердо-нёбными», а вторые «мягконёбными».

Таким образом, различаются следующие типы заднеязычных звуков:

	Смычные. Глухой.	Звонкий.	Спиранты Глухой.	Звонкий.	Носовой.
Не-глубокие ...	k	g	x	γ	ŋ (= ŋ)
Глубокие.....	q	ɢ	ʜ	ʁ	ɴ (= ŋ)

Примечание. Для заднеязычного носового обеих категорий употребляют обычно один знак (ŋ), но возможна и дифференциация их — знаками ŋ и ɲ.

Звуки [k g x γ] имеются в русском языке. Если мы прибавим к ним русск. [k′ g′ x′ γ′], мы получаем также две подкатегории заднеязычных, но уже не те, что только что рассмотрены: это будет 1) ряд не-глубоких [k g x γ], 2) ряд еще более передних (благодаря палатализации) [k′ g′ x′ γ′]. Возможна, конечно, и промежуточная ступень — «полумягкое» k в русском *к этому*.

Глубокие [q], [ʜ], [ʁ] имеются в арабском и в ряде турецких, напр., узбекском, татарском и других. Звонкий же [ɢ] — явление чрезвычайно редкое: он известен мне главным образом из туркменского языка (напр. туркм. ɢa:n «кровь» ← о.-тур. *qa:n).

Примечание. Отсутствие [ɢ] смычного в арабском и др. языках, имеющих глухой смычной [q], стоит, повидимому, в связи с тем, что звонкие смычные на пути перерождения в аффрикату и в спирант обычно всегда опережают соответствующие глухие. Сравни то же в ряду не-глубозаднеязычных: k уцелело (ввиде ʃ), а g → ž (ج) [Сравни جبر (откуда узбекское جەبر) и русск. *алгебра*,— где *г* из древне-арабской формы слова الجبر].

Типы согласных звуков.

		Смычные (неносовые)	Спиранты.	Аффрикаты.	Дрожащие.	Боковые.	Носовые
Губные	Губно-губные.	p b	ɸ w	p͡ɸ	ʩ ʚ		m
	Губно-зубные.		f v				
Переднеязычные.	Корональные.	t d	s z	t͡s=c d͡z=ɜ		l̥ l	n
			θ ð				
			š ž	t͡š=č d͡ž=ǯ	r̥ r		
		ṭ ḍ	ɻ ɻ		r̥ ṛ	l̥	
	Дорсальн		ś ź	t͡ś=ć d͡ź=ʑ			
Средненёбные.		ɦ ʝ	ç j			ʎ̥	ɲ
Заднеязычные	Палатализ.	k g′	x′ ɣ′				
	Нёбно-губные	k g	x ɣ	k͡x g͡ɣ			ŋ
	Глубокие. Увулярные.	q ɢ	χ ʁ				ɴ
			ʜ ʛ		ʀ ʀ		
Гортанные.	Эпиглот.	ʔ ʕ	h ɦ				
			H=ɧ Q=ɋ				

Вышеприведенная таблица содержит те транскрипционные символы согласных, которые я употребляю в настоящем курсе, и которые в общем являются несколько видоизмененной формой Международного Фонетического Алфавита. При этом я отнюдь не придаю тем некоторым изменениям и пополнениям, которые здесь внесены (в систему согласных символов МФА), принципиального значения, и не считаю мой выбор в этом отношении окончательным: это просто та система обозначений (согласных), которая сложилась у меня на практике, — когда приходилось пользоваться системой МФА в применении к звуковому составу разных языков и по мере надобности вносить в нее известные уточнения, или пополнения.

Вообще же по поводу транскрипционной системы надо заметить следующее:

1) полного тожества звуковых значений у символов транскрипции ожидать немыслимо, поскольку эта транскрипция применяется к ряду разных языков: звуки одного и того же типа имеют в каждом языке свои особенности (более или менее ощутительные); хорошо, если эти особенности будут оговорены в фонетическом описании данного языка или говора, и тогда ими незачем уже обременять транскрипцию: достаточно, если она будет указывать родовую категорию (— т и п), к которой принадлежит данный звук [такие *типы* звуков и указаны в вышеприведенной таблице].

2) все-таки, совершенно ясно, что желательно единообразие (по крайней мере в основных чертах — в главных типовых символах) в транскрипции — и в работах одного лица по разным языкам, и в работах всех лингвистов. С этой целью созданы универсальные системы транскрипции, напр. «Visible Speech» Bell'a [ныне уже никем не употребляемый, и имеющий, следовательно, лишь историческое значение в нашей науке], Русская Лингвистическая Азбука [сокращенно РЛА] — на основе русского алфавита, Международный Фонетический Алфавит [сокращенно МФА; опубликован в брошюре изданной

Международной Фонетической Ассоциацией: «Exposé des principes de l'association phonétique internationale. 1908»].

3) по ряду соображений я считаю наиболее рациональным следовать именно МФА. Однако, МФА вовсе еще не законченная система и нуждается в пополнениях и уточнениях, что становится совершенно ясным при попытках применения ее к ряду восточных языков (так напр. для абхазского мне пришлось ввести ψ° $\overset{\beta}{\psi}$ ψ^{ϵ} и другие отсутствовавшие в МФА символы). Возможность пополнений предвидели и сами авторы МФА (члены Международной Фонетической Ассоциации). Один из приемов пополнения — это введение для нового звука того знака, которым этот звук обозначается в данной национальной письменности (так напр., я позволяю себе отказаться от предложенных в МФА символов для среднеязычных смычных [c ɟ], введя взамен сербские буквы [ћ ђ], употребляемые именно с этим значением в сербском алфавите).

4) Кроме тех видоизменений и пополнений, которые вошли в процессе работы в мою транскрипционную практику (на основе МФА), есть еще глубоко продуманная система дополненного (и несколько видоизмененного) МФА, опубликованная профессором Л. В. Щербой в статье «К вопросу о транскрипции» (Изв. Отд. русск. яз. и сл. Ак. Наук, т. XVI (1911 г.) кн. 4-ая). С этой системой я и считаю нужным познакомить читателя — см. ниже.

Кроме того я привожу еще (по вышеупомянутой статье Л. В. Щербы): 1) Систему знаков МФА — в том виде, как она опубликована Международной Фонетической Ассоциацией (в 1908 г.), т.-е. МФА в основной, первоначальной форме; 2) систему знаков РЛА; 3) систему знаков употребляемых в работах К. Бругман'а (автора капитальной работы по индоевропейской сравнительной грамматике: «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen») и других индоевропеистов.

Нужно признаться, что объединение в транскрипции между

лингвистами так и недостигнуто (универсальные системы, как-то МФА, РЛА и наконец транскрипция Brugmann'a, объединяют лишь известные группы лингвистов: МФА — главным образом западноевропейских и в меньшей степени русских фонетиков и вообще авторов работ по описательному языкознанию; РЛА — большинство русских востоковедов-лингвистов, Бругмановская транскрипция — авторов работ по сравнительной грамматике индоевропейских языков); поэтому читателю необходимо знакомиться с рядом транскрипций. Унификация же фонетической транскрипции, по крайней мере для работников СССР, стоит, по моему мнению, на очереди среди насущнейших задач наших краеведческих научных объединений.

5) Кроме вышеназванных универсальных систем, на значение универсальной транскрипции претендует и яфетидологическая транскрипция академика Н. Я. Марра. Я не считаю возможным излагать ее в настоящем курсе (ограничиваясь тем, что в «Характеристике грузинского консонантизма» и в «Фонетической характеристике абхазского языка» я даю ее соответствия к моим транскрипционным знакам), так как яфетидологическая транскрипция, несмотря на то, что в основе ее и лежат известные теоретические положения, не является фонетической транскрипционной системой [дело в том, что выбор известных обозначений продиктован не физиологическим составом данных звуков, а этимологическими соображениями о происхождении их; фонетическим nonsens'ом является и распространение понятия «аффрикат» на заднеязычные спиранты и смычные, а с ним и появление знаков вроде k q̇ ḳ q ǧ — в параллель к t ȯ ṭ ọ ď (тогда как на самом деле подлинные заднеязычные аффрикаты представлены в меньшинстве кавказских языков, и в таких системах, как грузинская, абхазская или чеченская совершенно отсутствуют)].

Повторяю, что нижеследующие таблицы знаков, предлагаемых для обозначения согласных в универсальных системах транскрипции, я привожу по вышеупомянутой статье «К вопросу

о транскрипции»; как читатель увидит, новшества, предложенные самим Л. В. Щербой, повторяются, в большинстве случаев, и в вышеприведенной моей (Е. П.) таблице согласных символов (выработавшейся у меня в процессе практической работы) и теоретических возражений против предложенных Л. В. Щербой знаков у меня не имеется.

Таблица согласных символов Международной Ассоциации (МФА).

		Бронхо-вые.	Гортан-ные.	Языко-вые.	Задне-небные.	Небные.	Язычные.	Губные.
Согласные.	Взрывные		ʔ	q ɢ	k g	c ɟ	t d	p b
	Носовые				ŋ	ɲ	n	m
	Боковые				ɬ	ʎ	l	
	Дрожащие			я ʀ			r	
	Придувные	ʜ ʡ	h ɦ	ʁ ʕ	(ʍ w) x ɣ	(ɥ) ç j	ʃ ʒ s z ɹ θ ð	f v ɸ ʊ ʍ w ɥ

Объяснения знаков (МФА 1907—1908 г.).

Согласные. — Небные c ɟ известны во французском, в диалектическом произношении слов *qui* ci, *gai* ɟe (ср. русские диалектические *тисть*, *андел*), или в венгерском, в словах *kotya*, *magyar*. — q — арабское *каф* (глубокое *к*). — ʔ слышится в немецком (северном) перед начальными гласными; это «гортанный взрыв», stød в датском, *гамза* арабов. — ɲ — французское *gn*

ʁ *règne*; ŋ — германское *ng* (заднеязычное *н*). — ʎ — «l mouillé» южно-французского, *ll* испанского, *lh* португальского, *gl* итальянского, ль сербского. — ɭ — твердое л русского и польского. — r — *р* обыкновенное раскатистое. — ʀ — раскатистое язычковое *р*.

ɸʋ — простые губногубные спиранты: ɸ слышится при тушении свечки губами (при «фуканьи»); ʋ — *b* испанского *sabér* и одна из разновидностей голландского *w*. — ɥ образуется точно также, но с поднятием передней части языка — это консонантическое *и* французского *lui*. При ʍ w поднимается задняя часть языка: w — консонатическое французское *ou* в *oui*, ʍ — одна из разновидностей английского *wh*. — θð произносят, прикладывая конец языка к верхним зубам или ставя его между зубами: θ — глухое английское *th*, греческое θ, исландское þ, ð — звонкое английское *th*, исландское ð, греческое δ. — ɹ южноанглийское r (без дрожания). — ʃʒ — обыкновенные ш и ж. — ɕʝ, немецкие «*ich*-laut» и j. — x — немецкое *ch* в *ach*, испанское *j* в *jabon*; ɣ — немецкое *g* в *wagen*, как его произносят часто на севере Германии. — ħ — арабское *kh* в *khalifa*, иногда испанское *j* и немецкое (швейцарское) *ch*. — ʁ — датское *r*, арабское *gh*. — ɦ — звонкое *h* арабов, чехов и малороссов. — ħ и ʡ — арабские *hha* (ḥa) и «ʿaïn».

Дополнительные знаки (к МФА 1907—1908 гг.).

Долгота обозначается ː (как и после гласных, так и после согласных символов).

Дополнительные знаки, изменяющие значение основных знаков. — Глухие звуки обозначаются кружечком внизу, а звонкие перевернутой крышечкой, так: r̬ — *r* звонкое (*rare*), r̥ — *r* глухое (*poutre*).[1]

Какуминальные звуки, образуемые поднятием кончика языка, обозначаются точкой внизу ṭ, ṇ, ạ (*ar* в юговосточном английском

[1] В моей же практике, наоборот (как и у многих авторов) перевернутая крышечка под буквой (̬) означает *глухость*, а кружочек под буквой — слогообразующую функцию. Е. П.

part). Эмфатические согласные арабского — двумя точками снизу: s̤, t̤, d̤. Согласные, сопровождаемые гортанным взрывом: k', p' (грузинское t'setsa). «Мягкие», «палатализованные» согласные обозначаются точкой наверху: ṡ, ż, ṗ.

Наконец, можно ставить буквы в виде экспонентов, так $\int^s$ обозначает ʃ, несколько напоминающее s. Неслогообразующие гласные обозначаются так: u̯, слогообразующие согласные — n̩.

Объяснение знаков (в видоизменении МФА, предложенном Л. В. Щербой — 1911 г.).

Вместо неудобных и непривычных с ʝ ʎ международного алфавита для палатальных смычных и бокового я выбрал очень удачные знаки Бодуэна-де-Куртенэ, представляющие из себя лигатуру соответственных переднеязычных с *j*. Неудобное ɢ я заменил Бругмановским знаком g, который неудачно употреблен в м. а. для заднеязычного звонкого спиранта. Рядом с ŋ допускаю Бругмановский знак ɴ, точно так же как рядом с ʋ — знак, принятый в германской филологии ƀ. — Разницу между ɸ ʋ и ʍ w я вижу, вслед за Jespersen'ом в том, что при первых щель широкая продольная, а при вторых более сконцентрированная; иначе говоря ɸ ʋ являются слабыми чуть раскрытыми p b, а ʍ w — глухим и звонким *и* с сильным консонантным шумом на губах, т.-е. закрытым *и* с энергичной работой губ. — s̻ z̻ (знак обязательно отвесный и над буквой) — дорсальные *ш* и *ж*, которые могут быть твердыми и мягкими. — š ž (допускаю и знаки м. а.) — корональные ш и ж, могущие быть твердыми и мягкими. Знаки эти являются в полной мере международными и потому я счел необходимым ввести их наряду со знаками м. а. Так сделал и Jespersen, в общем принимающий м. а. — Для θ ð я допускаю и другие общепринятые варианты. — Вслед за Jespersen'ом считаю возможным отличать заднеязычное *r* без дрожания от заднеязычных спирантов, но думаю, что пока можно и не отличать двух рядов таких заднеязычных *r* без

Таблица знаков для согласных в видоизмененной форме МФА, предложенной проф. Л. В. Щербой (1911 г.).

		Гортанные.	Язычковые.	Язычные				Губные	
				Задне-		Средне-	Передне-	Зубно-	Губно-
				Более глубокие.	Менее глубокие.				
Смычные	Чистые	ʔ		q ɢ	k g	ʧ ʤ	t d		p b
	Носовые.				ŋ [ɴ]	ɲ	n		m
Щелинные	Простые.	h ɦ ḥ [ʜ] ɧ [ɋ]		x ɣ ʜ ʁ	χ ʕ	ʃ [ʎ]	l ʎ s z ś ź š [ʃ] ž [ʒ] θ [ɸ ɕ] ð [ð đ] ɻ	f v	ɸ ʊ [ƀ] ʍ w ɥ
	С дрожанием		ʀ ʁ				r ř		
Сложные.						c̀ ʒ́	c ʒ c̀ ǯ		

дрожания: для каждого языка все равно придется давать предварительные объяснения (ключ к алфавиту). — При неразличении в данном языке двух рядов заднеязычных всякий, конечно, может выбирать любые знаки и в любом сочетании. Для арабских ḥha (ḥ) и ʿaïn, механизм которых неизвестен (бронхи только тут не при чем), я позволяю себе предложить знаки ḥ и ḫ, наряду со знаками м. а., которые мне кажутся неудобными. — ř — переднеязычное дорсальное r (чешское ř), которое, конечно, может быть твердым и мягким (в чешском оно твердое). Прекрасное описание Хлумского (Chlumsky) в Revue phonétique 1911, стр. 36 и 37, чешского ř еще более убеждает меня в том, что я был прав в своем анализе его существенных моментов (ср. Известия Отд. р. яз. и сл. XV, 1). Само собой разумеется, что под dorsum в данном случае я разумел его самую переднюю часть. — c — я присваиваю значение обыкновенного русского *ц* или немецкого *z*; ʒ — соответственный звонкий, который до сих пор изображали через *dz*; č — русское *ч*, а ǯ — соответственный звонкий (dž) — оба корональные, тогда как ć ʒ́ — дорсальные (твердые и мягкие); различать ć ʒ́ переднеязычные и среднеязычные представляется мне мудреным на практике. Само собой разумеется, что этим далеко не исчерпывается все богатство аффрикат; но это дело предварительных объяснений или экспонентов, так c^s может значить, что преобладает спирантный элемент; $^t c$, наоборот, что преобладает смычный и т. д. Нужно помнить, что если отмечать все разнообразия звуков человеческой речи, то потребуется бесконечное число знаков в буквальном смысле слова.

Из нововведений, которые бы я себе позволил провизорно предложить — это знаки для глухих — l, ɻ, r, ř. Я полагал-бы, что для этого можно воспользоваться греческим алфавитом, т. е. взять λ, ∂, ρ, ῥ.

Л. В. Щерба.

Знаки для согласных, употребляемые Бругманом (сравнительно-грамматическая транскрипция).

Гортанные.	Задненебные		Небные	Зубные.	Губные.
	Более глубокие.	Менее глубокие.			
	q g	k g	t′ [k̑] d′ [g′]	t d	p b
		ŋ	n̂	n	m
	ɣ		l′	l	
				r	
h	x ʒ	χ γ	ś ź	s z	f v ƀ
			š̀ ž̀	š ž	
			χ′ j	þ [ϑ] đ [ð̂]	
				c	
				č	

Русская лингвистическая азбука.

Согласные.

			I		II		III	IV		V	VI
			Губные.		Передне-язычные.		Средне-язычные.	Задне-язычные.			
			Губно-губные	Зубно-губные.	Язычно-зубные, альвеолярные и дорсальные.	Перебральные		Язычно-небные.	Язычно-велярные.		Гортанные шумы.
Шумные.	Простые.	Смычные. Глухие.	п	(π)	т	ṭ	ћ	ҕ к	k		ˀ ɬ
		Смычные. Звонкие.	б	(β)	д	ḍ	ђ	ҙ г	г^{s}		ɣ
		Спиранты. Глухие.	f	Ф	þ с ç ш.	ṣ щ	ʗ	x$_{\text{ҙ}}$ x	x^{s}		h ḥ
		Спиранты. Звонкие.	w	в	ð з ẓ ж	ẓ ж	j	ҕ ҕ	ҕ^{s}		ɣ
	Сложные.				ц ҷ ч ч		j			ɬ	
					ʒ ɥ		J			ɬ	
							ń			ʎ	
										ʈ	
Сонорные.	Звонкие	Носовые.	м		н	ṇ	ь j	ң	ҥ		
		Звуки Л			л l	ḷ	љ			ʁ	
		Звуки Р			р г	ṛ		ʁ	ʕ		ṛ
	Глухие.		ˀм		ˀн ˀл ˀр						

Объяснение знаков.

ç ʒ — дорсальные *ш* и *ж*; ш ж — коропальные.

ˀ перед гласным означает обыкновенное, слабое начало гласного.

ˈ — бесшумный перерыв.

ʕ — гортанный взрыв.

ẖ — арабское ẖ (ẖha).

ʕ — арабское «ʿaïn».

ꝛ — дрожащий гортанный звук.

j = т + j = ᵀj; ȷ = д + j = ᴰj; ṅ = н + j = ᴺj.

ч = t̀ + ш; щ = t̀ + с; ч = т + ш = ᵀш; ц = т + с = ᵀc; ʤ = д + ж = ᴰж; ʒ = д + з = ᴰз.

л = лъ; l — «средний» л; р = дрожащий *р*; г — *р* без дрожания.

ɟ — носовой j.

ɪ = *т* + *л*; ɪ̄ = *т* + *лл*.

ʎ = одновременное сочетание *х* и *л*.

ʎ̄ = *т* + *л* + *х*.

ʀ = *л* + ꝛ или *л* + ρ.

Дополнительные знаки.

Слабые глухие: б̯, д̯, г̯.

Энергичные согласные: к̲, т̲, д̲, с̲.

Согласные с закрытой гортанью: t̓, k̓.

Придыхательные согласные: t̔, d̔, c̔ (звонкое придыхание б‘‘, д‘‘).

Усиленное придыхание: п^{ъ}, т^{ъ}.

Согласные с гортанным взрывом: ǩ, ť, ň.

Палатализованные (мягкие) согласные: t̀, п̀, c̀.

Лабиализованные согласные: t̊, ш̊.

Слогообразующие согласные: м̥, н̥.

Гласные.

§ 51. Переходя к анализу звукопроизводных работ при гласных звуках, необходимо остановиться на вопросе — что́ именно служит отличием гласных от согласных. Выше (в § 42) уже упоминалось о том, что при гласных необходим проход воздуха через полость рта, и следовательно при смычке, закрывающей полость рта, гласные невозможны; в другом месте (в § 17) говорилось, что гортань работает иным образом при согласных, чем при гласных — давая при согласных (благодаря более широкой голосовой щели) выход бо́льшему количеству воздуха. Упоминалось (в § 26) также о том, что гласные без голосового тона (глухие) бывают плохо слышны, что гласные (звонкие) бывают более звучными, чем согласные (почему и бывают слогообразующими) — в этом уже их акустические особенности. Таким образом, из сказанного можно заключить, что разница между гласными и согласными состоит, как в физиологических, так и акустических признаках. Но, с другой стороны, из вышесказанного еще нельзя установить точной границы между гласными и согласными — наоборот можно составить представление о том, что некоторые согласные составляют как бы приближение к гласным. Ведь, если гласные не возможны при смыкании рта, то и некоторые согласные (все кроме смычных и аффрикат, см. § 42) также имеют открытым проход воздуха через рот. Если гласные плохо слышны в глухом виде, то и некоторые согласные (сонорные и носовые, см. § 26) тоже. Эти же самые согласные легко становятся слогообразующими (см. § 32), обличая этим свою близость к гласным. Наконец, по поводу того факта, что гласным присущ небольшой расход выдыхаемого воздуха, можно сказать также, что при различных согласных расход воздуха бывает различен (воздуха расходуется в единицу времени больше при взрыве смычного, чем при спиранте; и при сонорном — меньше, чем при спиранте). В результате мы должны

относиться к физиологическим и к акустическим свойствам гласных звуков — не как к чему-то безусловно отсутствующему в согласных, а наоборот — как к свойствам, допускающим ряд постепенных переходов.

С точки зрения акустической гласные состоят главным образом из голосового тона, т.-е. голосовой тон — это наиболее сильный из звуков, входящих в состав гласного. Но, однако, акустический состав гласного не исчерпывается голосовым тоном, — к нему присоединяются некоторые тоны, создаваемые в полости рта (при носовых гласных в полости рта и в полости носа), и известным образом окрашивающие голосовой тон, — сливающиеся с ним в роде того, как аккорд аккомпанимента сливается с тоном мелодии. Но сами по себе эти звуки, образуемые в полости рта, слабы и плохо слышны. При согласных — наоборот: звуки, образуемые в полости рта, хорошо слышны (по крайней мере при тех согласных, которые не являются переходом к гласным). В связи с этим акустическим отличием между гласными и наиболее отличными от них согласными (смычными неносовыми и спирантами) можно уяснить и отличия физиологические.

Предположим, что смычки нет, и струя воздуха выходит через рот. Для того, чтобы шум, возникающий в полости рта, был силен, нужно, чтобы происходило сильное трение выдыхаемого воздуха о стенки ртовой полости. Это трение может быть сделано сильным в зависимости от двух причин: 1) усиления струи, т.-е. количества выдыхаемого воздуха, 2) сужения ртового прохода. Потому, с одной стороны, при гласных воздуху выходит меньше, чем при спирантах. И, с другой стороны, сужение ртового прохода при спирантах обыкновенно уже, чем при гласных (при гласных рот более открыт). Но иногда различие между спирантом и гласным обусловливается только одним из этих двух факторов. Например, возможно произносить звуки [u], [w] при одинаковом сужении ртового прохода (т.-е. при одинаковом сближении губ); увеличивая количество выдыхаемого воздуха, можно получить [w]; ослабляя же выдых — [u]. Точно так же

можно переходить при одинаковом положении языка, губ и нижней челюсти от звука [ц] к звуку [у].

Что касается до смычных неносовых, то в их акустическом составе играет первенствующую роль взрыв смычки; на взрыв смычки расходуется чрезвычайно большой запас воздуха (если сравнить количество воздуха, выходящего в единицу времени изо рта при взрыве смычки, с количеством воздуха, вытекающего в ту же единицу времени при спирантах и при гласных). И смычные неносовые являются антиподами по отношению к гласным — они менее, чем какие-либо другие согласные могут быть сближаемы с гласными: и по своей степени звучности, и по своей минимальной способности быть слогообразующими, и по той роли, которая уделяется в их акустическом составе голосовому тону (если он имеется), и по количеству выдыхаемого воздуха (в связи с чем находится положение голосовых связок), и по затвору полости рта.

§ 52. Голосовой тон, составляющий акустическую основу и залог хорошей слышимости гласного, называется основным тоном гласного. Однако, как уже говорилось, он вовсе не составляет того, что постоянно для данного гласного, например для гласного [а]. Мы ведь можем произносить разные гласные с одним и тем же голосовым тоном и, с другой стороны, менять его при одном и том же гласном. Характерным для гласного, т.-е. тем, что отличает один гласный от другого (напр. [а] от [е]) являются тоны, создаваемые в полости рта. Главный из них (он и самый низкий) называется характерным тоном или формантом данного гласного. Прочие (более высокие) называются обертонами к нему. Совокупность характерного тона с его обертонами, составляющая полную характеристику данного гласного, называется тембром гласного. Тембр гласного зависит от величины и формы полости рта так же, как характер звуков, получаемых из духовых инструментов, зависит от величины и формы этих инструментов. Известно, что большая труба дает более низкие тоны, чем маленькая. Потому и звук [и], при котором участвующая в звукопроизводстве пещера

(полость рта, увеличенная вытянутыми вперед губами) больше, чем при других гласных, обладает наиболее низким характерным тоном. Можно определить характерные тоны для всех гласных, что называется акустической характеристикой гласных.

Самый высокий характерный тон принадлежит гласному [i], при [e] он ниже, при [o] еще ниже, но не настолько, как при [u].

Для того, чтобы ознакомиться с методами и характером акустического описания гласных [которые, замечу кстати, обследовались с акустической стороны гораздо больше, чем согласные], можно рекомендовать книгу Л. В. Щербы «Русские гласные в качественном и количественном отношении».

§ 53. С точки зрения звукопроизводных работ гласные можно характеризовать, описывая присущую отдельным гласным форму надставной трубы (т.-е. того канала, по которым протекает выдыхаемый воздух: сюда относятся или полость рта или полость рта + полость носа). В этом состоит физиологическая характеристика или физиологическая классификация гласных. Наиболее распространена система физиологической классификации гласных, носящая имена фонетиков Bell'a и Sweet'a. Для того, чтобы определить форму надставной трубы, достаточно указать положение подвижных органов: небной занавески, нижней челюсти, языка и губ. О роли небной занавески, в зависимости от которой гласные делятся на носовые и неносовые, уже говорилось (в § 35). Нам остается, следовательно, рассмотреть все неносовые гласные, помня, что каждый из них может быть сделан носовым.

§ 54. Относительно роли нижней челюсти, нужно сказать, что несмотря на обычные различия в ее положении при разных гласных, нельзя считать то или иное положение нижней челюсти (иначе говоря тот или иной раствор челюстного угла) самодовлеющей причиной качества того или иного гласного. Таковой причиной является положение языка и губ; если язык высоко поднят (какой-либо из своих частей) к небу, то тембр гласного получается иной, чем при менее высоком поднятии (той же

части) языка. Точно также при некоторых гласных имеет значение то, насколько сильно приближена одна губа к другой. При сильном поднятии языка, как и при сильном приближении губы к губе, ртовый проход сужается; это обычно сопровождается и уменьшением челюстного угла. И потому гласные, называемые *узкими* с точки зрения сближения губ или с точки зрения поднятия языка к небу, обыкновенно бывают *узкими* и в смысле раствора челюстного угла. Но для создания определенного качества гласных важным оказывается первое — положение языка и губ, а не второе (положение нижней челюсти). И можно изловчиться произносить различные гласные (в том числе и широкие и узкие) при одинаковом челюстном угле.

§ 55. С точки зрения участия губ гласные делятся на *лабиализованные* (от лат. labium «губа») и *нелабиализованные*. Первые снабжены губным округлением, благодаря которому губы являются краями выходного отверстия звукопроизводной камеры; при вторых краями звукопроизводной камеры служат зубы. В системе Bell'a и Sweet'a лабиализованные носят техническое обозначение *round* (сокращенно r), а нелабиализованные *unround* (сокращенно u).

К лабиализованным принадлежат [ʉ], [o], [ɔ], [y], [ø], [œ]. Губная работа (или *лабиализация*) при звуке [o] иная, чем при [ʉ]: при [o] губы не столь сильно сближены, и круглое отверстие между ними шире, чем при [ʉ]. При [ɔ] оно еще шире. То же самое последовательное расширение губного отверстия наблюдается при переходе от [y] к [ø] и [œ].

Помимо степени сближения губ лабиализованные гласные могут еще различаться в зависимости от степени выпячивания губ вперед. Так французские [ʉ] и [o] произносятся с более сильным выдвижением губ вперед, чем английские или русские лабиализованные гласные.

§ 56. В работах языка при гласных имеется очень много различных сторон, способных отражаться на качестве гласного. Из них схема Bell'a и Sweet'a имеет в виду три самые главные:

место наиболее приподнятой к небу точки языка, степень приподнятости, сильную или слабую напряженность мускулов языка.

§ 57. В зависимости от того, какая часть языка приподнята к небу, гласные делятся (следуя терминологии Bell'a и Sweet'a) на front (сокращенно f), mixed (сокращенно x) и back (сокращенно b). При первых (front) наиболее приближенной к небу оказывается самая передняя часть спинки языка (приблизительно та, которая устраивает сближение при [j] и [ç] — близко лежащая к кончику его). По-русски их принято называть передними гласными. Таковы гласные [i], [e], [ɛ], [y], [ø], [œ]. При гласных типа back приподымается наоборот задняя часть языка (приблизительно та, которая устраивает смычку при [k], [g]). По-русски их принято называть задними гласными. К типу back принадлежат: [u], [o], [ɔ]. Если же при гласном сильнее всего подымается то место языка, которое лежит между местом поднятия при front и местом поднятия при back (т.-е. средняя часть спинки языка), то гласный принадлежит к mixed. По-русски их иногда называют нейтральными гласными. Из гласных этого типа можно упомянуть тот немецкий звук, который заменяет в неударенных слогах звук [e], он изображается через ə; например в Gabe [ga:bə], alle [alə], genommen [gənɔmən]. Иногда этот звук факультативен, например таково второе [ə] в genommen, также в Adel [ˀa:d(ə)l], hatten [hat(ə)n], Übel [ˀy:b(ə)l]). К mixed принадлежит также тот гласный, который имеется в английских idea [aidiə], here [hiə], better [betə], honour [ɔnə]. Из лабиализованных к mixed принадлежит норвежский звук, который имеется в словах hus, nu и который является звуком промежуточным между [u] и [y]. Подобный ему звук некогда служил также переходной ступенью в процессе развития французского [y] из латинского [u], например в une<una, lune<luna.

Нужно помнить, что деление на три класса условно — внутри каждого из них могут быть более передние и более задние звуки. Так английское [ə] — звук более задний, чем ə в немец-

ком. Русское ы [ш] нередко причисляют к mixed, но между тем это только немного продвинутый вперед back. Если мы от гласного [u], являющегося несомненным представителем типа back, отымем губную работу (сохранив положение языка), то получится звук, очень напоминающий русское [ш] (но еще более близкий к [ш], типичному для многих турецких языков, напр. киргизского, азербайджанского, якутского).

§ 58. По степени поднятия (какой-либо точки) языка к небу система Bell'a и Sweet'a различает также три степени: гласные с сильным поднятием языка — high (сокращенно h); гласные с менее высоким поднятием языка — mid (сокращенно m); и гласные с еще более низким положением языка — low (сокращенно l). Во французской терминологии обычно различают 4 степени: voyelles fermées, mi-fermées, mi-ouvertes и ouvertes. Но, разумеется, слова fermé и ouvert (как и русские закрытый и открытый или узкий и широкий) могут иметь и относительное значение. Важно отметить, что гласные узкие с точки зрения положения языка (т.-е. приближения языка к небу) являются обычно узкими также и по размеру челюстного угла (см. § 54) и, если они лабиализованные, по величине губного отверстия (см. § 55).

К типу high принадлежат: [i], [u], [y] (voyelles fermées). К mid — [e], [o], [ø] (voyelles mi-fermées). К low — [ɛ], [ɔ] [œ] (voyelles mi-ouvertes) и [a], [ɑ][1] (voyelles ouvertes).

§ 59. Переходя к третьему делению гласных по работам языка, — к делению на напряженные и ненапряженные, нужно указать, что под напряженностью языка разумеется более сильное сокращение его мускулов, благодаря которому поверхность языка становится более твердой. Подобно тому, как большая или меньшая твердость материала, из которого сделан

[1] Сохраняя за символом [a] родовое значение звуков типа «А», символом [ɑ], в случае надобности, я буду обозначать задний вариант «А» (каково турецкое a или французское a: [ɑ:] в слове pâte), в отличие от a среднего (как в русском) или a переднего (как французское a в patte).

духовой инструмент, отражается на качестве звука, большая или меньшая напряженность языка дает отличные оттенки гласных. Так гласные напряженные отличаются особенно определенным, как бы металлическим тембром. Таковы все гласные во французском языке. Наоборот, в русском на тембре отражается дряблость и ненапряженность языка, которая является одним из главных дефектов «русского произношения» для французского языка. Bell и Sweet обозначают гласные напряженные термином narrow (сокращенно n), ненапряженные же — wide (сокращенно w). Нужно заметить, что иногда под этими терминами понимается просто большая или меньшая выпяченность и выгнутость языка (т.-е. тонкие оттенки того самого, что выражается терминами high, mid и low). Дело в том, что напряжение мускулов известной части языка способствует некоторому выпячиванию кверху его поверхности. Потому можно встретить, например, противоположение звуков: французского [ɛ] английскому [æ] (тому гласному, который имеется в man, bad) по напряженности первого и ненапряженности второго: [ɛ] названо lfnu, т. е. low front narrow unround, а англ. [æ] названо lfwu, т. е. low front wide unround. Но существенное различие между этими гласными состоит главным образом в меньшей приподнятости (и следовательно меньшем приближении к небу) передней части спинки языка.

В нижеследующих очерках фонетического состава различных языков я не буду прибегать к делению гласных на напряженные и ненапряженные (указав, однако, что все французские гласные более напряженны, чем русские).

§ 60. Для примера я приведу физиологические характеристики следующих французских гласных, служащих типичными и для ряда других языков: [i], [e], [ɛ], [u], [o], [ɔ], [y], [ø], [œ].

[i] hfnu, т.-е. high front narrow unround
[e] mfnu, т.-е. mid » » »
[ɛ] lfnu, т.-е. low » » »

Следовательно, [i], [e] и [ɛ] суть гласные передние, напряженные и нелабиализованные, отличающиеся друг от друга разными степенями приподнятия языка к небу.

[u] h b n r, т.-е. high back narrow round
[o] m b n r, т.-е. mid » » »
[ɔ] l b n r, т.-е. low » » »

Следовательно, [u], [o] и [ɔ] суть гласные задние, напряженные и лабиализованные, отличающиеся друг от друга разными степенями приподнятия языка к небу.

[y] h f n r, т.-е. high front narrow round
[ø] m f n r, т.-е. mid » » »
[œ] l f n r, т.-е. low » » »

Следовательно звуки [y], [ø], [œ] суть гласные передние и лабиализованные, отличающиеся друг от друга различными степенями приподнятости языка к небу. Язычные работы при них одинаковы с язычными работами ряда [i], [e], [ɛ], а губные — с губными работами ряда [u], [o], [ɔ].

В качестве примера, повторяющего важнейшие основные типы гласных (встречающихся в массе других языков), приведу перечень гласных туркменского языка.

Туркменская система вокализма содержит 16 гласных фонем: 8 кратких и 8 долгих:

Краткие:

1) i — h f u
2) e — m f u, напр. в بەر [ber] «дай!»
3) y — h f r
4) ø — m f r, напр. в گۆر [gør] «смотри!»
5) ш — h b u
6) u — h b r
7) o — m b r
8) a [точнее = A]. Туркменское краткое a может быть, в общем, причислено, к типу l b n (low-back-unround), но, в отличие от долгого, обладает все-таки сравнительно — сильным

поднятием задней части языка к нёбу, т.-е. приближается к типу m b r (mid-back-unround, для которого символом служит знак [ʌ]).

Пример: داش [daš = dAš] «далекий» (ср. сев.-узб. taš «вне» и соответствия в других языках: якутском, чувашском и т. д.).

Долгие:

1) i — долгое h f u

2) æ — » l f u напр. в باش [bæ:š] «5»

3) y — » h f r

4) ø — » m f r напр. в گور [gø:r] «могила»

5) ɯ — напр. в غبز [gɯ:ð]. Это звукопредставление (долгого «ы») фактически произносится на манер дифтонга [ɯï] (или, может быть, даже [ɯi]), так что определение h b u подходит только к началу этого неоднородного гласного

6) u — долгое h b r, напр. в دوز [du:ð] «соль»

7) o — » m b r, напр. в اود [o:d] «огонь»

8) a [= ɑ:] — долгое l b u, напр. в داش [da:š] «камень» (ср. сев.-узб. Иканск. и т. п. [ta:š] и соответствия в других языках: см. выше).

Особым дифференцирующим моментом — как в гласных, так и в согласных — является момент долготы или краткости (или количества гласных и согласных). Мы условимся краткий вариант гласного или согласного оставлять без особого знака, а долгий — обозначать двоеточием после данного транскрипционного знака, напр. [a:, n:].

Особенно часто приходится иметь дело с количественной дифференциацией гласных звуков (долгие же согласные обыкновенно учитываются языковым мышлением как два последовательных тожественных звукопредставления, т.-е. [n:] = nn, — несмотря на то, что фактически-то произносится обычно именно один долгий согласный, а не 2 кратких: напр. в [atta = at:a] мы имеем одну лишь (долгую) смычку — при t: — и один, а не 2 взрыва этой смычки).

*

В очень большом количестве языков существует принципиальное (фонемное) различие двух количественных категорий гласных: долгих и кратких. Таковы: санскрит, древне-греческий, латинский (и некоторые другие древние индо-европейские языки, унаследовавшие это различение из обще-европейского праязыка),[1] а из живых языков: немецкий, французский, английский (где впрочем количественные отличия гласных идут параллельно с сравнительно крупными качественными различиями), сербский, литовский, латышский, чеченский[2] и ингушский, некоторые из турецких языков (якутский, туркменский, мещерский (нижегородский) и диалектический узбекский [северно-узбекские говоры кышлаков Икана, Кара-Булака, Манкента, говор города Хивы и нек. др.], а с другой стороны киргизский[3] [«каракиргизский»] и др.), монгольские языки, японский (кроме северовосточных и некоторых южно-Кюсюских говоров [Кумамото, Сацума]), рюкюский[4] и ряд других (сюда

---

[1] Хотя для древнейшего из достижимых реконструктивным методом периода индо-европейского языка можно допускать и отсутствие принципиально-долгих гласных (т.-е. иначе говоря предполагать *вторичность* индо-европейских долгот).

[2] Впрочем о специфическом характере существующих в чеченском языке количественных категорий гласных (простых и полифтонгических) см. ниже: подстр. примеч. к стр. 197, и «Фонетическую характеристику чеченского языка».

[3] В якутском, туркменском, нижегородском мещерском, Кара-Булакском узбекском (как и в древних: уйгурском, орхонском и в языке Махмуда Кашгарского) сохраняются древние, обще-турецкие долготы гласных [напр. як. uot «огонь» (где uo — долгий полифтонгический, т.-е. неоднородный гласный, восходящий к *o:), туркменское o:d, мещерское Нижегородск. o:t, Кара-Булакское o:d-, уйгурск. ot т -е. «oot»]. В киргизском же, уже после конвергенции (совпадения) обще-турецких долгих с краткими, образовались новые долготы из стяжения двух слогов, напр. в ير e:r «седло» (в отличие от ير er «муж»); сравни узбекск. egær ئيگەر, «седло»; или же в киргизск. to: «гора» — из *taw ← *таЙ. В казакском же, как и в узбекском (Ташкентском и др. говорах, но не в Иканском, Кара-Булакском и т. п.) категория парных долгих гласных отсутствует; мнимые же долгие гласные — وُ ي — являются на самом деле дифтонгами (из гласного + согласного j или w), в Ташкентском [ij], [uw], в казакском — [ьj], [ъj], [yw], [sw].

[4] Значительная часть Рюкюских долгот происходит из стяжения древних двусложных сочетаний в тех же приблизительно случаях, как в японском

можно, с известными оговорками, причислить и китайский, где однако количество тесно связано с представлением музыкального слогоударения — см. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка»).

Весьма редко — лишь в качестве обще-фонетического исключения — встречаются фонетические системы, различающие более двух степеней гласных (и согласных); таковы, напр., финский и эстонский языки.[1]

В эстонском, например, различаются следующие 4 степени долготы гласных и согласных [условлюсь оставлять первую степень без всякого дополнительного знака, вторую степень обозначать двоеточием :, третью — через ·, и четвертую — через :: после буквы]:

1) Краткий гласный (или согласный). Примеры (для Ревель-

центральном и сверх того в тех случаях, где японские центральные сохраняют еще дифтонг, а периферии — северо-восточные и с др. стороны Кюсюские говоры — имеют уже монофтонг [— уже краткий в сев.-восточных и долгий в большинстве Кюсюских]; но в известной части случаев Рюкюская долгота соответствует акцентуационным различиям в зап.-японском (в частности мелодии [^], как в рюк ku:ba: || Киото kumô [Нагасаки koᵀbu] «паук»; в праязыке этому [^] и рюкюской долготе соответствовало, очевидно, сочетание гласного с носовым). В односложных же основах, имеющих в Токио краткий гласный, в рюкюском мы встречаем долгий, т.-е. то же удлинение односложных основ, как и в Киотоском При этом интересно отметить, что все гласные долготы (несмотря на их весьма значительную длительность в разговорной рюкюской речи) сокращаются в рюкюском поэтическом языке: напр. ɸa: («сторона» — из кит. ɸaŋ → *раМ → рюк. ɸa: [яп. ɸau → ho:]) и o:ru («зеленый» ← *ao-iro) при чтении стихов произносятся с краткими гласными a, o (и в рюкюском стихосложении — в противоположность японскому — разговорная долгота гласных совершенно игнорируется: оба слога в o:ru 青 色 или в so:ti 添 テ [— в поэтич. языке oru, soti] представляют вполне равновеликие единицы в стихе).

[1] Совсем иного характера четверное различение гласных (одного и того же приблизительно ртового уклада) в чеченском языке, куда входят 1) краткие и долгие *простые* и 2) краткие и долгие *дифтонгические* (точнее п о л и ф т о н г и ч е с к и е) гласные фонемы. Правда, с физической точки зрения можно и в чеченском различать 3 (по крайней мере) количественных категории одного и того же гласного (простого); но это если считать и комбинаторные различия (которые не будут принципиальными р а з л и ч е н и я м и) — между гласным в закрытом и открытом слоге.

ского говора[1]): pime «темно», tuli «пришел»; t в слове tyk̀.[2] [«tükk»] «кусок» ← нем. Stück.

2. Ординарно-долгий гласный (или согласный): pi:ma «молоко», tu:l «ветер» tu:le Genitiv. «ветра», hu:l «губа» hu:le Genitiv. «губы́»; tyk̀: «кусок».

3. Ультра-долгий гласный: pi:•ma Partitiv.[3] «(нет) молока», tu:•le Partitiv. «(нет) ветра» hu:•le Partitiv. «(нет) губы́»; tyk̀:•i Partitiv. «(нет) куска».

4. Удвоенный долгий, или максимально-долгий гласный (или согласный): pi::ma Illativ. «в молоко», tu::lde Illativ. «в ветер» (дублеты tu::l:e и tu:les:e[4]), hu::lde Illativ. «в губу» (дублеты hu::l:e и hu:les:e[4]); tyk̀::i Illativ. «в кусок».

Необходимо отметить, однако, что здесь морфологические

---

[1] Наблюдалось произношение уроженки Ревеля — Б. А. Поливановой-Нирк.

[2] Знаком ` (напр. k̀, t̀) я отмечаю характерную для эстонских (Ревельского говора) «мягких» степень палатализации По сравнению с русскими «мягкими» (*ть сь* и т. д.) эстонские t̀ k̀ и т. д. могут быть названы «полумягкими», и напоминают, в общем, комбинаторные полу-мягкие моего, напр., русского произношения (— перед следующим «мягким»), каково например s=s̀ в слове *снять*. В позиции перед i значек ` можно было бы опускать (так как здесь данная степень «мягкости» обусловлена комбинаторно); но разумеется там, где «полумягкие» стоят в независимой позиции (а именно на конце слов — напр. в nu:t̀ «*nuut*» «кнут», tyk̀: «кусок»), обозначение полу-мягкости обязательно (для «по-фонемной» или психофонетической транскрипции). С исторической точки зрения, эти, свойственные Ревельскому говору, представления парных «полу-мягких» согласных являются чертой сравнительно недавнего происхождения, а с другой стороны, вряд ли и окажутся долговечными в будущей истории говора. Интересной особенностью эст. полу-мягких долгих является неодинаковая степень палатализации (т. е. изменение уклада языка) от начала к концу согласного. Наконец, укажу на наличие случаев, где мягкость согласного—не обычного историко-фонетического происхождения, а может быть поставлена в связь со специфическим значением слова (что является достопримечательным, как пример так называемой Lautsymbolik).

[3] Падеж этот, соответствующий (по значению) русским Partitiv'ам на -u *чаю* (čaj-u), *сахару* (saxar-u), в эст. грамматике называется Osastav (от osa «часть»; ср. лат. pars, откуда и термин Partitivus).

[4] В этой последней форме имеется уже ординарная (а не удвоенная) долгота, так как признаком падежа здесь служит особый суффикс.

ассоциации[1] (различение падежей: Genitiv. [и Nominativ.] — Partitiv. — Illativ.) зависит не только от чередований количества, (т.-е. различений типа u: — u:· — u:: и т. п.), но и от музыкально-акцентуационных чередований, сопровождающих названные количественные различения: именно каждая из степеней *долготы* (т.-е. вторая, третья и четвертая степень количества гласного, resp. согласного) служит субстратом для осуществления своеобразной мелодии голосового тона (при чем, оказывается, характер этой мелодии стоит в органической связи с данной степенью долготы; это лучше всего видно в том, что на удвоенную, или максимальную долготу приходится двойная по своему составу мелодия).

Переходя к мелодической характеристике указанных чередований, нужно начать с простейшего случая фонетического состава слов. Двусложное слово из кратких слогов имеет (в большинстве случаев[2]) музыкально-силовое ударение[3] на первом слоге, который отнюдь, однако, не удлиняется от этого; наоборот, гласный второго (следующего за ударенным) слога бывает более длителен, чем гласный первого, сопровождаясь вместе с тем (независимо от интервала вниз от первого слога ко второму) понижением голосового тона внутри данного гласного; такова по крайней мере, картина изолированного произношения эст. слова (а эту позицию и нужно считать типологически-важной, как наиболее благоприятную для осуществления имеющегося в произносительном намерении фонетического пред-

---

[1] Различие двух первых (1-ой и 2-ой) степеней количества обычно семасиологизуется, а 2-ой, 3-ей и 4-ой морфологизуется (как деклинационное чередование) в эст. языке.

[2] Ввиде доминирующей нормы в эст. языке ударение приходится на первый слог. Но под влиянием других языков некоторые (заимствованные) слова усвоены уже с не-начальным ударением. Интересно, что старшее поколение остается зачастую верным общей норме и в этих словах. Напр. имя (для Эстонии — шведского происхождения) Brigitta стариками произносится как prígit:a с начальным ударением (а также с глухим р вм. b в начале слова).

[3] Т.-е. состоящее из краткого экспираторно-силового удара (ictus'a) и относительной высоты гол. тона (по отношению к неударному, т.-е ко второму слогу).

ставления слова). Таким образом слова типа tema tuli pime и т. д. произносятся со следующей мелодией:

te ma
tu li
pi me

При ординарной долготе (т.-е. 2-ой степени количества) первого слога, напр. в Genitiv'ax pi:ma tu:le hu:le и т. п., вторая часть долгого гласного играет, в мелодическом отношении, роль, соответствующую второму слогу слов tema tuli pime. Иначе говоря, музыкально-силовое ударение приходится лишь на первую часть долгого гласного. Если мы обозначим[1] мелодию слов tema tuli pime ввиде ⌜te⌞ma ⌜tu⌞li ⌜pi⌞me, то слова со 2-ой степенью количества в первом слоге выразить придется так: ⌜pi⌞:ma ⌜tu⌞:le ⌜hu⌞:le.

При ультра-долготе (т.-е. 3-ей степени количества) первого слога [т.-е. в Partitiv'ax] скачок голосового тона вниз (соответствующий скачку в ⌜te⌞ma ⌜tu⌞li ⌜pi⌞me) имеет место уже значительно позднее, чем в предыдущем случае (в Genitiv'ax ⌜pi⌞:ma ⌜tu⌞:le ⌜hu⌞:le), именно уже на самом исходе гласного — при переходе ко второму слогу. Мелодия этих Partitiv'ов может быть, следовательно, выражена так: ⌜pi:•¬⌞ma ⌜tu:•¬⌞le ⌜hu:•¬⌞le.

И наконец при двукратной долготе (4-ой степени количества) первого слога мы имеем и двойную по своему составу мелодию — в частности нисходяще-восходящую (ˇ). Транскрибировать формы Illativ'a (pi::ma и т. д.) можно, следовательно, так: ⌜pi⌞:⌜:⌞ma или сокращенно — pi:ˇ:⌞ma и т. д. Впрочем, нисходяще-восходящий характер не является единственно-возможным

[1] Пользуясь теми же знаками ⌜ и ⌞, которые я употреблял уже (с тожественным значением) при описании западно-японской муз. акцентуации (говоров Киото и Тоса) — см. выше.

в слогах этого типа (с 4-ой степенью количества): в зависимости от привходящих (эмфатических или синтаксических) условий вместо нисходяще-восходящей допустима, повидимому, и восходяще-нисходящая; но во всяком случае в обоих этих вариантах на-лицо именно *двойная* по своему составу мелодия (в которой ординарная нисходящая мелодия, присущая Genitiv'ам, умещается именно как *половина*, что соответствует и соотношению количеств гласных: [i::] : [i:] = 2 : 1). В итоге у нас наметилось, в связи с различиями количества гласных, 4 разных мелодических типа двусложного слова:

ˈpi˩me
ˈpi˩:ma
ˈpi:·˥˩ma
ˈpi˩:ˈ:˩ma

Что является первичным для эст. языкового мышления в этих чередованиях: количество или мелодия? — на этот вопрос трудно дать категорический ответ. Во всяком случае здесь мы имеем две физических стороны одного и того же психофонетического представления; они взаимно дополняют друг и друга, но каждая сохраняет свою потенциальную значимость и сама по себе. Это подтверждается уже тем обстоятельством, что в специфических комбинаторных условиях, где один из этих моментов вынужденно отсутствует, символическая функция в достаточной мере выполняется вторым. Например при глухости согласного в Illativ'e tyk`::i нисходяще-восходящая мелодия, конечно, не осуществляется как таковая: уцелевает лишь небольшой намек на нее в специфической акцентуации гласного у; выразителем формы (Illativ'a) выступает, значит, количество согласного.

Но есть и обратные случаи: в дифтонгах (где, повидимому, произошло сокращение и конвергенция 4-ой, 3-ей и 2-ой степеней количества благодаря положению *перед другим гласным*) носителем морфологического различия становится одна лишь мелодия: напр.

Genitiv. ⌜ka⌞evu «колодца» ⌜la⌞eva «корабля»
Partitiv. ⌜kae⌝⌞vu » ⌜lae⌝⌞va »
Illativ. ka˘e⌞vu «в колодец» la˘e⌞va «в корабель».

[Вероятно в этих формах произошла конвергенция (т.-е. нивеллировка количества) дифтонгов *a::e, *a:·e и *a:e. Позиция перед другим гласным, как показывают примеры в истории разных языков, является чрезвычайно благоприятствующей для сокращения долготы].

§ 61. В ряде же языков принципиальное различение долгих и кратких гласных, наоборот, совсем отсутствует (т.-е. отсутствуют парные категории долгих и кратких вроде a: o: e: и т. д. | a o e и т. д.), хотя при этом тем не менее могут существовать комбинаторные различия в количестве гласных.

Это мы встречаем, напр., в русском языке, где не может быть словоразличения в роде [dom | do:m][2]; тем не менее всякий ударенный гласный в русском языке оказывается сравнительно долгим (т.-е. получает комбинаторную долготу — именно ввиду комбинации с представлением ударения) по отношению к неударенным гласным (в среднем — в $1\frac{1}{2}$ раза длительнее неударенного).

Такую же комбинаторную долготу (буду обозначать ее одной точкой вверху строки, напр. [a·]) мы находим и в Аоморийском говоре японского языка, где все нормально-японские долготы (как гласных, так и согласных) уже сократились: тем не менее конечный слог слов, соответствующих Токиоским «дзэнхэй'ям» (全平), произносится в этом говоре с сравнительно большой длительностью, чем в других типах слов, напр. sara· «тарелка» 皿, hana· «нос» 鼻 (Токио sara hana), но этого удлинения не происходит при сильном подъеме голосового тона в ha⌜na «цветок» 花 (Токио ha⌜na).

Есть и другие комбинаторные условия количественных вариаций: главнейшие факторы состоят здесь 1) в составе слога:

[2] Диалектическое явление в виде вятского, напр., долгого а в быва́т (вм. быва́ет), мы здесь не рассматриваем.

в массе языков гласный закрытого (оканчивающегося на согласный) слога будет короче, чем гласный открытого слога: этим обусловлена дивергенция вульгарно-латинских гласных в романских языках (напр. e˙ и eC); этим же объясняется то, что обще-кит. *ip, *it, *ik — через ступень i$^{?}$ (入 聲) — совпадают в мандаринском главным образом не с долгими, а с краткими тонами (2-ым и 4-ым). Примеров подобного комбинаторного чередования (сравнительно долгого — в открытом, и краткого гласного в закрытом слоге) можно было бы привести множество (напр. профессор Миллер констатирует это явление в талышском языке, а О. Сухарева — в таджикском диалекте персидского языка), 2) в конечной позиции в слоге, которая в целом ряде языков обусловливает сравнительную краткость гласного [как будто противоречащее этому явление — в английском, где в конечной позиции в слове возможны только долгие гласные фонемы, имеет, конечно, специальное объяснение]. Между прочим, допуская такое сокращение конечных гласных в эпоху образования иранизованного диалекта узбекского языка, я нахожу возможным объяснить этим тот факт, что конечное *a турецких слов дало в этом диалекте (по крайней мере в Ташкентском, Самаркандском и Бухарском) звук æ [или ɛɪ] (т.-е. уподобилось таджикской относительно краткой фонеме æ [или ɛɪ]), тогда как *a неконечное дало ɔ (уподобившись таджикской длительной фонеме ɔ): напр. *ata [= *a˙ta] → Ташк. ɔtæ [= ɔ˙tæ], Самарк. ɔtɛɪ [= ɔ˙tɛɪ] и т. д.

Наконец в ряде языков количественные признаки сопровождают собою качественные различения гласных. Укажу в качестве примера на таджикский (Самаркандский) или же на узбекский иранизованный (Ташкентский или Самаркандский, где в сущности та же система вокализма, что в таджикском): 6 гласных фонем этих диалектов располагаются в следующие категории по их количественной характеристике:

1) весьма краткие гласные: ɪ u

Примечание. Не останавливаясь здесь на качественном

различии между Ташкентским ı и соответствующим Самаркандским (узбекским и таджикским) звуком, я условно обозначаю их одним знаком: ı. О случаях выпадения [ı] см. выше.

2) краткий: æ (в Ташк.; в Самарк. ɛı).

Примечание. ɛı в таджикском восходит к обще-иранскому краткому *a, напр. mɛın «я» ← др. перс. род. пад. mana ← и.-е. *mene (ср. слав. **МѢНЕ**).

3) сравнительно-долгие:

e	o	[или e·	o·]
ɔ			ɔ·

Примечание. Таджикские e o восходят к индо-европейским дифтонгам (в обще-арийской форме *ai, *au), напр. тадж. dew «див» ← *daiwa (ср. скр. dēva-ḥ «бог»). Таджикское ɔ (ɔ̃) восходит к обще-арийскому *a:, напр. dɔd «дал» ← *dā-ta (и.-е. √*dō, ср. лат. dō-nu-m, греч. δί-δω-μι, слав. **ДА-ТИ**).

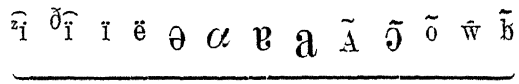
§ 62. Всякий гласный в нашей речи не является, строго говоря, вполне однородным на всем своем протяжении. При этом особый качественный уклон гласного в его различные последовательные моменты — от начала до конца гласного — зависит обыкновенно от соседних звуков (видоизменяющих прежде всего, разумеется, ближайший к ним период: начало или конец гласного). Так, например, русское ударенное [a] в слове тятя физически довольно сильно отличается от [a] в слове дам [dam] — несмотря на тожество произносительного намерения (т.-е. тожество фонемы a) в обоих случаях. Схематически состав этого [a] (в первом слоге тятя) можно изобразить ввиде ряда постепенно сменяющих друг друга звуков; грубо-приблизительно их можно обозначить, напр., так:

ś i ı e ɛ æ ä̈ æ̈ ɛı a ɛı ä̈ æ ɛ e ı i ś

Начало и конец (а в действительности бо́льшая часть всей фонации) здесь вовсе не являются звуком [a], а более передними

звуками — под влиянием предшествующего и последующего палатализованного [t']. При более или менее беглом произношении период чистого [a] может даже совсем отсутствовать: вместо него в центре гласного будет звучать [ӕ].

Наоборот, качественный состав а в слове дам (т.-е. в положении после «твердого» переднеязычного — апикального [d] и перед губным носовым [m]) выразится (схематически и опять таки грубо-приблизительно) так:



Это не мешает нам, однако, принципиально мыслить однородное (и постоянное в разных словах) звукопредставление (— ударенного [a]).

§ 63. Но в некоторых языках, наоборот, определенная *неоднородная* структура гласного оказывается принципиальной его характеристикой, т.-е. сам гласный, как таковой, — независимо от влияния соседних звуков, — должен видоизменяться в определенном направлении от начала к концу фонации.

Таковы, напр., полифтонги (букв. «многозвучия») или полифтонгические фонемы якутского, восточно-лужицкого, латышского, чеченского и китайского (Пекинского, Мукденского, Шаньдунского и др.). В якутском сюда относятся i͡e у͡ø ш͡а u͡o (в якутском «Новгородовском» алфавите: ѥ ѡ ъ *ѹ*), т.-е. полифтонги (или полифтонгические фонемы, — но не дифтонгические сочетания двух фонем)[1] *заменившие собою древне-якутские* (б. ч.

[1] Это доказывается в частности тем, что последний элемент указанных «полифтонгических фонем», т.-е. их элементы [e, ø, ʌ, o] оказываются более закрытыми (узкими), чем существующие в як. языке соответствующие краткие фонемы: ɛ æ a [точнее = ɑ] ɔ. А если бы наоборот мы имели бы здесь просто «дифтонгические сочетания 2-х кратких фонем» i + ɛ, y + œ, ш + a, u + ɔ, — то мы вправе были бы ожидать, что второй элемент этих дифтонгов будет, в общем (или по крайней мере при особо старательном произношении) равен звукам ɛ œ a ɔ в изоляции.

обще-турецкие) долгие гласные *e:, *ø:, *ш:, *o:;[1] поэтому-то и нынешние ie͡, yø͡, ша͡, uo͡ играют в современной якутской системе роль долгих гласных.

В северно-китайском к таким «полифтонгическим гласным» принадлежат:

1) сужающиеся: e͡i o͡u
2) расширяющиеся: i͡æ ш͡ə
y͡æ ɔ͡ₐ(ɔa͡)

[См. ниже «Краткую фонетическую характеристику кит. языка» (таблица третьих элементов силлабемы)].

И, наконец, из японских диалектических фактов сюда относится дифтонгическая (или полифтонгическая) фонема [ᵋa:] (и ее более редкий вариант [ᵋa]) в Нагасакском говоре деревни Мие: напр. tᵋa:ᒥko «барабан» — из *taiko, tatᵋa:ta Praeteritum «бил» — из *tataita, tᵋa: Dat.-Loc. от ta 田 (из ta-i ← ta-e), ᵩtᵋai «вдвоем» — вм. ᵩutari 二人. Появление этого звукопредставления объясняется принципиальным отсутствием парного «мягкого» согласного для звука t. Поэтому вместо [ʹa:], т.-е. [a:] с предшествующей мягкостью согласного, что мы имеем в этом говоре из *ai после других согласных (напр. jamʹa: Dat.-Loc. от jama, — из *jama-i ← *jama-e), после t (остающегося твердым) оба характерных для [ʹa:] момента (— и сам гласный [a:] и переходный Gleitlaut от мягкого согласного к [a:], заменяемый здесь через [ᵋ]) входят в качестве принципиальных элементов в гласное представление — [ᵋa:]).

Примечание. [ᵋa] в ᵩtᵋaˌi 二人 находит особое (и притом довольно сложное) объяснение.

---

[1] Например як. bie͡s ← *be:š «5» (ср. туркм. bæ:š), як. tyø͡rt ← *tø:rt «4» (ср. туркм. dø:rt), як. tша͡ «лес» ← *tш: ← *tшn ← *tan (ср. казакск. ᵹᒉ «гора»; отсюда же и чувашск. tu) ← *taƁ (ср. узб. ᵹᒉ), як. uo͡t ← *o:t «огонь» (ср. выше — туркм. o:d, мещерск. o:t, уйгурск. «oot»).

§ 64. В большинстве языков в образовании гласных участвует лишь спинка, но не самый кончик (corōna или apex) языка. Поэтому мы называем *передними* гласными такие, где работает передняя часть спинки языка (dorsum), тогда как с точки зрения классификации согласных мы назвали бы звук, при котором подымается к небу эта часть языка, не переднеязычным, а среднеязычным. Сравни определение [j] как *среднеязычного* согласного и соответствующего ему гласного [i] — в качестве *переднего* гласного.

Это расхождение вполне естественно — так как обычно при классификации гласных не имеют в виду возможности апикальной работы, которая так важна при согласных (именно при *переднеязычных* согласных: t d n s r и т. д.).

Однако в некоторых случаях (хотя весьма редко) встречаются и *апикальные гласные*, т.-е. такие гласные (слогообразующие) звуки, при которых кончик языка образует сужение против верхних передних зубов или же прилегающей к ним части твердого нёба. Остальная часть языка при этом не обнаруживает более или менее значительного выпячивания к нёбу, так что местом характерного для данного гласного сужения оказывается именно кончик языка (и с другой стороны передняя часть нёба или верхние передние зубы).

Такие гласные известны мне (по личному наблюдению) только: 1) в северо-восточных говорах японского языка, 2) в китайском (мандаринском).

В северо-восточно-японском сюда относятся фонемы ˢï и ʷü — напр. в Ёнэдзава ðᶻïðᶻi ← *juri «лилия», Аомори bᶻïro вм. *biru «пиявка» [в другом клане fsïro вм. *piru; ср. Киото çirû, Нагасаки biˈri], ᶻïᵗdo «нитка» ← *ito, maᵗsï [= maᵗsᶻï] «город» ← *mati, ʷüsï ← *ˈusi˩ «корова, бык» [слово обще-японское; рядом имеется местное диалектическое biᵏgo ← ˈbeko˩; ср. Нагасаки be:be˩:, be˩ko, bebeŋ˩ko «теленок»]; ʷüsï ← usu, ср. Токио ˈusu «ступка».

Примечание. Таким образом ʷusï «корова, бык» и ʷüsi

«ступка» различаются в Аомори лишь акцентуацией: в первом слове она соответствует Токпоскому дзэнхею, во втором — ударению на первом слоге.

В северно-китайском сюда относится, главным образом, апикальное ^{z}i или даже z̩ после свистящих: s ^{t}з c^{c}, т. е. в слогах sï | sz̩ (напр. 死, Шаньдунск. 是), ^{t}зï | ^{t}sz̩ (напр. 子, Шаньдунск. 紙), c^{c}ï | c^{c}z̩ («цы» в русск. транскрипции).

Происхождение апикального характера этих яп. и китайск. гласных объясняется чисто комбинаторно: ассимиляцией гласного (u или i, при том стремящихся к качественной и количественной редукции) к артикуляции предшествующего переднеязычного согласного (— в японском с з s, в китайском c^{c} ^{t}з/-з s): дело в том, что в северо-восточно-японском гласный ^{z}ï (после глухих ^{s}ï) первоначально появлялся именно только после переднеязычных аффрикат и спиранта (т.-е. слогах *cu *ci [откуда cï], *zu *zi [откуда зï], *su *si [откуда sï], т.-е. в слогах, восходивших к обще-японским *tu *ti *du *zu *di *zi *su *si); потом же — после того как из конвергенции u × i → ^{z}i (в данных позициях: после переднеязычных спиранта и аффрикат) выработалась особая новая фонема — ^{z}ï, — она была подставлена на место всякого старого *i в прочих позициях (таким образом начальное *i → ^{z}ï, *ki → k^{s}i и т. д.); а для соответствующей замены *u (не участвовавшего в конвергенции *u × *i → ^{z}ï, т.-е. вне позиции после передне-язычных аффрикат или спиранта) была создана сходная с ^{z}i по язычной работе, но губная фонема — ^{w}ü. Подробности см. в моей статье «Вокализм северо-восточных японских говоров» ДРАН, 1924.

С точки зрения физиологической классификации гласных апикальные гласные типа [^{z}ï] (и соответствующего лабиализованного [^{w}ü]) можно причислить к категории mixed, однако, лишь с оговоркой, что имеется в виду та разновидность категории mixed, при которой «средний» (или «смешанный») характер гласного обусловлен не тем, что поднимается к нёбу средняя часть спинки (dorsum) языка, а тем, что нельзя решить какая именно

из частей спинки языка (кончик языка, т.-е. apex, — не идет в счет) наиболее приподнята к нёбу: язык приподнимается, приблизительно равномерно, всею своею поверхностью: и задней, и средней, и передней частью спинки (dorsum), а сверх того еще и apex'ом.

С точки же зрения акустической, эти апикальные гласные (в частности китайское и японское ᶻï, которое при известных условиях приобретает характер просто [z] слогового — z̩) могут рассматриваться как промежуточная (переходная) ступень между гласными и согласными.

§ 65. В заключение общего обзора гласных звуков приведу таблицы транскрипционных символов (для гласных) в МФА 1907—1908 г., в видоизменении (Л. В. Щербой) МФА 1911 г., а также в других универсальных системах транскрипции: Бругмановской и Р. Л. А. Схема расположения символов — так называемый «треугольник гласных», в трех углах которого предполагаются крайние типы гласных: i u

a

т. е.: 1) узкие вверху, широкие внизу, 2) передние налево, задние направо (а промежуточные ступени занимают соответственное промежуточное положение), или наоборот.

Лабиализованные — в отличие от нелабиализованных заключены в скобки, напр., (u).

I. Гласные символы МФА 1907—1908 гг. (по брошюре проф. Л. В. Щербы).

(u ù) ɯ		(ü)		ï		(ỳ y) ì i		
(ʊ)						(ʏ)	ɪ	
(o ò)	ʏ	(ö)		ë	(ø̀ ø)	è	e	
			ə					
(ɔ)	ʌ	(ɔ̈)		ä	(œ)		ɛ	
			ɐ		æ			
	ɑ			a				

Объяснения знаков.

u — итальянское *u*, французское *ou*; ʊ — очень закрытое o;[1] o — закрытое *o* французского *beau*; ɔ — открытое *o* французского *tort* или еще лучше итальянского *notte*; ɑ — *a* во французском *pas*; a — *a* французского *rat*; æ — *a* южно-английского *man*; ɛ — *e* французского *fer*; e — *e* французского *né*; ɪ — очень закрытое e; ɯ — u, произносимое без округления губ; ʌ — точно так же произносимое ɔ (разновидность английского *but*); œ, ø, y — гласные ɛ, e, i, произносимые с округлением губ — ср. французские слова *peur*, *peu*, *nu*; ʏ — промежуточное между ø и y (шведское *hus*).

ì, è, ò, ù — ненапряженные гласные: слышатся в английских словах *pin, pen, no* (nòù), *put*.

ä, ë, ï, ö, ü — средние гласные (mixtes): ä — гласный, слышащийся в южно-английском слове *fur*, ï — гласный кимрского (уэльсского) *un*; ü — норвежского *hus*.

ə может употребляться в качестве знака для так называемых неопределенных гласных, в неударенных слогах, например, *e* во французском слове *Tournefort*; ɐ — в случае надобности может употребляться для такого же гласного, но более открытого.

Носовые гласные, не имеющие специального знака, обозначаются так: ɛ̃ — *in* (французское), œ̃ — *un* (фр.). ĩ — гласный португальского *fin* и т. д.[2]

Дополнительные знаки. Долгота обозначается :, ударение — в случае надобности — косой чертой (ˈ) перед ударенным слогом. Шопотные гласные обозначаются запятой внизу: u̯, i̯. Гласные напряженные обозначаются акутом, ненапряженные — грависом: немецкие gú:t, dùm; английские fí:t, fìt.

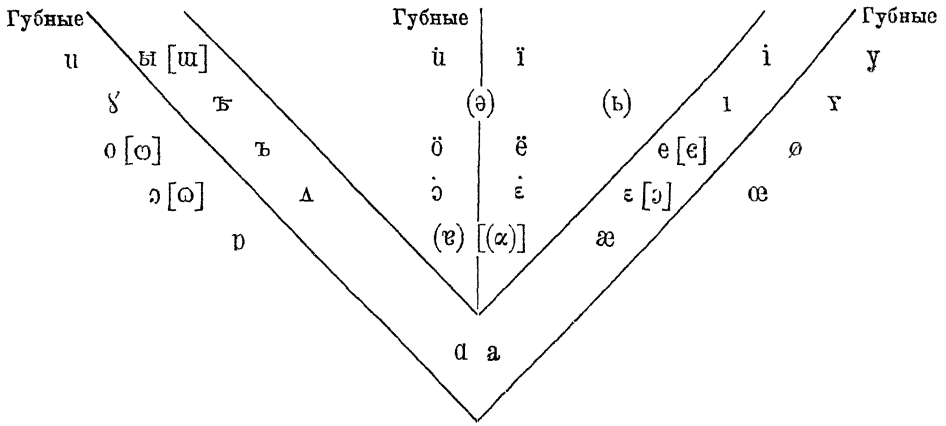
---

[1] Следовательно, этот знак (ʊ) можно было бы применить к узбекскому (Ташкентскому и Самаркандскому) закрытому о (в новой узб. графике و, ۆ). Е. П.

[2] Встречается еще, напр., в чеченском. Е. П.

⊢ после буквы означает язык более впереди, ⊣ — более позади, ⊤ — рот более открыт, ⊥ — рот более закрыт,) — губы более округлены, (— углы губ раздвинуты.

Таблица знаков для гласных в переработке МФА 1911 г. (Л. В. Щербы).



Объяснения знаков.

Особого объяснения таблица гласных не требует, кроме разве того, что двумя точками обозначены гласные mixed. Что разуметь под этим термином — дело каждого пользующегося, как это, впрочем, имело место и до сих пор. В круглые скобки взяты знаки для *иррациональных*, *редуцированных*, *неопределенных*, т. е. особо кратких, стремящихся к нулю гласных: ə — более закрытого, ɐ или ɑ — более открытого, ь — более переднего (наклонного к і).

Я заменил неудобное ʊ м. а. славянским ɤ, прописное I просто ɪ без точки наверху. Для заднеязычных негубных я взял знаки русский и болгарский, как подходящие по своему значению; только я соединил чертой обе части русского *ы*, для того чтобы оно не могло быть принято за 2 знака.

ɒ для очень открытого *о* давно предложено уже в Maître Phonétique и многими употребляется. Для открытых и закрытых

о и е я допустил также знаки, употребляемые Бодуэном, хотя лично мне они и не нравятся по мнемотехническим соображениям. [Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции», стр. 11, 14—15].

Знаки для гласных, употребляемые Бругманом.

u у u̯ i

o̯ ö̯ e̯

ǫ̯ ǫ̯̈ ę̯

a

Наконец, приведу еще знаки для гласных РЛА (Русской Лингвистической Азбуки) — по схеме четырехугольника (квадрата) гласных:

Движение языка										
Движение губ		вперед; отверстие узкое				индиферентн	назад; отверстие широкое.				Зубные.
	назад; отверстие длинное	і								ы	
			е	ä	э	а	е	ë	ы		
	вперед; отверстие круглое.		ö	ö	ö		o	o	o		Губные
		ў								у	
		Нёбные.				Гортанные.					

Дополнительные знаки:

1) Энергический выговор: a̲, o̲.

2) Слабая артикуляция: e̯, i̯.

3) Долгота: ā, ē.

4) Краткость: ă, ŭ.

5) Носовой оттенок с начала до конца гласного: a̰, ḛ.

6) Носовой оттенок к концу гласного: ą, ę.

7) Двухсложное произношение гласных: рус. на᷈ука.

8) Односложное произношение гласных: кля᷈за или кляўза.

9) Перерыв между гласными: араб. са'ала.

[Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции» стр. 19—20].

§ 66. Лично я в настоящей работе буду употреблять (на основе МФА) следующие символы гласных звуков:[1]

Нелабиализованные.						Лабиализованные.					
i						ɯ	u				u
ɪ						ʏ					ʊ
		ɪ̈			ʊ̈						
e			ə		ɤ̞			ø		o	
	ɛ			ʌ					œ	ɔ	
		æ	ɐ		ʌ						
			ɐ̟		ɑ						
				a							

Две точки ¨ над буквой означают mixed или уклон в сторону mixed.

Обозначение носовых (˜), глухих (̥) и пр. варьяций указывалось выше.

Психологические элементы фонетики (Психофонетика).

§ 67. В предшествующих параграфах (§§ 16—66) устана-

[1] Первоначально я предполагал включить в настоящий курс подробную схему с бо́льшим числом теоретических вариантов каждого типа, но так как использование такой прецизированной транскрипции требует громадной точности наблюдений (или же инструментальных, в частности рентгенографических данных), а иначе вместо точности мы рискуем давать просто ошибочный выбор знаков, — я отказался от этой затеи.

вливались различия между отдельными звуками в зависимости от звукопроизводных работ при них; но нужно иметь в виду, что, во 1), не все физиологические и физические различия между звуками (т.-е. различия по звукопроизводным работам и по акустическому составу звуков) имеют одну и ту же ценность для языка, как средства общения, и что, во 2), в разных языках ценность какого-либо различия между двумя звуками может быть различной; иначе говоря, отношение языкового мышления к известному качеству звука может быть различно.

Примером звуковых различий, мало важных для языка, как средства взаимного понимания, может служить хотя бы то, что какое-нибудь русское слово, напр. в о д а [vada] способно быть произнесенным на разные лады — громко или тихо и даже шепотом, быстро или медленно, отчетливо или неряшливо, может, быть даже гнусаво, в нос — и при всех этих физических и физиологических отличиях составляющих его звуков, оно остается все-таки тем же словом с тем же значением; а ведь при быстром неряшливом произношении гласный первого слога бывает другим, чем при чеканном произношении нараспев; при гнусавом же произношении неносовой гласный заменяется носовым. В слове т о п о т [tɒpat] гласный второго слога может быть при старательном произношении звонким, а при неряшливом — глухим. Но мы, однако, не задумаемся признать оба произношения за одно и то же слово и не привыкли отличать одно из них от другого. Ср. выше (стр. 80) о двух возможных произношениях южнояпонского (гов. дер. Мие) слова ha˛śi (или со звонким или глухим [i]), а также о допустимости и глухого [a] (т.-е. произношения [ha̬śi] с нисходящей мелодией внутри гласного [i]).

Но попробуем заменить в слове [vadá] ударенный гласный через звук [ɯ] — получится совсем другое слово: в о д ы [vadɯ]. Следовательно, различие между ударенным [a] и ударенным [ɯ] принадлежит к различиям совсем другого порядка, чем вышеприведенные, — к различиям, способным связываться с различиями значения (т.-е. дифференцировать слова). Если в слове в о д а

мы заменим звук [d] через [t], то мы, правда, не получим нового слова, так как слова [vatá] нет в русском языке, но мы, однако, чувствуем, что различие между [vadá] и [vatá] принадлежит к различиям того же порядка, как и различие между [vadá] и [vadш], т.-е. к различиям, способным связываться со смысловыми различиями и способным, следовательно, дифференцировать два слова. То обстоятельство, что слова [vatá] нет, — случайность; такое слово м о ж е т существовать в русском языке (например, для какого-нибудь иностранного собственного имени), и комплекс [vatá], независимо от того, является он словом или нет, так же отчетливо отделяется в русском языковом мышлении от комплекса [vadá], как комплекс [atám] (а т а м) отличается от [adám] (А д а м).

§ 68. Но различия между звуками, способные связываться со смысловыми различиями (и дифференцировать слова) в одном языке, могут оказаться непригодными для этой роли в другом языке. Резким примером контраста с отношением русского языкового мышления к известным качествам звуков (иначе говоря с русской п с и х о ф о н е т и к о й) может служить следующий факт из языка а и н у (обитателей Сахалина и сев. Японии). В их языке не играет важной роли различие между звонкими и глухими согласными, напр., слово [kotan] может быть произнесено также [kodan] — с тем же (приблизительно) правом, как в русском т о п о т второй — глухой гласный может быть заменен звонким. Но в русском [kotan] и [kodan] всегда будут резко отличаться, как комплексы, способные стать отдельными несмешивающимися словами.

В языке индейцев Южной Америки (ботокудов) подобным же образом оказывается несущественным различие в положении небной занавески при согласных: можно слышать то [d], то [n]; или то [b], то [m]. Одно и то же слово может быть произнесено то в виде [nene], то в виде [dede].

В китайском, японском (и других) языках могут быть различия между односложными словами в зависимости от присущей

тому или другому слову мелодии голосового тона (музыкальному ударению, см. § 33). Так в пекинском слог [ma] с одной интонацией представляет слово «мать», с другой — «конопля», с третьей — «лошадь», с четвертой — «ругаться». Русской же психофонетике такие возможности словоразличения чужды.

А для японца чуждым, наоборот, оказывается, например, такое простое для нас звукоразличение, как «р»: «л».

Во французском языке существует различение звуков [e] и [ɛ], способное, например, дифференцировать слова d é [de] и d a i s [dɛ], l é [le] и l a i t [lɛ], j'a u r a i [žɔre] и j'a u r a i s [žɔrɛ]; но в русском языковом мышлении существует только одно представление звука [e], и потому подобные словоразличения для русского языка невозможны (различие же русских слогов д е от д э, л е от л э, р е от р э лежит в качестве согласного, а не гласного). Потому-то, если только внимание не устремлено на указанное различие, русские обычно не улавливают его в речи француза и сами произносят вместо [e] и вместо [ɛ] один и тот же звук.

А, между тем, как это на первый взгляд ни странно, в русском языке существуют различные оттенки звука [e] — один, например, имеется в таких словах, как т е н ь, л е н ь, п л е т ь (т.-е. между «мягкими» согласными), близкий к французскому [e]; другой, например, — в ц е п (между «твердыми» согласными), близкий к французскому [ɛ]. Казалось бы, отчего русскому не узнать во французском [e] своего закрытого [e] (в т е н ь и пр.), а во французском [ɛ] — того звука, что в ц е п, и почему не уловить всюду разницу между этими звуками. Это объясняется просто отсутствием привычки обращать внимание на качество (закрытость или открытость) звука [e]: в русском языке нет таких случаев, которые привлекали бы сюда внимание говорящего и слушающего — нет (и не может быть)[1] противоположе-

[1] В коллективном языковом мышлении; в счет не идут индивидуальные языковые мышления людей, искушенных в изучении других, иностранных языков.

ний слов, различающихся только по данной черте (закрытому или открытому характеру [e]), подобных, например, противоположению слов [vadá] и [vadú]. И в тех случаях, которые могли бы дать повод к различению двух оттенков [e] — в т е н ь и ц е п, внимание направлено как раз не на эти оттенки, а на качество согласного. Благодаря постоянному соединению закрытого [e] с «мягкими» согласными, этот оттенок гласного не привлекает особого внимания. И ему вместе с открытым звуком в ц е п соответствует в языковом мышлении единое представление звука. Потому, если мы и будем подставлять закрытое [e] вместо обычного открытого в слово ц е п, или наоборот открытый звук в слово т е н ь, то получится только несколько неестественное произношение, но вовсе не такая резко ощущаемая разница, как между [vadá] и [vadú], или как между [vadá] и [vatá].

§ 69. Существующее в данном языке представление звука языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова, мы будем называть Ф о н е м о й.

Те различные виды звуков, которые могут быть осуществлениями (в мире физическом, т.-е. в произношении) одной известной фонемы (психической величины), называются ее в а р и а н т а м и (или о т т е н к а м и). Варианты фонемы, зависящие от комбинации (т.-е. сочетания) с определенными звуками или прочими фонетическими моментами (например, ударением), называются к о м б и н а т о р н ы м и в а р и а н т а м и (или о т т е н к а м и).

Варианты необязательные, — могущие быть и не быть, называются Ф а к у л ь т а т и в н ы м и.[1]

Возможны, однако, и дальнейшие уточнения этой классификации физических вариантов[2] фонемы (что предполагает, впрочем,

[1] От лат. facultas «возможность».

[2] Вместо термина Л. В. Щербы «оттенок» я употребляю слово вариант (или же с у б с т и т у т — для комбинаторных вариантов определенной позиции, ср. ниже в §§ 6ах о русском вокализме). Термин с у б с т и т у т особенно удобен тогда, когда один физический вариант бывает заместителем двух фонем.

значительную точность наблюдения и большое число психофонетических экспериментов[1] по данному материалу).

Так оказывается, что на самом деле громадное количество вариантов, причисляемых нами к комбинаторным, является, в сущности, факультативно-комбинаторными (или комбинаторно-факультативными): это значит, что при известном темпе и характере произношения (медленном и отчетливом) данный комбинаторный вариант может и отсутствовать (т. е. заменяться идеальным осуществлением произносительного намерения: типовым вариантом данной фонемы). В таком положении находится, например, японское (в Токиоском и в ряде других говоров, кроме таких как Тоса[2] или северо-восточных[3] и т. п.) z, являющееся комбинаторным вариантом фонемы [з] (точнее [з/-z]) — в позиции между гласными,[4] но при более или менее старательном произношении легко заменяется типовым вариантом фонемы — аффрикатой [ʒ]: напр haze/haze (назв. дерева)[5]; то же применимо и к соответствующей мягкой фонеме — [ʑ], точнее [ʑ/-ź], напр. aʑi/aźi («вкус» или назв. рыбы — эти 2 слова различаются

---

[1] Имеются в виду не инструментальные («экспериментально-фонетические») записи, а приемы фонетического наблюдения (с сопутствующим самонаблюдением объекта), для которого намеренно подготовлены соответствующие условия (в которых мог бы иметь место данный темп и характер фонации); в этой намеренной подготовке надлежащих условий и состоит момент эксперимента (опыта) — в отличие от простого наблюдения речи в естественно-сложившихся условиях.

[2] В Тоса фонема [з] отсутствует (как и [ʑ]), а взамен ее в соответствующих слогах имеются 2 разные фонемы: [z] (точнее [z$^{\eth}$]) и d (в позиции перед u; здесь d^{z}(u) является факультативно-комбинаторным вариантом фонемы d); и равным образом вместо мягкого [ʑ] ([ʑ/-ź]) имеются 2 фонемы: [z′] и [d′] (как в русском: *зя* и *дя*).

[3] В северо-восточных же встречается, напр. в говоре Ёнэдзава, [з] (ᵘз между гласными — на месте Токиоского [-з/-z]), неспособное к утрате смычки: aᵘзi (← *adi и *azi). Интересно отметить, что в Енэдзава есть особая спирантная фонема — [$\eth^{z}$] (в слоге $\eth^{z}$ï — из *ri и *ju).

[4] В начале же слова, а также после N (в данной позиции = n) [з] нормально сохраняет смычку (напр. anzu «абрикос»).

[5] В Тоса haz$^{\eth}$e.

лишь акцентуационно). Таково же чередование (комбинаторно-факультативное) -з/-z (в качестве вариантов фонемы ᵗз — после гласного или дифтонга) в северно-китайском, напр. ᵖbí-зə/ᵖbí-zə или ᵖbí-z̩ «нос» 鼻子.

Наоборот, такой физический вариант, который факультативно (при известных психологических условиях данного момента речи) возможен для любой позиции данной фонемы, следовало бы тогда называть факультативным в узком смысле слова (в противоположность комбинаторно-факультативным вариантам). В качестве примера можно указать на субститут русской фонемы [d′] в виде [j],[1] напр. [ьjot] вм. [id′ot] «идет», [jeṣ́t′] вм. [d′es′at′] «десять» (ср. восприятие русского слова десять китайцем [а также корейцем] в виде jeś(i); поэтому китаец (шаньдунец) спрашивал меня: чем различаются русские слова со значениями 十, 是 и 吃, т. е. десять, есть — связка и есть = кушать).

Наконец и внутри комбинаторно-факультативных возможно различать градации по степени частоты появления данного варианта в данном слове. Так например — в противоположность случаям [z] вм. [з] в японском (haze вм. hазе и т. д.), которые в общем являются нормальным произношением, — можно указать, как на пример обратного случая, на произношение узбекского h перед гласным u (в hunær هونەر) в виде [ɸ] (так что русским слухом hunær в таком случае может быть воспринято как «*фунэр*»): вариант этот, конечно, — комбинаторный (лабиализация h обусловлена соседством с u), но с другой стороны такая сильная губная работа (при h), что получается акустиче-

---

[1] Что возможно, конечно, в особо быстром темпе речи. Эта субституция (j вм. d′) наблюдается, мне кажется, как в начале, так и внутри слова (но разумеется не при конечном *дь*, которое дало уже t′). Замечу кстати, что это (факультативное в наше время) явление позволяет предполагать в будущем переход d′→j (ср. *ђ→j в словинском); это будет, я думаю, частный случай большого процесса ликвидации категории «парных мягких» согласных (к чему идет фонетическая история русского языка [как, напр, и польского]).

ское впечатление [ɸ], встречается чрезвычайно редко. И действительно, случаи, когда русское ухо воспримет hunær как «*фунэр*», оказываются исключительно редкими (приблизительно столь же редкими, как и восприятие *л* вместо японской токиоской фонемы r [— в позиции соседства с губным гласным]).

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

Добавление к § 49 стр. 165 (в связи с § 31 стр. 109).

Арабисту следует обратить внимание на последовательность в функциях точки (над буквой) в составе ар. букв, обозначающих спиранты типа английск. *th*, т.-е. в буквах ث ذ ظ. Каждый из данных ар. звуков отличался (в классическом произношении) от звука, изображаемого той же фигурой буквы, но без верхней точки, именно лишь по способу образования: ت د ط означали переднеязычные смычные — t, d и *ḍ (откуда, по общему процессу оглушения эмфатических согласных, — современное произношение ط в виде ṭ), а ث ذ ظ — соответствующие спиранты типа английск. *th:* θ, ð и ð̣.

